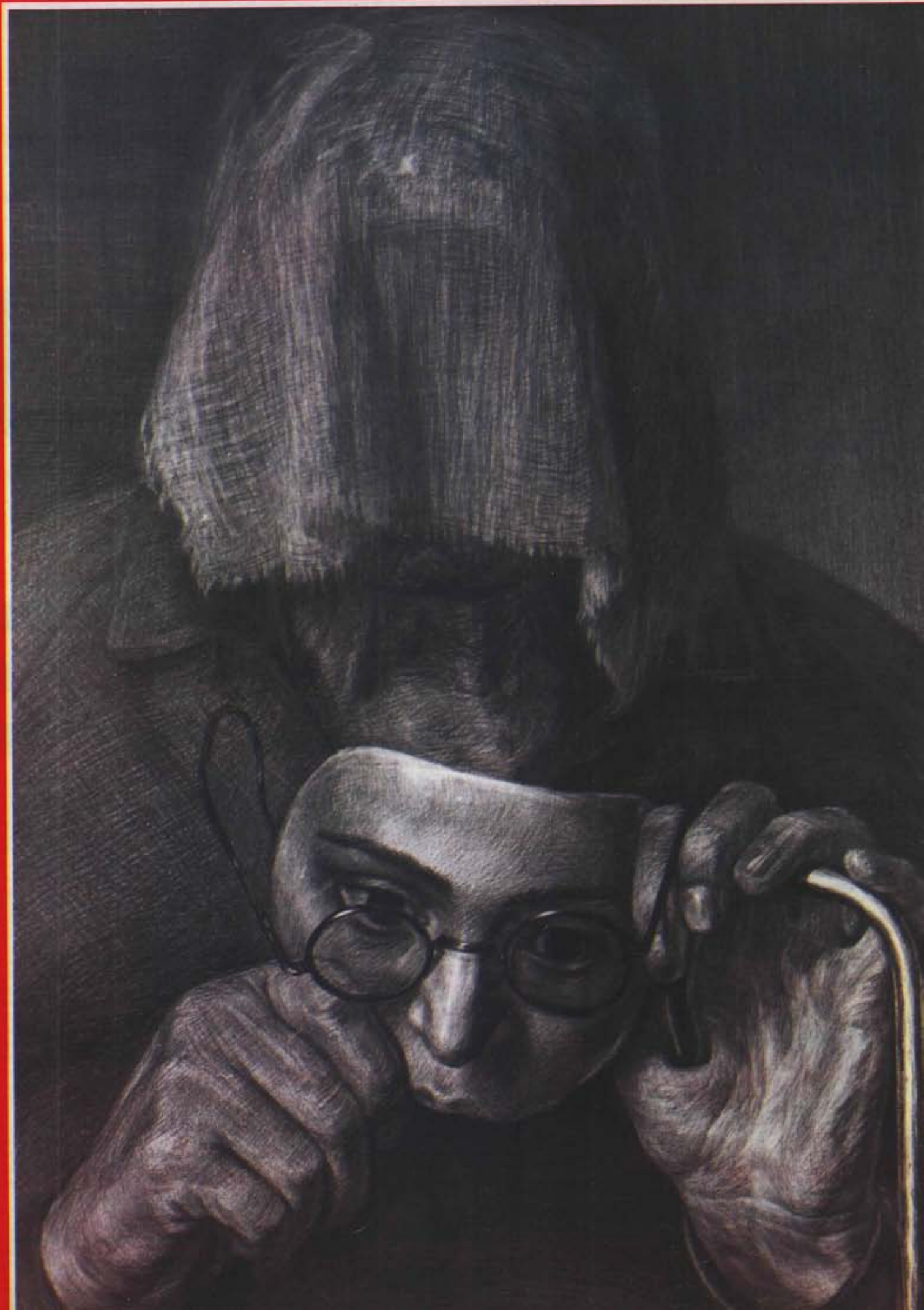


Как вернуть профессионала? Взгляд на проблему В. Пикуль. «От дедушки Соколова до внука Петрова»  
Еще одна «стройка века»? Позиция общественности  
«Медовый месяц» — трое суток... Фотоочерк  
Режиссер Сергей Овчаров: своя колея

Геннадий ДОБРОВ. «Портрет женщины с обожженным лицом».

**СТРАШНОЕ  
ЭХО  
ВОЙНЫ**

(Читайте стр. 4—5)



Есть ли сегодня проблема более острая и неотложная, чем дефицит профессионалов? Работа неумелая, бездарная стопорит движение общества, тормозит перестройку. Профессионализм не абстрактное понятие — это высококачественное образование, помноженное на доскональное знание дела. Так почему же мастерство убывает? Пора задуматься об этом всем миром.

Мы собрали за «круглым столом» редакции специалистов, связанных с подготовкой будущих профессионалов. В разговоре участвуют: В. В. ШАПКИН, кандидат физико-математических наук, директор ВНИИ профтехобразования; В. И. КОНКИН, заместитель председателя Гособразовании СССР; С. А. БЕЛАНОВСКИЙ, старший научный сотрудник Института экономики и прогнозирования научно-технического прогресса АН СССР; А. М. НОВИКОВ, заместитель директора методического центра профессионального и технического обучения молодежи, кандидат педагогических наук; И. П. ВОЛКОВ, преподаватель рисования школы № 2 г. Реутово, кандидат педагогических наук, заслуженный учитель школы РСФСР; М. В. НИКИТИН, заместитель директора московского СПТУ-180; В. А. РАЗУМНЫЙ, профессор-консультант НИИ художественного воспитания АПН СССР, доктор философских наук; А. П. КОЛПАКОВ, научный сотрудник.

«Круглый стол» ведет специальный корреспондент «Смены» Элла ЧЕРЕПАХОВА.

# ОБЩЕСТВО БЕЗ МАСТЕРОВ ?

Корреспондент. Недавно, будучи в Томске, я задала вопрос известному ученому — профессору, доктору экономических наук, заведующему кафедрой экономики и организации производства ТГУ В. А. Гаге: «Как бы вы определили, что такое «хороший рабочий» в эпоху НТР?» Он ответил: «Затрудняюсь дать точное определение, потому что серьезные социологические исследования показали: повсеместно уровень квалификации нашего рабочего примерно на два разряда ниже, чем требует современное производство. Притом он не универсален, не способен к ротации в пределах участка, цеха, завода. А у рабочего за рубежом такие способности быстро растут. Медленная профессионализация — одна из метастаз застоя — таит стратегическую опасность для нации. Мы держимся глубоко ошибочного взгляда, что кадры — ресурс, практически не ограниченный и, уж конечно, менее важный, чем техника и финансы».

Мы знаем: на словах все отдают приоритет «человеческому фактору». А на деле? Давайте попытаемся выяснить, что именно убило профессионализм, разрушило престиж многих рабочих (да и не только рабочих) профессий? И как в связи с этим разумней перестроить профессиональную подготовку, которая будет иметь значение для жизни все боль-

шего числа людей, поскольку переучиваться в связи с быстрой сменой технологий придется и взрослым рабочим. И, возможно, не однажды и не дважды, а много раз.

В. Шапкин. Думаю, что на профессиональную подготовку будут оказывать и уже оказывают воздействие не только перемены в области техники или технологии. Но также перемены в экономике и даже политике.

Возьмите рост кооперативного движения в стране. Плохой работник кооперативам ни к чему — им нужен умелец, профессионал. Вот почему так быстро созрела идея кооперативных профтехучилищ, где можно подготовить такие кадры. Хотя по недавнему постановлению Совета Министров СССР ясно, что реализованной ей не быть. И, пожалуй, напрасно. Немало опасений, что все трудней будет заманить молодежь на государственное производство, особенно на непрестижные вакансии вроде «заколотчиков ящиков», «забойщиков скота», «швей-мотористок» и в том же духе. И уже сейчас ежятся опытные и тертые жизнью директора ПТУ: как бы им не вменили в обязанность поставлять предприятиям рабочих именно этих, перспективных профессий, а не тех, широкого профиля, созвучных времени, на подготовке которых, казалось бы, нужно сейчас сосредоточиться.

В. Конкин. Да, печальный опыт

в этом деле у профтехобра имеется. От этой политики он уже претерпел. И это тоже удар в спину профессионализму.

С. Белановский. Здесь прозвучало: что убило профессионализм? Ситуация вроде как детективная. Стало быть, требующая расследования: кто убил? Когда убил? Почему убил? Какое, так сказать, «чудище» скрывалось последние 10—15 лет за «кудрявыми» показателями квалификации работников и гнало ближе к нулевой отметке их реальный профессиональный уровень? Загадка поставила бы в тупик Шерлока Холмса. Чудище ведь не имело как будто ни формы, ни цвета. Оно ничего не хотело и никуда не стремилось. Вернее, не оно, а она — все более и более разбухающая незаинтересованность самого производства в труде высокой квалификации. Да, везде прославляли отдельных единичных асов и «маяков», для праздничных отчетов были нужны «положительные примеры», но в массовом масштабе они оказались ни к чему. Естественно, высокая квалификация и перестала в конце концов быть социальной ценностью, сколько-нибудь желанной целью. Это вполне согласовывалось с тем, что фабрики как заколдованные продолжали ткать километры давно уже вышедшей из моды ткани или, допустим, выпускать все больше несуразно сконструированных комбайнов.

Бессодержательность, а часто и не-

выполнимость производственных планов гасили творческое начало, которое является обязательной составной высококвалифицированного труда.

Сегодня это привело к тому, что в любимчики иных хозяйственных руководителей попадает работник, обладающий средней или даже низкой квалификацией, но готовый занять весьма непривлекательное рабочее место. Конкурентами работников высокой квалификации стали «серые». А ПТУ и техникумы столкнулись с массовым нежеланием учащихся работать.

Корр. Удивительно, но на многих предприятиях простаивает даже новейшая техника. Например, порой видишь развешанные по заводу призывы к молодежи стать операторами станков с ЧПУ...

С. Белановский. Станок с ЧПУ не такая уж завидная приманка. У нас почему-то принято считать, что чем меньше в профессии доля ручного труда, тем он более квалифицированный. Оператор пульта дистанционного управления в химическом производстве считается более высококвалифицированным рабочим, чем электросварщик. Это, однако, не так. В мировой практике оператор — рабочий низкой квалификации: следит за стрелкой прибора да нажимает, когда нужно, кнопки. А вот сварщики в развитых странах относятся к рабочим высокой квалификации: им даже преподают металловедение.

Повышение ценности образования, да еще в короткие сроки, — дело далеко не простое. В новую концепцию профтехобразования должна быть заложена система каких-то новых взаимоотношений с производственными объединениями. Хотя дело это тонкое... И нужны реальные стимулы к получению и сложной профессии, и высокого разряда.

**В. Конкин.** И кооперативу, и государственному предприятию нужен высокоуровня рабочий. В конечном счете и те, и другие работают на общество. Но я убежден: только при системном обучении мы можем подготовить рабочего нового типа, рабочего, который не только эффективно эксплуатировал бы новейшую технику, но и обладал широким техническим кругозором, выраженным интеллектом, развитым чувством ответственности. Ведь нарушения многих новейших технологий могут иметь

как микроэлектроника. Тут нужны способность к восприятию новой информации, навыки абстрактного мышления... Кто будет обучать в этом направлении? Сами предприятия? Но менять подготовку надо не заплаточным, а коренным образом. Опережающее образование, многопрофильные сложные профессии, более широкий выбор уровней образования — вот что заложено в новой концепции профтехшколы.

**Корр.** Наверное, об этом надо сказать подробнее.

**В. Конкин.** Новая концепция предполагает подвижность, гибкость, многообразие учебных программ, планов, штатных расписаний, ныне унифицированных и одинаково обязательных для всей системы. Концепция стремится сочетать интересы личности и потребности производства: для этого предлагается, в частности, трехступенчатая система обучения. Первая ступень — про-

шей стране на общее и профессиональное образование. Образование, а не просто набор навыков для управления техникой. В концепции проходит красная нитью мысль: каждый человек должен иметь и среднее общее, и профессиональное образование. Даже если он не будет работать по этой профессии, а выберет что-то иное. Таков гуманный аспект образования, как он задуман в новой концепции.

**Корр.** Это гуманно, но «гуманно по-русски». Не является ли ненужным благодеянием молодому человеку и растратой для государства профессиональная подготовка «вообще»? Человек ведь, по идее, получает профессию не для того, чтобы почувствовать себя «не хуже других», а чтобы обрести свое место в жизни. Зарабатывать на жизнь трудом, который был бы ему и по душе, и по способностям.

испытывать себя во всем — в строгости, пилении, рисовании, техническом творчестве. Учитель — только доброжелательный взвешивающий наблюдатель. Он ведет «творческую книжку школьника» не как учебный дневник с оценками, а как записи, нужные для анализа склонностей каждого ученика. Нельзя вылавливать в массе учеников тех, кто годен для рабочих профессий. Не на это должна быть нацелена профориентация, а на выявление свойств и качеств, говорящих об уровне способностей к обучению вообще. А он заложен природой. И только после этого надо переходить к определению сферы приложения сил. Здесь нет социальной «приворочности»; мы должны избираться от предрассудка, что художник — обязательно творческая личность, а рабочий — нет, что учиться на художника нужно долго, а на рабочего — быстро. В художественном училище художника готовят четыре года, а хорошего лекальщика лет шесть-семь надо учить, да не из всякого толк выйдет...

Нужен не просто думающий рабочий. Нужен думающий человек. Это много шире! В концепции правильно подчеркнута необходимость в новом типе учителя, но надо еще «дожать». Верю в учителя, который знает и умеет больше целого НИИ. Я написал книгу о том, как сжать учебный процесс, образно говоря, до «черной дыры»; как сократить нагрузку на мозг, объем изучаемого материала, отсеять словесный хлам, раскрепостить психику ученика. Тогда развитие учеников может достичь значительного уровня. Это выразится в удачном профессиональном выборе. На Западе довольно плодотворно экспериментируют в этом направлении. Существует направление «янг профессионализм». С 10—12 лет ребята учатся в обычной школе и одновременно работают в избранной области. К 20—23-м годам, когда профессиональная основа заложена, можно идти вглубь, изучать параллельные дисциплины. У нас же в стране средний возраст защищающих докторские диссертации по естественным наукам, например, 48 лет, кандидатские — 36—37. Мы должны сужать эти разрывы. Использовать наши ценнейшие человеческие ресурсы, а для этого создать все условия, чтобы выявить их. Я не только предлагаю свою, дающую неплохие результаты систему выявления способностей с раннего возраста, но и призываю других педагогов искать и находить свои, может быть, еще более совершенные методы.

**М. Никитин.** Способности-то способностями... Но знаете, почему взлетел наш космический «Буран»? Потому что на этой программе были сосредоточены лучшие научные и организаторские силы, финансы, техника. А если бы для «Бурана» были отпущены такие же средства, как для народного образования, он бы не только не взлетел, но и никогда не был бы построен. Многие проблемы школы и ПТУ именно в ассигнованиях на образование. И надо вынуть руль из рук тормозящей дело бюрократии в сфере образования, иначе никакие самые прекрасные концепции перемен не принесут. Если административные методы управления будут превалировать, то со временем придется увеличивать ассигнования на специальные ПТУ, колонии и другие репрессивные организации, а также на бюрократию, которая разрастается в связи с необходимостью усиливать репрессивные и контролируемые функции.

**В. Шапкин.** Согласен! Образование в сиюминутном смысле всегда убыточно, но в итоге оно окупается с коэффициентом большим, чем в другой сфере. Он выражается в отдаче квалифицированного труда обученного рабочего. По-



опасные последствия для здоровья и работающих людей, и окружающего населения, не говоря уже о современном оборудовании: автоматических линий, лазерных установок, всей этой техники, начиненной электроникой. Сбой в системе профессионально-технического образования, безусловно, были. Вызваны они теми же причинами, что и сбой во всех других сферах жизни, — застоём, социальными и политическими деформациями. Но мы же не ликвидируем школы потому, что там много проблем. Не закрываем вузы потому, что и они во многом оказались несостоятельными. ПТУ как форму обучения оставить, без сомнения, необходимо. Но наполнить ее новым содержанием. Пока мы в этом отношении отстали от других стран. В США в 1973 году была принята программа занятости и профподготовки, которая объединяет разные программы в одну систему. В Японии в 1969 году принят новый закон о профессиональной подготовке: обучение идет все время работы человека. В обрабатывающей промышленности Японии в среднем 50 дней в году рабочий учится. В ФРГ срок профессиональной подготовки продлен на год и значительно усилен элемент теоретического обучения. Предприниматели, понятно, действуют не из благотворительных целей. Нынешний уровень производства требует большей интеллектуальности. Возьмите такую область,

профессионально-трудовая школа, куда принимают после седьмого-восьмого класса и за три — шесть месяцев дают несложную профессию. Выпускнику присваивается разряд; он вправе поступить на второй-третий курс среднего ПТУ.

Вторая ступень — среднее профтехучилище и техническое училище. Срок обучения варьируется от года до трех, в зависимости от уровня образования подростка. Такие училища смогут готовить наиболее необходимых производству квалифицированных рабочих. Наконец, третья ступень — высшее профессиональное училище. Из его стен должны выходить профессионалы самого высокого класса. После окончания ВПУ можно будет поступить в вуз, допустим, сразу на третий курс...

**В. Шапкин.** Должен быть снят диктат органов образования над тем, какую именно долю в обучении может занимать профессиональная подготовка. Ориентиром должны служить реальные интересы и возможности групп учеников.

**А. Новиков.** Мы привыкли твердить, что надо заимствовать у США и японцев. Слеплены их успехами! Мы не собираемся рассматривать человека лишь как высокоэффективный придаток к машине, а на Западе это было, есть и будет! Демократизация образования — право любого человека в на-

**В. Конкин.** Да, я упустил этот момент, а в концепции он неплохо, помоему, отражен. Думается, один из существенных пунктов концепции — создание эффективной службы профориентации (в отличие от господствующей ныне профпропаганды, профрекламы). У нас есть опыт успешной, научно обоснованной профориентации и в городах Прибалтики, и в Казани, и в Реутове (Московская область). С самого раннего возраста можно верно определить сферу деятельности, подходящую именно данной личности. Вообще у нас сейчас в стране около 20 таких центров, а в ближайшее время будет 40. Но им почему-то определено находиться под эгидой Госкомтруда. Это один из тех камней преткновения, которые никакой концепцией не объехать.

**И. Волков.** Способности человека нельзя воспитать, к сожалению. Только усмотреть, есть они или нет. В каждом сидит, так сказать, некая генетическая гребенка с неровными зубьями. Возмечтал стать человек в медицине академиком, а гребеночка-то выше участкового врача не пускает. Зато пошел бы он же в армию и до генеральского звания вполне бы домаршировал — это его сфера, тут зубец генетической гребенки совсем другого «роста». Чтобы выявить такую гребенку, надо дать проявиться человеку в самостоятельной творческой деятельности. Для этого нужно, чтобы человек с раннего возраста мог



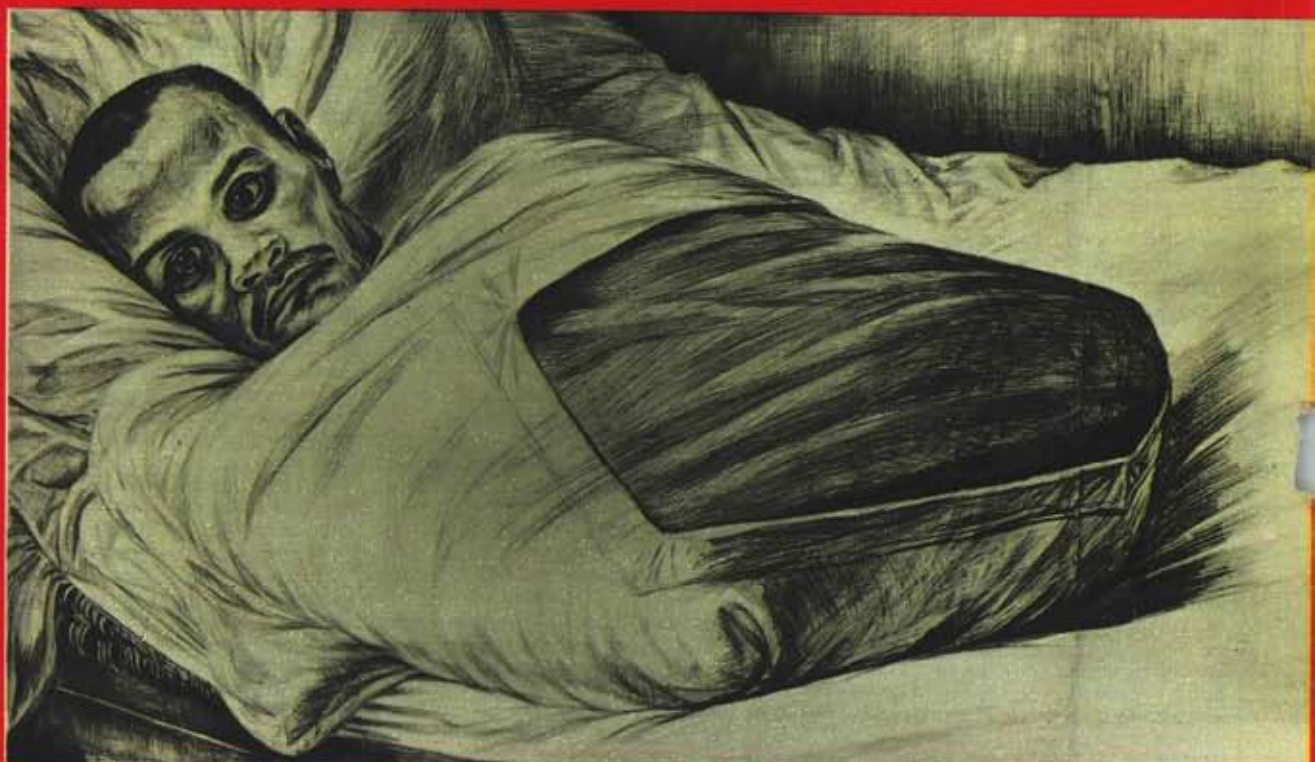
Рассказ о медалях.



Бред преследования.

Виктор АНТОНОВ

Неизвестный солдат.



Оканчивая Суриковский институт, Геннадий Добров к диплому, помимо серии рисунков о целине, сделал офорт. Мальчуган с этюдником на крыше сарая (словно воспоминание омского детства) был одобрен руководителем Е. А. Кибриком, а вот то, что виделось на втором плане офорта — деревянные сутулые домишки, сараи-развалюшки, — восторга у преподавателя не вызвало.

— Побольше неба дай, — посоветовал он, — можно башенный кран на горизонте. Да уберни уборную с глаз, иначе не пройдет.

Как в воду глядел профессор — не прошло, 1962 год. Борьба за чистоту в искусстве скорее напоминала за-

# ЛИЦО ВОЙНЫ



мазывание негатива. В чести был профессиональный оптимизм, лакировка... Пришлось горе-студенту защищаться экстерном через три года.

Дорого стоит право оставаться самим собой. Модильяни не мог продавать свои картины и зарабатывал на хлеб, моя посуду в ресторанах. У Пиромони их просто не покупали, и он за тарелку супа расписывал стены харчевен и сколько раз слышал «благие» советы бросить все...

Да, художник свободен в своем выборе, но всякому ли по плечу такая свобода? Талант все равно прощется! Но когда: в тридцать, сорок,

Портреты давно перестали быть для него просто темой — стали смыслом жизни. Причем все поездки от Онеги до Сахалина не были «творческими командировками». Инициатива личная — сам и расплачивайся. Месяцами жил Добров вместе со своими героями в домах-интернатах, помогал им чем только мог. Они с благодарностью принимали его труд, оттаивали душой: пели ему песни, шутили... Но как часто встречали грустным укором: «Эх, чуть бы пораньше, еще бы застали...» — и называли людей, из тех, что не дожили до этого момента. А ведь они все эти годы жили где-то рядом. Пока мы



Возвращение с прогулки.

в шестьдесят? Застанет ли его признание на склоне дней или догонит посмертная слава?

Добров неделями оттачивает каждый графический портрет, по нескольку лет пишет одну картину и уже который год живет исключительно на зарплату жены. Не слишком ли высокая цена? А ведь ему за пятьдесят...

Так о чем его графика, «про что» живописные полотна?

В 1974 году на Валааме, в интернате для инвалидов, сделал художник первые четыре портрета. В 1980-и, в Карелии, закончил сороковой. В начале этого года академик Д. С. Лихачев назовет его работы творческим подвигом. И что же? Отдельные портреты были представлены на восьми республиканских и всесоюзных выставках. Именно представлены, то есть приняты, заявлены, внесены в каталоги, но не выставлялись. И даже перед персональной выставкой все никак не давали «добро» на ее проведение. Просматривая портреты инвалидов Великой Отечественной, кое-кто из комиссии искренне недоумевал и даже сердился:

— Да ему не то что выставку — самому бы руки оторвать! Нет, ну зачем нашему зрителю эти калеки?

И то правда: если бы представлены были привычные портреты жизнерадостных Героев Труда (на фоне безбрежного хлопкового поля или кумача актовых залов), это было бы куда пригляднее.

А многие зрители на этой выставке, и не только старшего поколения, плакали не стыдясь.

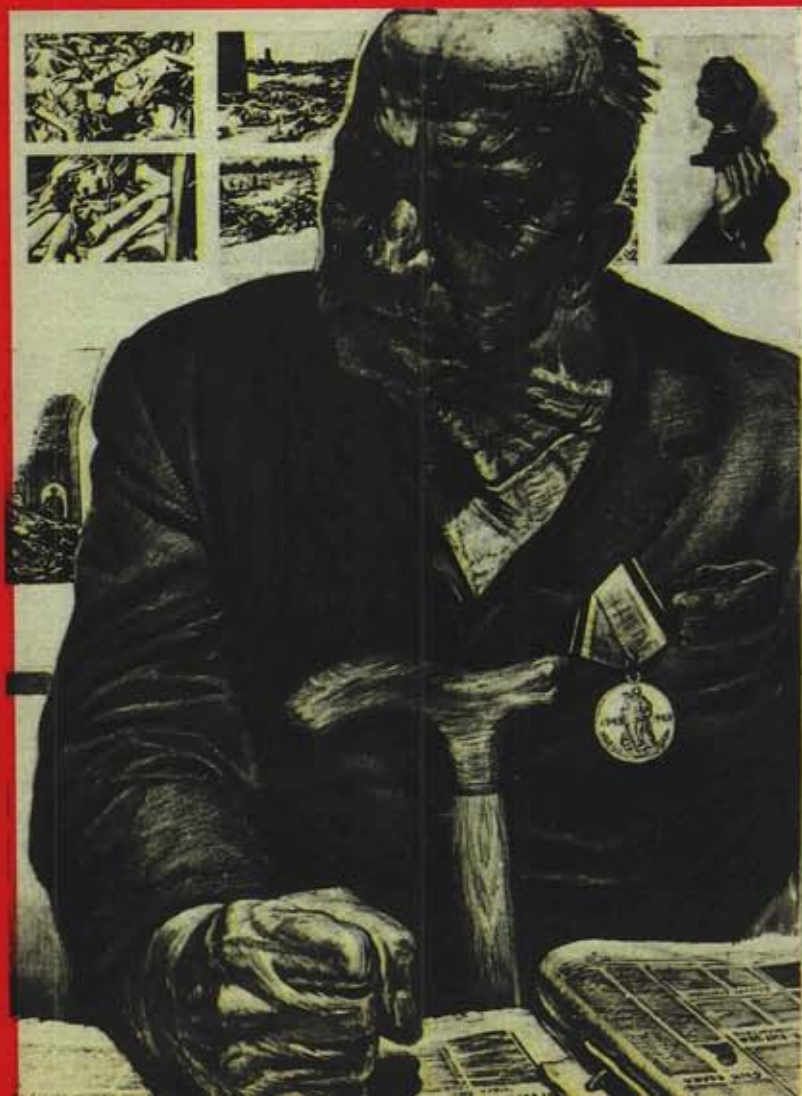
стыдливо отводили глаза, уговаривая себя, что у нас-де нет этой проблемы (государство позаботится), за рубжом инвалиды прочно «вписались» в уличный пейзаж, посещают театры и библиотеки, даже свои Олимпийские игры проводят. И только в Советском Союзе калек словно не существовало. Еще в пятидесятые годы некоторых можно было встретить в пригородных поездах просящими милостыню (потом и их не стало видно). Остальные же — сотни тысяч — тихо сидели, почти безвылазно в четырех стенах: или в своей комнате в коммуналке, или в доме-интернате. И так же тихо умирали под облегченный вздох окружающих: «Отмаялся, бедняга...»

Да, они уходили из жизни, ничем не потревожив нашего покоя, пока художник не решился нарушить заговор молчания, чтобы напомнить о сострадании к этим людям — обездоленным, изувеченным войной, забытым обществом.

Вглядимся в лицо человека с простреленной головой, обреченного на неподвижность, посмотрим ему прямо в глаза — если сможем. Лейтенант Александр Подосенев.

Рядовой Иван Забара. Глубокие морщины изрезали лицо слепца. От изуродованной руки солдата, от пальца, нащупавшего медаль за Сталинград — «О, там был ад!» — невозможно отвести взгляда. Что-то притягательное, гипнотическое в этом... Но что? Не понять.

Окончание на 23-й стр.



**В Ленинграде предпринимается попытка соорудить беспрецедентный увеселительный Центр с роскошными отелями, барами, игровыми автоматами и прочим. Какая нужда в этом? О ком пекутся отцы города?**

**смена '89**

**Юрий СОКОЛОВ**

В середине ноября прошлого года ленинградцы прочитали в местных газетах: подписано советско-американское соглашение о разработке технико-экономического обоснования строительства на северном побережье Финского залива, в поселке Лисий Нос, международного Центра развлечений, который по масштабам не имеет аналогов в мировой практике!

В небольшой газетной статье сообщалось: руководители города, выступая на брифинге, подчеркнули, что «Центр массового досуга будет служить прежде всего целям духовного обогащения и уже потом, во вторую очередь — коммерческим задачам».

«Хватит за нас решать! Я требую, да-да, не прошу, а требую, чтобы этот очередной «проект века» обсудили с ленинградцами! Хватит!» Эти полные негодования строки одного из горожан поместила «Ленинградская правда» 7 декабря 1988 года.

Против чего же протестуют читатели?

По словам автора проекта, заведующего кафедрой вычислительных систем Ленинградского института авиационного приборостроения профессора М. Игнатъева, Центр будет замечательный: там и «Страна сказок», и компьютерные, выставочные залы, спортивные комплексы, зоопарк, крытый плавательный бассейн с морской водой, песчаными пляжами; кафе и пальмами. Центр будет сверкать мощными рекламными огнями экстраклассных отелей с барами и ресторанами. Международный дом моды, залы аукционов, ярмарки, наводненные товарами со всего света и на любой вкус, но за твердую валюту... Наивно полагать, что юные горожане с Ржевско-Пороховых или Юго-Западного района будут проводить свой досуг наравне с интуристами. Если и попадут в доступные для них «отсеки» раз-другой — ну, случится такое, — то с какой же внутренней смутой будут возвращаться молодые люди в нашу весьма суровую и зачастую очень непривлекательную действительность с опостылевшими коммуналками, безликими многоэтажками новых районов.

Спрашивается: какие такие целительные эмоции вызовет этот Центр у наших юных сограждан? И почему все, чего нет в городе, должно быть только там? Согласно Генеральному плану развития, утвержденному в 1987 году, все районы и микрорайоны города должны обеспечиваться и детскими площадками, и спортивно-оздоровительными комплексами, и местами культурного досуга. Но запроектированные в микрорайонах места для общественно-культурных центров так и остаются незастроенными, превращаются в пустыри со строительными свалками. Жалкое зрелище.

А проведено ли социологическое исследование среди жителей Лисьяго Носа? Кто-нибудь поинтересовался их мнением о будущей стройке? Именно так ставился вопрос на брифинге в ноябре прошлого года.

«Районные и городские советские органы, — писали в «Ленинградскую правду» жители поселка Лисий Нос — не сделали попытки выяснить наше отношение к данному строительству, и мы были поставлены перед уже свершившимся фактом».

Только 16 декабря в поселок Лисий Нос на вечер вопросов и ответов приехали представители Ленгорисполкома. В поселковый кинотеатр «Чайка» невозможно было протиснуться, за два часа до собрания зал был забит. Люди толпились и на улице. Заместитель председателя Ленгорисполкома Г. Букин, один из тех, кто подписывал «Соглашение», в своем вступительном сло-

ве говорил о новой политической ситуации в мире, открывающей возможность реализовать с международным участием небывалый проект — Центр массового досуга.

Посыпались вопросы: почему в рабочую группу не включили представителей поселка? Что будет с землей, на которой живут люди? В газете пишут, что «дачный поселок» не пострадает, а тем временем идет спешная инвентаризация домов? Почему владельцев мелкого рогатого скота, свиней, кур предупреждают о необходимости «в случае чего» быстро аннулировать свою живность? Куда денутся многочисленные базы отдыха и пионерские лагеря ленинградских предприятий?..

Вопросы, вопросы... И ни одного разумительного ответа. Ни автор идеи Центра профессор М. Игнатъев, ни начальник УКСа Ленгорисполкома А. Алфимов, тоже поставивший подпись под «Соглашением», ни представители рабочей группы не дали достаточно ясных ответов на вопросы. Профессор Игнатъев рассказывал об американском Диснейленде, где ему посчастливилось побывать, какие он видел чудеса в увеселительном городке. Говорил о том, что в Центре будут господствовать идеи добра, дружбы и справедливости...

Сообщение, что вопрос переселения поселка Лисий Нос, «если таковое потребуются», будет решаться правлением коммерческого предприятия, вызвало шквал протестов. Значит, жить или не жить нам на родной земле — будут решать коммерсанты?! Не много ли берут на себя отцы города? Землю торговать — последнее дело. А здесь жили наши отцы и деды, здесь кладбище. Князь-Владимирская церковь, братские могилы защитников Ленинграда, памятное место расстрела революционеров 1905—1907 годов. Это же — родина! Зал был единодушен: слишком уж велика цена за увеселительный Центр с компьютерными играми и барами.

Находясь в Ленинграде и беседуя со специалистами самых разных направлений, я слышал не раз: сама концепция Центра носит декларативный характер. Это не что иное, как плохо подогнанная мозаика, не выражающая никакой общей и целостной картины. Индустрия досуга, которая так привлекает М. И-

гнатъева и его коллег, заимствована из худших времен застоя: глобальность, помпезность и вселенская монументальность. Мы не только копируем американскую модель, но и придаем ей гигантские размеры. Если, к примеру, Диснейленд занимает 32 гектара, то нашим проектантам непременно нужна территория в две тысячи гектаров. Таким образом, намечается еще одна гигантская «стройка века».

Критикуя саму идею строительства Центра досуга, специалисты подчеркивали ее одностороннюю проработку и отсутствие компетентной оценки в экологическом, социальном, культурном, нравственном и экономическом аспектах.

Кандидат биологических наук, старший научный сотрудник ВНПОбумпром С. Строев вопрошает: «Как можно подписывать соглашение на строительство гигантского комплекса, который резко ухудшит стоящую на грани катастрофы экологическую обстановку в восточной части Финского залива?»

Загрязненность Невской губы объясняют теперь неочищенными сточными водами города, а также возросшим применением химикатов в сельском хозяйстве и... строительством дамбы. Да-да, опять та самая знаменитая, нашумевшая дамба.

Мне невольно пришлось познакомиться с этой проблемой, узнать, какие сложные и часто непредсказуемые явления вызывает дамба в отношениях между природой и человеком.

Как расписывают теперь «преестицентра развлечений, так же и лет десять назад слаженный хор пел славу морскому щиту города от наводнения. Помните?

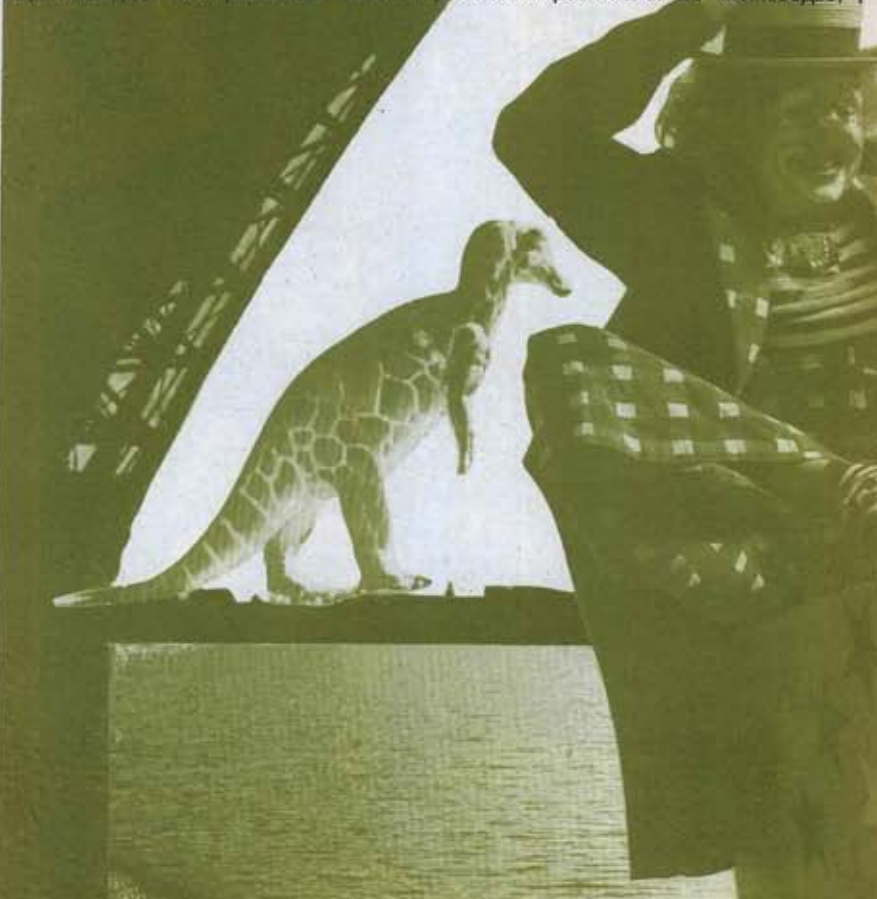
И вот результат: дамба частично перекрыла традиционный путь Невы. По небрежности строителей водопропускные сооружения не обеспечивали проектный пропуск воды. Не находя выхода, поток сворачивал в южный пролив, нарушая природную систему течений. А севернее Котлина, вдоль курортного побережья, образовалась стоячая зона с мертвой водой, хлябями берегами.

Прежде, до строительства дамбы, здесь каждое лето на песчаных пляжах отдыхали десятки тысяч ленинградцев, резвились ребятишки на мелководье,

**За  
чей  
счет**

**В  
Ш  
О  
С  
Т  
Е  
Т  
Е**

Коллаж Александра КЛИЩЕНКО



где над рябоватым светло-серым дном снова стайки рыбешек.

Теперь к берегам нанесло столько грязи, что и не подождать.

Прежде здесь гнездовали утки, ловилась рыба, во время перелета останавливались на отдых миллионы птиц. А в сторонке, в тихих укромных местах, заросших камышом, селились ондатра, нутрия и бобры, завезенные сюда из заповедника.

Теперь повсюду только гниющая жидкость, подпертая дамбой.

А ведь еще до ее возведения специалисты предупреждали, что затея чрезвычайно опасна для природы, дамба погубит Невскую губу и вызовет эпидемиологическую опасность для курортной зоны. В 1978 году более ста ученых научно-технического совета ВООП считали неприемлемым строительство этого сооружения. И экспертная комиссия ГКНТ и АН СССР в своем письме в Госстрой сообщала о возможности ухудшения экологических условий в отгораживаемой части залива и рекомендовала Госстрою пересмотреть проект, учесть реальность положения дел с дамбой. Но факт остается фактом — не учли. Возобладала перспектива грандиозной многолетней стряпки с большим привлечением материальных, денежных и людских ресурсов. И тогдашние отцы города одобрили проект западного варианта дамбы, пренебрегли простыми истинами, проигнорировали рекомендации ученых.

«...если губа зацветет и провянет — мы ее засыплем», — вспомнились слова тогдашнего первого секретаря Ленинградского обкома КПСС Романова. Что ж, в «дальновидности» Романову не откажешь — Невская губа зацвела, и ныне несет от нее сероводородом.

Конечно же, предусматривались и очистные сооружения. Но с самого начала обозначился разрыв. Скажем, если строителям дамбы деньги платило Минэнерго, то строителям очистных — ведомство победнее. «Дамбисты» получили современную технику и в первый же год мощной поступью ринулись расширять фронт работ, претворяя в жизнь «проект века». Трудились они с молодецким размахом, вели себя независимо, допускали вольности в обращении с проектом. Их не очень-то интересовало, как идет работа на очистных сооружениях. У них была своя грандиозная задача: к 1984 году построить сухопутный проезд от Горской до Кронштадта. Дорога, состоящая из цепи дамб и песчаных перемычек, первоначально наглухо перекрывала Северный пролив, образуя застойную воду. И только под нажимом проектировщиков, заказчика и гидрогеологов смысли надводную часть песчаного вала. Подводные же земляные преграды еще полтора года мешали протоку, задерживая загрязняющие вещества. Очистные сооружения? С опозданием не менее чем на два года закончилось строительство первой очереди (она возводилась десять лет) Северных очистных сооружений в поселке Ольгино. Но тут оказалось, что главный тоннельный коллектор, по которому бы «хлынули» стоки на эту очистную станцию, все еще находится на стадии проектирования, а дата ввода коллектора не раньше 1992 года! Увы, это не единственный просчет, не единственный проектный промах.

А пока картина такова: сточные воды — практически не очищенные и не обеззараженные — попадая в застойную зону, лениво перемещаются от поселка Ольгино не в Финский залив, а к городу, в сторону Приморского парка Победы. Обеспечить нормальную экологическую обстановку в Невской губе так и не удалось. Правительственное решение о стопроцентной очистке сточных вод осталось на бумаге. Ни один пункт этого «руководства к действию» подразделениями Ленгориспол-

кома не выполнен. Как водится, никто ответственности не понес. Вывод: обстановка неотвратимо наказания за экологическое преступление в нашей стране еще не создана, о чем уже не раз говорилось в «Смене».

И теперь, после подписания «Соглашения» на технико-экономическое обоснование развлекательного Центра идут обсуждения, какой вариант очистки выбрать: окончательную локальную со сбросом в Финский залив или предварительную локальную со сбросом в Северные очистные сооружения. Однако можно ли игнорировать тот факт (как и десять лет назад), что наши самые современные и производительные очистные станции воду практически не очищают? Они лишь отфильтровывают крупные примеси, улавливают нефтяные пленки, песок, перерабатывают органику, осветляют воду. «Основной поток ядовитых веществ, биогенных элементов, а также микрофлоры проходит станцию транзитом... Со всей ответственностью надо заявить, что нынешняя деятельность очистных станций в условиях Комплекса защитных сооружений приносит значительный вред, дискредитируя идею своего существования», — отмечалось в журнале «Звезда».

Способна ли северная ранимая природа безболезненно выдержать поступление дополнительных отходов от громадного числа (десять миллионов в год) туристов? Сотни тысяч машин, автобусов заполнят не только имеющиеся и новые автодороги, но и всю прибрежную полосу Карельского перешейка с ущербом западной зеленой зоне. Способны ли те, от кого теперь зависит, будет ли подписан международный контракт, понять, что гигантский Центр может вызвать еще один экологический просчет, чреватый необратимыми процессами? Или и нынче перспектива грандиозного многолетнего строительства берет свое? Судя по всему, да. Иначе как понять слова профессора М. Игнатъева: «На строительство дамбы затрачены сотни миллионов рублей, которые, по сути дела, отдачу не дают. А этот проект позволит получить отдачу от этих строительных мощностей».

В конце 1988 года на сессии АН СССР академики, с тревогой говоря о создавшихся «чрезвычайных обстоятельствах в Невской губе, предложили обратить внимание правительства на необходимость прекращения строительства до получения научно-технической экспертизы проекта дамбы, на тяжелейшую экологическую ситуацию, а также переключить производственные мощности управления «Ленморзащита» на строительство очистных сооружений и канализование стоков города.

Однако из выступлений руководителей города ленинградцы поняли, что производственные силы «Ленморзащиты» предполагает направить на строительство развлекательного Центра. Именно «Ленморзащита» бросит свою технику и рабочую силу не на жилищное строительство и благоустройство города, не на то, чтобы улучшить санитарное состояние Невской губы, а на варварское уничтожение Левашовской пустоши, леса и перелески которой дают кислород и оздоравливают воздушный бассейн Северо-Запада Ленинграда. Именно «Ленморзащите» будет поручено выполнение работ нулевого цикла большого развлекательного Центра.

«Дамба — это часть стратегического плана», — говорит начальник управления Усанов. — А вторым этапом будет строительство международного Центра туризма и развлечений».

После встречи представителей Ленгорисполкома с жителями поселка Лисий Нос в городе были проведены дискуссии. «Цель их, — по словам про-

фессора Игнатъева, — понять доводы противников, не эмоции, а доводы. И доводов против Центра мы не нашли».

Технократ, автор концепции Центра, уверенный, что ему удастся осуществить давнишнюю затею, «не услышал» убедительных доводов своих соотечественников.

В ленинградском Доме ученых в Лесном, где проводилась одна из дискуссий, присутствовали 200 человек. Выступило около 35 специалистов. Из них 30 — с критикой проекта. Архитекторы говорили, что за основу проекта взята американская модель организации культурного досуга, механически перенесенная на нашу почву, без учета собственного уровня социально-экономического развития.

Ботаники в своих выступлениях привели пример, как при строительстве Северных очистных сооружений в поселке Ольгино участок стройки был опоясан двухметровой траншеей для осушения территории. Березы и сосны, росшие там, мгновенно засохли. В проекте предусмотрено сооружение судочного канала пятнадцатиметровой глубины вокруг развлекательного Центра. От этого неминуемо пострадают леса, входящие в зеленую зону Ленинграда, погибнет популяция восковника — растения, занесенного в Красную книгу. Стоимость этой популяции — 32 миллиона рублей.

Один из выступающих, молодой человек, работающий экскурсоводом «Интуриста», Виктор Машеджинов совершенно справедливо говорил: «Иностранцы приезжают к нам не из-за игровых автоматов, аттракционов и отелей. У них есть и получше. Их привлекают уникальные памятники, музеи, дворцы. У нас нет музея Пушкина, если не считать на Мойке, да и тот плохо отреставрирован. У нас нет музея Ахматовой. Городу нужен музей блокады Ленинграда. Вот что могло бы нас духовно обогатить. А вместо этого мы имеем кемпинг в поселке Ольгино — очаг бездумных развлечений, проституции, фарцовки и валютных махинаций. Но этот кемпинг — ничтожная капля по сравнению с задуманным Центром... И еще: иностранные туристы стали приезжать к нам со своей питьевой водой во флягах, термосах».

Теперь уже известно: над Ленинградом вообще нависла угроза острейшей нехватки питьевой воды. О загрязнении Ладоги и Невы вроде бы слышали, но насколько это может быть опасно в ближайшем будущем — не осмысливается до конца. Ибо точные данные состава воды скрывают даже врачи санэпидстанции — те, кто в первую очередь должен беспокоиться о здоровье населения города. И это незнание грядущей опасности оборачивается молчаливым попустительством при проталкивании очередного «проекта века».

На восстановление первоначального качества воды в Ладожском озере требуется не менее 25 лет при условии снижения поступления фосфора в 1,5 раза от нынешнего уровня. Но поскольку закрытия действующих предприятий, скидывающих неочищенные воды в озеро, не предвидится и объемы вносимых

удобрений на поля увеличатся в 2,6 раза (по данным ВАСХНИЛ), то о спасении озера и говорить не приходится.

Для снабжения города питьевой водой в чрезвычайных ситуациях объединению «Севзапгеология» было поручено разведать новые запасы питьевой воды. Геологи нашли подземную реку. Но когда готовились к размещению водозаборных скважин, то увидели, что это уникальное водохранилище находится под той самой землей, которая на 50 лет будет передана в распоряжение иностранных фирм. Люди горько иронизируют: не получится ли, что в «стране чудес» предприниматели будут нам же продавать питьевую воду?

Закон же гласит: «Запрещается проектирование и строительство населенных пунктов, промышленных комплексов и других народнохозяйственных объектов до получения от соответствующей территориальной геологической организации данных об отсутствии полезных ископаемых в недрах под участком предстоящей застройки».

Тщательно продуманный, с подготовленными докладчиками академический семинар в Доме культуры имени А. М. Горького стихийно превратился в незапланированный митинг, на котором была принята резолюция: «Участники семинара считают, что до подписания каких-либо юридических документов с инофирмами необходимо провести глубокую, всестороннюю экологическую проработку Центра или его вариантов. Эта проработка должна быть осуществлена независимой комиссией».

По заверениям профессора М. Игнатъева, экологической экспертизой должна заниматься кафедра общей экологии Лесотехнической академии. Но представитель Академии А. Евстратов на семинаре сообщил: «Мы только получили такие предложения. Работы еще не вели».

«Быть или не быть Центру — не нам решать. Это дело компетентных органов. Кто не согласен — может уйти!» — заявил публично председатель семинара В. Морозов, заместитель начальника Главного управления культуры Ленгорисполкома. В ответ — взрыв возмущения участников семинара: «Общественность Лахты против!», «Жители поселков Лисий Нос и Ольгино протестуют!», «Ленинградцы требуют референдум!».

Какой там референдум! Все предвещает, что и не скрывалось: «Мы все-таки будем строить Диснейленд!» — заявляла другая сторона.

Пока шел горячий спор, в Ленгорисполкоме готовили учредительные документы, согласовывали, увязывали вопросы передачи земли в необходимых и обусловленных «Соглашением» разменах под строительство Центра. По телефону сообщали своим заокеанским партнерам уточнения по готовящемуся проекту, чтобы в откорректированном виде это нашло место в Генеральном плане. Они делали свое, для них все эти дискуссии, обсуждения в печати и на митингах не что иное, как инсценировка гласности и демократии. Горько осознавать, что и на пятом году перестройки мы еще бессильны перед чиновниками аппарата, которые по-прежнему определяют наши судьбы.

**Р. С. 5 апреля по ленинградскому телевидению в защиту проекта выступил начальник УКСа Ленгорисполкома А. Н. Алфимов. По его словам, разработкой проекта занимаются очень профессиональные люди, и оценивать их работу будут специалисты не менее профессиональные. Но ведь мы знаем, что в свое время очень компетентные люди проектировали ленинградскую дамбу и не менее компетентные специалисты этот проект одобрили. Правда, на этот раз ленинградцам обещают референдум. Вот только какое мнение окажется решающим?..**

Сейчас, когда в нашем обществе немало пересудов и кривотолков о благородстве шахматных турниров, мне, конечно, вспоминается бывшее — как сражались наши предки. Нет смысла погружаться в пучины древности, ибо читатель без меня знает, что даже в былинах воспеты русские витязи, разрешавшие спорные вопросы не бранным мечом, а за шахматной доскою: «шах да и мат да и под доску», — иначе говоря, побежденный лез под стол, чтобы наглядно принять позор своего умственного поражения.

Оставим древность, на время забудем попа Битку да Степку Вытащи, кои не боялись загонять под стол даже Петра Великого, и сразу окунемся во времена екатерининские. Эта дама любила шахматы, а ее светлейший фаворит Потемкин-Таврический переменял дела государственные с разрешением шахматных ком-

бинаций. Увлечение шахматами в эпоху «екатерианства» было столь велико, что даже под Очаковым, когда Суворов был ранен, полковой врач застал его плавающим в крови, но... за партией со своим адъютантом. 1791 год памятен на Руси появлением перевода работы Вениамина Франклина «Нравственность игры в шахматы»; в которой доказывалось, что жизнь человека сродни шахматной игре, а наша судьба во многом зависит от умения управлять ею, предугадывая опасности и умело отражая атаки озлобленных недругов.

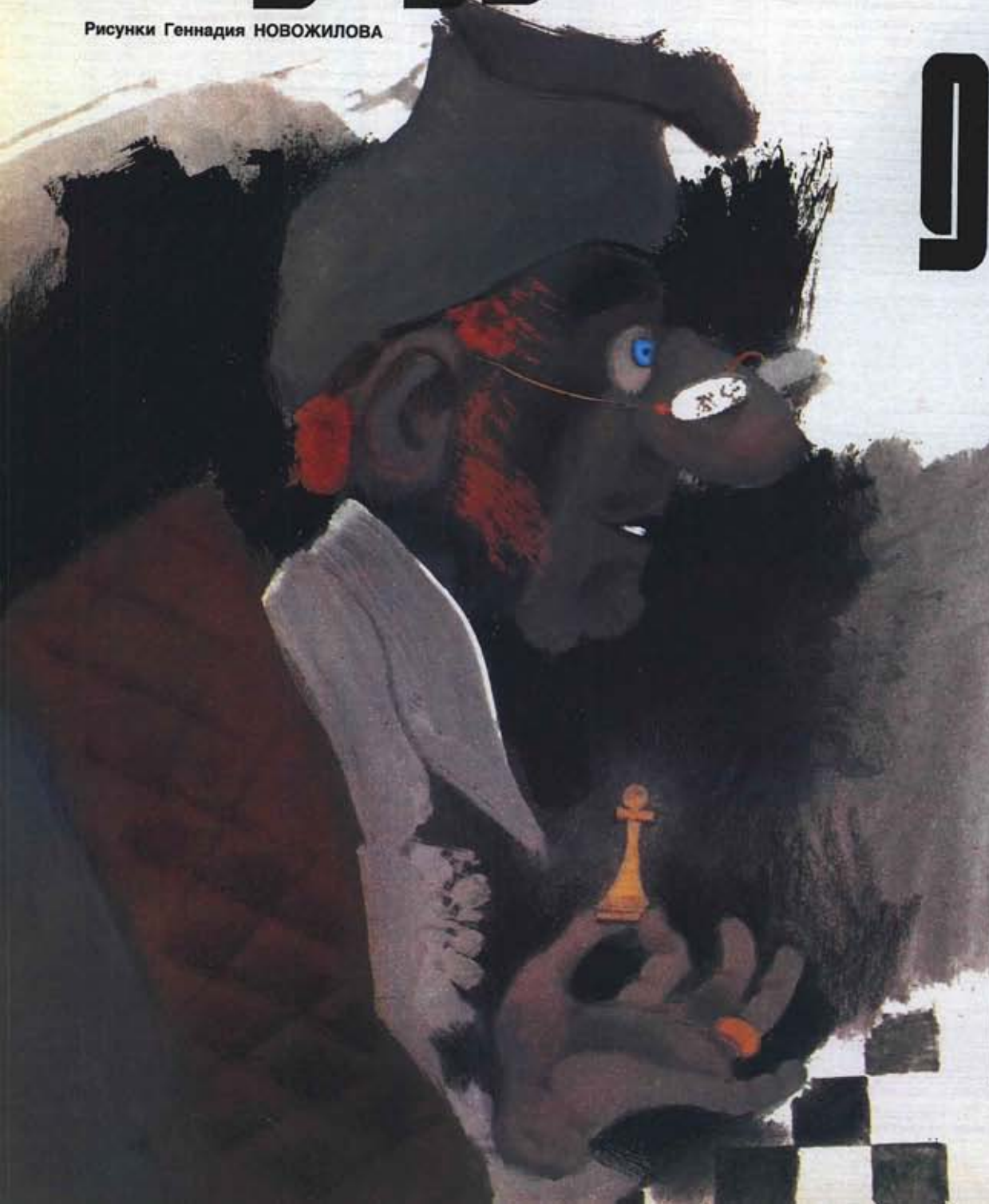
Будем считать, что вступление окончено.

Так что, дорогой читатель, сразу перейдем к делу... Для этого представим себе глухую столичную окраину — Инженерную улицу на Петербургской стороне, где в скромном домике проживал знаток российских

Валентин ПИКУЛЬ

# От дедушки Соколова до внука

Рисунки Геннадия НОВОЖИЛОВА



законов Иван Алексеевич Соколов, который всю сознательную жизнь провел под каблуком своей ненаглядной супруги Авдотьи Александровны. Тихо там было, по ночам слышалось, как в саду тяжело опадали с дерев перезрелые яблоки, а спать тогда рано ложились, пробуждались с первыми петухами. Вот этот-то Соколов был лучшим шахматистом России, и даже в старости — уже сенатор! — он готов был проснуться в полночь, чтобы поиграть в шахматы, говоря при этом:

— Да не слишком ли поздно, мой любезный? Ведь мне завтра к пяти утра в департаменте быть... служба-с!

Соколов никому и никогда не проигрывал, а проиграл только однажды в жизни — не кому-нибудь, а самому черту!

Времена были другие — более скромные, и Соколова никто не называл чемпионом, никто не чувствовал его, как триумфатора, и не склонял он чиновную выю под бременем лавровых венков.

Однако он стоит того, чтобы рассказать о нем подробнее.

Память у него была столь уникальная, что он наизусть знал все законы Российской империи, которые, ежели собрать их вместе, так на одном возу было не увезти. Служил Соколов в комиссии для принятия решений, был добр с людьми бедными и обиженными, а начальства боялся не меньше своей Авдотьи.

Чего она с этим «чемпионом» только не делала!

Великий законник по субботам колол для нее сахар на всю неделю, заводил часы с кукушкой, которая от старости уже не куковала, а звонко лаяла, как злоущая болонка, перебирал запасы гречневой крупы, изымая из них черные зернышки для пропитания домашних куриц. Но при этом все помыслы Соколова были посвящены анализу шахматной игры гениального Андре Филидора; Иван Алексеевич, перебирая крупу, зрело обдумывал великое значение пешек в борьбе прочих фигур. Раскалывая «сахарные головы», дабы наслаждаться чаем «вприкуску», Соколов в сложном мире 64 квадратов шахматного ристалища почти зримо усматривал громы викторианских сражений...

— С кем бы еще сразиться? — нежно грезил Соколов.



Между прочим, неродовитый и небогатый, Иван Алексеевич не имел обширной дворни, а лакеем при нем состоял некий Оська, который — за неимением лучшего партнера — иногда играл с барином в шахматы, получая мат со второго или третьего хода. Этот вот Оська имел губительную привычку с утра пораньше навещать ближайшие трактиры, где он, в каждом выпивая, собирал все городские сплетни. По словам внука Соколова, сенатор иногда сам пудрил и завивал своего лакея, но от посещения трактиров не отговаривал, дабы не иссякал источник свежайшей информации, паче того, тот Оська божился перед иконами:

— Так я ж не просто пью, а кажинный раз за своего барина! Я ли не сыт? Я ли не одет? Я ли маты не получаю?..

Внук сообщал: «Привыкши к постоянному образу жизни, к одним и тем же лицам, дедушка не любил новых знакомств, и только шахматные игроки исключались из этого. Он рад был каждому и во всякое время... Шахматных игроков почитал своими близкими братьями, но поступал с ними немилосердно: всех побивал — редко удавалось сыграть с ним вничью».

Много лет подряд супружеская чета Соколовых проживала в стареньком доме, купленном давно-давно, когда Екатерина Великая была еще молодой озорницей. Полиция не раз требовала от них то крышу починить, то мостовую перед домом поправить, а однажды Соколова обязали дом снаружи покрасить.

Как раз накануне Иван Алексеевич сделал отличный мат с пятого хода бригадиру Илье Котельникову.

Черт явился в самый канун дня Крещения — 5 января 1789 года. На дворе мела страшная выюга, углы дома потрескивали от лютого мороза, а с колокольни Симеоновской церкви как раз отбили полночь — самое время, чтоб черт явился из преисподни.

Соколов трудился над партией из трактата Стамма, но решить комбинацию не мог, и в сердцах он невольно воскликнул:

— Да здесь и сам черт не разберется!

— Почему же? — злорадно рассмеялись в соседней комнате. — Нет такого дела, в котором бы черти не разобрались...

Соколов, перепуганный, стал окликать лакея:

— Оська... или ты, Филька! Кто там есть? Сюда, сюда...

Но дверь открылась, и перед законником предстал нечто косматое с огненным взором на черном лице, а лоб чудовища был украшен кривыми завитками рогов.

— Не кричи, — усмехнулся черт, прожигая хозяина своими глазищами, — и не бойся меня. Я давно слышал о твоей громкой славе, решив на себе испытать, каково ты играешь.

Соколов не сразу обрел дар речи, спрашивая:

— Да как ты в дом-то попал, ежели ворота заперты?

— А мы, черти, умеем проникать через щели. Это, кстати, совсем не трудно, но секретов своего благородного ремесла мы профанам не разглашаем. Начнем игру, — сказал черт, элегантно вильнув хвостом. — Время позднее, а мне к утру надобно быть в Мадриде, чтобы устраивать мерзости в королевском Эскуриале...

Тряскими руками Соколов расставил фигуры:

— Откуда изволили прибыть, Асмодей Асмодеевич?

— Из Аравии... или не видишь, как почернело мое лицо?

Договорились играть три партии, но черт поставил условие: в случае проигрыша Соколов три года не должен играть, а еще тридцать лет не будет рассказывать о своем поединке с чертом.

— А чем я докажу, что играл с вашим сатанинским преподобием?

В руке Асмодея что-то загадочно сверкнуло:

— Я подарю тебе талисман, который достался мне от индийского брамина, потомка того дьявола, который придумал шахматы. Кстати, ты напрасно мучился над задачкой из Стамма... смотри! Мат делается с семи ходов... вот так, видишь?

Иван Алексеевич убедился, что ему повезло на партнера, упустить такой случай нельзя. Стали играть, и первую партию черт мгновенно спроворил в свою пользу. Во второй Соколов решил не сдаваться, весь в небывалом напряжении рассудка, но черт в три хода сделал ему шах и мат. В третьей партии Иван Алексеевич сам прижал черта, утверждаясь пешками в центре, а фигуры правого фланга двигал в атаку. Черт, почуввав неладное, заметался в поисках спасительных ходов, но Соколов стоял крепко и даже пожертвовал конем, дабы лишить дьявола двух его последних пешек. Через сорок ходов Соколов понял, что выигрыш останется за ним. Но тут черт проклятый, в раздумье обвив хвостом ножку стула, призадумался, а подумав, объявил:

— Делаю тебе мат — на двадцать втором ходу...

И сделал! После чего надел на палец Соколова сверкающий перстень, и, победно захохотав, исчез, сказав на прощание:

— Но помни о нашем уговоре. Три года и тридцать лет!

...Иван Алексеевич овдовел в 1816 году; сам же он скончался уже в царствование Николая I, пребывая последние годы жизни в высоком звании сенатора. Человек глубоко верующий, он три года не подходил к шахматам и тридцать лет молчал о встрече с дьяволом. Кстати, у него была взрослая дочь, в браке за чиновником Петровым, и об игре с Асмодеем сенатор поведал своему внуку Саше Петрову, которому заодно уж подарил и чудесный талисман — перстень, доставшийся от дьявола.

Напрасно Саша Петров пытался доказывать деду:

— Этим дьяволом мог быть только москвич Кологривов, который желал надолго похитить столичную славу, для чего и прикатил в Петербург под самое Крещение наряженный чертом.

— Нет, нет, нет, — не верил Соколов внуку, — я ведь его, нехристя, как сейчас вижу... с рогами! Глазищи у него — во такие, словно плоски. А вони-то, вони после него осталось... Ведь потом целый день комнаты проветривали!

# Петрова

очень грозному шахматисту. Но Авдотье Александровне, поглощенной заботами по хозяйству, до этого мужнего мата не было никакого дела.

— В какой цвет краситься-то мы станем? — приставала она.

Тут Иван Алексеевич пал перед ней на колени.

— Голубушка ясная, — воззвал он, — дозвожь раскрасить дом клетками, будто шахматную доску, а в клетках велю малярам изобразить ферзя, слона, короля и пешек в атаке.

Авдотья Александровна облизала мутовку от варенья.

— Еще чего! — безжалостно отвечала она. — Да нас соседи засмеют на весь город, где это видано, чтобы фигурами твоими стенки украшать? Играешь себе, ну и играй на здоровье, а меня, женицу свою, не позорь перед белым светом...

Перечить супруге Иван Алексеевич не смел:

— Дунечка, уж ладно дом, крась его в любой цвет, а мне хоть калиточку уступи... Очень уж хорошо у меня получился мат с пятого хода, когда я Котельникова уничтожил! Сию композицию успеха своего и желаю на калитке дома увековечить.

— На что это тебе? — спросила жена.

— Не мне... для потомства назидания!

Конечно, от дома Соколова теперь ничего не осталось, но в журнале «Иллюстрация» за 1845 год был помещен рисунок, который и разложен сейчас передо мною, читатель. Калитка, ведущая в дом Соколова, была все-таки раскрашена квадратами шахматной доски, а расположение шахматных фигур точно и наглядно указывало уличным прохожим, как разбивать соперника с пятого хода.

— Дуняшечка... ангелочек ты мой, — говорил Соколов жене. — Всех бойцов столицы имперской я уже побил, отчего местные даже играть со мною боятся. Но сказывают, что в Москве проживает дворянин Кологривов, который наперед указывает: вот на этом месте доски мат сделаю... Ходят слухи, будто Кологривов с нечистою силою знает, у него фигуры сами по доске скачут, как бесенятки, а в Париже он обыграл даже великого Филидора.

— Так не давиться ж тебе от зависти! — отвечала жена...



Александр Дмитриевич Петров, внук великого шахматиста, родился на исходе бурного XVIII столетия — в деревеньке Бисерово, что близ городка Опочки, на тихой реке Псковщине. Дедушка подарил младенцу шахматы, и других игрушек ребенок не знал, зато в семилетнем возрасте обыгрывал палочку, который немало тому дивился и даже фырчал обиженно, говоря жене:

— Драть бы его... чина родительского не пощадил! Саша учился в частном пансионе Петербурга, беспощадно обыгрывая однокашников; на старости лет Петрову вспоминалось: «Детское самолюбие укоренило во мне мысль о том, что я играю лучше всех на свете и что в шахматах я так же силен, как и Наполеон на поле битвы». Это убеждение оставалось несокрушимо до тех пор, пока дедушка Соколов не сказал ему:

— Садись напротив! Ладью свою отдаю тебе в плен.

— Желаю играть на равных, дедушка, без уступок.

— Вот обыграй меня, так и будешь на равных...  
Следующая фраза Ивана Алексеевича была такова:

— Плачь, внучек, рыдай! Не стыдись — мы же родня...

Весь в слезах, внучек покинул деда, а, придя домой, восстановил в памяти проигранную партию, упрекая себя в «живости и опрометчивости». Дедушка-то орудовал одними пешками, а Саша надеялся обыграть его офицерами... Среди ночи входила рассерженная мать, разбрасывала с доски фигуры, говоря:

— Марш в постель! Не бери с деда дурных примеров...

Минувал еще год, и Саша объявил дедушке мат. — Молодец-стервец! — похвалил внука Соколов. — Родного деда не пожалел, хоть самому плачь... зкий пострел!

Саше Петрову было тогда одиннадцать годочков. Матушка вскоре и сама поняла, что карьере сына шахматы не повредят; узнав, что ее сыночка желают видеть очень важные господа, она справила ему новую курточку с позлащенными пуговицами, звали куафера, чтобы завил ему волосы. Саша играл в доме сенатора Баранова, составив партию с драматургом Копыевым, играл с ним и выиграл! Знатные гости аплодировали. Затем его звал к себе писатель Николай Брусилов, тогдашний губернатор в Вологде, и, проиграв отроку, он восклицал:

— Да откуда голова у тебя такая? Не дадим голове пропасть. Приходи завтра. Определим в канцелярию статс-секретаря...

Так в возрасте 14 лет Саша сделался чиновником. Но однажды, будучи в гостях у штальмейстера Федора Самарина, довелось ему повстречать мощного противника. Это был какой-то калмык, едва говоривший по-русски. «В жизни не случалось видеть столь сильного игрока», — вспоминал Петров, признавая, что, если бы не его знания книжной премудрости в шахматах, пришлось бы сдаться перед силой ума дикого сына вольных степей. Однако выстоял, и скоро в Петербурге его называли «наш русский Филидор».

Дедушка Соколов быстро дряхлел, готовясь к смерти, но, радуясь успехам внука, он порою внушал ему: — Теории игроков только портят. До сути сам доходи, дабы не устрасяться в хаосе неисчислимых шахматных комбинаций, а книги оставь... от них и голова на пушок завернется.

Однако Петров уже мечтал сам стать автором книги о таинствах шахматных откровений. В эти годы, годы его победоносной младости, шахматистов принимал дом чиновника Василия Васильевича Погодина, у которого собирались сильнейшие игроки Петербурга. Сам хозяин дома, видный чиновник, был близок к декабристам, до конца своих дней не прерывая с ними дружеских отношений. Собирались у него по средам и пятницам, а слава погодинских вечеров была такова, что шахматные доски скоро потеснили в Петербурге даже ломберные столы и бильярды. Петров частенько навещал Погодина и в другие дни, а играть им мешала дочка Василия Васильевича — еще маленькая Санечка, иногда засыпавшая на софе под говор их рассуждений. Конечно, глядя на уснувшую девочку, Александр Дмитриевич не мог знать, что это спит его будущая жена. Позже он сам писал: «Эта малютка сделалась царицей души моей, шахматам я обязан всем счастьем моей жизни».

В 1824 году Петров издал книгу о шахматной игре с портретом Филидора на фронтисписе. Не знаю, как реагировал на это дедушка Соколов, и не знаю, что сказал Пушкин, принявший книгу в дар от автора с такой надписью: «Милостивому Государю Александру Сергеевичу Пушкину в знак истинного уважения». Думаю, поэт принял книгу хорошо, ибо Петров судил в ней о теориях Филидора, а поэт ценил этого мастера, сам играл в шахматы.

Дедушка Иван Алексеевич говаривал внуку: — Ох, Сашка, быстро скачешь, гляди, не оступись... Я в твои годы еще с венником по баням ходил, а ты, сказывают, уже и ванну себе завел... не чай, а кофий по утрам пьешь! Барин...

Пожалуй, верно. Давно ли, кажется, мальчиком приняли его на службу мелким канцеляристом, а карьера удалась, как удачная партия в шахматы; Петров стал правителем канцелярии у принятого прошения, обрел весомый чин коллежского советника. Правда, в 1835

году пришлось ему потерять друга — Василия Васильевича Погодина уезжал в Варшаву, а перед отъездом просил:

— Навещайте меня, Саша, без игры с вами скучно...

После отъезда Погодина столичные шахматисты стали собираться у Петрова, который имел квартиру в доме недалеко от цепного Египетского моста. Много тут перебывало людей, и не ради ужинов с шампанским, а едино лишь ради шахматных поединков. Кто и не решался играть, так хоть умных разговоров наслаждался.

Наконец 4 ноября 1837 года в квартире Петрова свершилось нечто историческое — событие, о котором наши настенные календари не упоминают.

— Господа! — объявил Петров. — С его дня позволяйте считать рождение Русского Общества Любителей шахматной игры, и никакая игра, кроме шахматной, в нашем обществе не дозволяется... Будем скромны. Будем усердны и разумны. Я верю, что над каждой шахматной доскою невесомо парит незримая муза.

Ах, милый Петербург! Но ведь есть еще и Варшава...

Он не выдержал разлуки — появился в Варшаве. Конечно, Санечка уже подросла, Петров ей сказал: — Какая ты стала хорошенькая! А я приехал повидать твоего папу и сыграть с варшавянами...

Варшава уже имела клуб шахматистов, среди которых славился Александр Гофман, ровесник Петрова. Чтобы спасти семью от нужды, играл по трактирам за деньги. За два-три злотых он с блеском проводил партию, подкрепляя себя старкой и водкой. Петров вспоминал: «Любил покойник выпить, и надо признать, что, выпив, играл всегда лучше...» Петров в Варшаве соперничал — один против всех шахматистов клуба, а партия, которую он провел с Гофманом, была сочтена шедевром, ее опубликовали не только в России, но даже и за границей.

Александр Дмитриевич зачастил навещать в Варшаву, и Погодин не сразу догадался, что на берегах Вислы его привлекают не только шахматы. — в 1840 году Санечка стала женою «русского Филидора», который охотно остался жить и служить в Варшаве. Хотя политическая обстановка в столице Царства Польского во многом разделяла поляков и русских, но Петров никогда не раскаивался в варшавском житии, обретая здесь немало верных друзей из числа поляков. Он легко освоил польский язык, дружески общался с варшавянами, которые лично к нему и к его семье относились с доверием и даже с почтением.

Служба шла своим чередом, но главное все-таки шахматы!

Александр Дмитриевич полагал, что игра в шахматы помогает культурно-умственному развитию народа, без них жизнь пресная, еда без соли и перца. Иногда он говорил:

— Вот у нас в России учат девиц танцевать, а в Китае их прежде научают играть в шахматы. Все в жизни нужно, но первое занятие больше для ног, а потребно занимать и голову...

Популярность «русского Филидора» была такова, что о нем немало писали — и не только в России, но и в Европе, как о великом мастере шахматных баталий. Петров, в свою очередь, бдитительно следил — по газетам и журналам — за тем, как развивается шахматная мысль во всем мире. Для поляков он всегда оставался добрым учителем, хотя побеждать его было невозможно. Начиная игру, Петров обычно говорил, посмеиваясь:

— Укажите мне любую из фигур — именно этой фигурой я объявлю вам мат. Можете даже заказать, на каком по счету ходу желательнее получить мат, и я постараюсь оправдать ваше доверие.

Петров вступил в пятый десяток жизни, когда стали поговаривать, что в Петербурге появился молодой офицер флота Илья Шумов, отличный шахматный комбинатор. Александр Дмитриевич специально навестил столицу, чтобы в упорных поединках с Шумовым оставить за собой пальму российского первенства. Через два года ему снова пришлось ехать в Петербург, чтобы сразиться с князем Сергеем Урусовым, очень оригинальным мыслителем. Сначала князь, как бравый офицер, обрушил «пехоту» Петрова, скомкал весь его фронт, расстроил отчаянные атаки наследника соколовской славы. Но Петров скоро оправился и двумя пешками против одного короля выиграл партию.

— Сильный шахматист и забавный человек, — говорил Петров о князе. — Но... спешит, и потому слабее Шумова.

Скоро началась Крымская кампания, князь Урусов — под бомбами — учил своего приятеля Льва Толстого играть в шахматы. Человек рыцарского духа, князь стал известен во всем мире после случая с траншеей. Эта проклятая траншея переходила из рук в руки, сегодня в русские, завтра в английские, и стоила противникам немало крови. Урусов предложил устроить шахматный турнир с англичанами, чтобы траншея осталась за тем, кто объявит противнику мат. Как тут не вспомнить наших былинных витязей? «Шах да и мат да и под доску...»

После войны князь Урусов приехал в Варшаву, желая сразиться с Петровым. Конечно, он проиграл, но после своего фиаско выступил в «Шахматном листке» столицы с критикой по адресу могучего соперника,

желая, как он писал, «вызвать г-на Петрова из-за китайской стены, которой он оградил свою репутацию».

— Странное о нем мнение в Париже, — говорил Урусов, — там считают Петрова чуть ли не мифом. О нем судят по газетным отголоскам, будто в шахматном мире живет некий корифей, но этот корифей еще не вступал в битву на ристалищах Европы.

Петров оправдывал себя... перед женою:

— Станный упрек! Я ведь состою на государственной службе, у меня семья, я должен думать и о пенсии. Посему не могу же ехать в парижское кафе «Режанс», чтобы давать там гастролы вроде заезжего провинциального фокусника. Хотя, Санечка, поиграть в Европе и не мешало бы, а?..

Весною 1855 года умер Александр Гофман, и за гробом его понуро плелся Петров, позже писавший, что гениальные рукописи польского Филидора, наверное, «пошли на распотку печей и нагревание самоваров». Над раскрытой могилой вдова Гофмана прокляла шахматы, крича в лицо Александру Дмитриевичу:

— Ненавижу эти ваши игрушки! Был бы он умнее, так служил бы подобно вам, а его семья не сидела бы без куска хлеба...

Что мог ответить Петров бедной вдове?

В 1862 году он вышел на пенсию с солидным чином тайного советника, но в Петербург не вернулся, связанный родством с тестем Погодиным, который под Сандомирром владел имением «Дзенки». В этих вот «Дзенках» Погодина навещал декабрист Гавриил Батенков, отбывший сибирскую ссылку, — теперь декабристы стали уже далекой историей. А годы шли. Дочери Петрова танцевали на балах, среди жителей Варшавы «русский Филидор» давно стал своим человеком. Каждое воскресенье Петров играл с поляками в шахматы, а его жена, Александра Васильевна, издавала польскую газету «Воскресные чтения». Супруги, всегда счастливые, жили душа в душу, и, наверное, муж был отлично извещен, что его Санечка потихоньку дает деньги на издание нелегальной газеты «Стражница», зовущей поляков к восстанию...

Восстание началось, и по времени оно совпало с болезнью Погодина. Узнав, что тесть занемог, Александр Дмитриевич сказал жене, что выезжает в «Дзенки».

— Будь осторожнее, — предупредила жена. — Сам знаешь, что революция беспощадна, а ты ведь чиновник царя.

— Ерунда, — утешил ее Петров, — я никогда не сделал полякам зла, и, надеюсь, они не выместят на мне свое зло...

Погодин скончался на руках зятя, а на другой день после похорон Александр Дмитриевич был арестован. Тайного советника отконвоировали в Сташов, где располагался штаб диктатора Сандомирского воеводства — Мариана Лангевича.

— Извините, пан Петров, — сказал диктатор, предлагая пленнику пообедать с ним вместе, — но я, поймите, вынужден держать вас подле себя вроде заложника.

— Думаю, что ненадолго, пан диктатор?

— Это зависит от успехов оружия моего войска...

Но сила была на стороне русского оружия, Лангевич был изгнан из Сташова; отступая, он удерживал Петрова при себе. Целую неделю «русский Филидор» мотался по лесным бивуакам, грелся возле ночных костров, засыпал под треск перестрелок, пока Лангевич не обратился к нему с просьбою:

— Я отпускаю вас с неременным условием, чтобы вы переслали мне выкуп в десять тысяч злотых. Заодно уж доставьте мое письмо в руки царскому наместнику в Варшаве.

— Даю вам честное слово! — обещал Петров.

«Шахматный листок» оповестил петербургских жителей: «Несколько недель тому назад в Петербурге разнесся слух, что А. Д. Петров убит польскими инсургентами в Радомской губернии, в имении Дзенки. К счастью, однако, скоро обнаружилось, что это несправедливо: наш Филидор жив и здоров».

— Жив и здоров, не спорим, — соглашались в варшавском дворце наместника. — Но почему нас бы повесили, даже не спрашивая фамилии, а тайного советника Петрова отпустили? Можно догадываться, что семья Петровых сама связана с инсургентами...

Александру Дмитриевичу ставили в вину именно то, что он не был повешен Лангевичем, приходилось оправдываться:

— Сам не знаю, почему не повесили. Наверное, в этом виноваты шахматы, и только одни мои шахматы...

Жена отсчитала ему десять тысяч злотых.

— Но, — сказала она, — если в свите наместника узнают, что ты поддерживаешь Лангевича деньгами, тебе, мой милый, не видать пенсии из Петербурга как своих ушей.

— А что делать, если я дал честное слово? Меня ведь знают как благородного партнера в шахматах, по совести души и сердца я обязан оставаться и благородным соперником в жизни...

Петров тронулся в путь, когда войско Лангевича уже было разбито, а сам диктатор был схвачен на границе австрийцами и заточен ими в Краковском замке. Петров рассказывал:

— Это не остановило меня! Приехал я в Краков —

и сразу в тюрьму. Так и так, мол, говорю коменданту, имею старый должок Мариану Лангевичу, обязанный вернуть его, как положено среди честных людей. Но комендант — вот скотина! — деньги мои захапал и давай делить их на две части. Я удивился и спрашиваю, в чем дело? «В личном свидании с Лангевичем, — ответил он, — я вам отказываю, а по законам империи Габсбургов половина долгов уйдет в казну императора, другую же половину, так и быть, обещаю вручить арестанту...» Ну, я согласился, после чего мах-мах в Варшаву, а там — дым коромыслом, и тогда я решил пережить это поганое время в Европе, чтобы от палачества быть подалее, своих седин не позоря...

Шахматный мир был взволнован известием, что знаменитый, но загадочный Петров вдруг решил покинуть свою «берлогу», желая укрепить репутацию «русского Филидора» на шахматных полях Европы. Но сам Петров сообщал о своем вояже с печальным юмором: «Я был похож на странствующего рыцаря. Приедешь в какой-нибудь городок и спрашиваешь: с кем бы тут подраться?» А в Париже он хотел видеть только кафе «Режанс», где в стародавние времена его дедушки царствовал гениальный Андре Филидор.

Но кафе пустовало, шахматные столики тоже, гарсоны зевали по углам, отмахиваясь от мух, а сам великий Филидор сумрачно взирал на русского гостя со стены — из богатой рамы портрета.

— Вы не вовремя приехали, — сказал Журну, издатель «Нувель Режанс» (главного журнала шахматистов). — Сейчас летний сезон, все разъехались по курортам, нет даже писателя Жана Тургенева, который привык играть за этим вот столиком...

Случайно в Париже оказался знаменитый шахматист Морфи, и «Нувель Режанс» уже предсказывал захватывающую битву двух титанов, но Морфи от матча с «русским Филидором» отказался.

— Ну что, Санечка? — сказал Петров жене. — Показали мы себя Парижу, Париж тоже нас оглядел... Не пора ли домой?

Потом, уже на родине, когда Петрова спрашивали, каковы его успехи в Европе, он чистосердечно отвечал:

— Одну партию все-таки я загубил. Это случилось в берлинском кафе «Бельведер», где моя голова закружилась от крепкого «мионшенера» и я прозевал слона. А так в общем-то я больше нигде не проигрывал.

Иногда его спрашивали:

— А кто же был сильнейшим противником в вашей судьбе?

— Об этом, молодые люди, прежде надо подумать. Впрочем, тут и думать-то не стоит. В пору юности однажды повстречал я какого-то вшивого калмыка... Вот он играл, ах, как он играл! Не чета всем нам — даже вспоминать страшно...

Александр Дмитриевич Петров скончался в апреле 1867 года и был погребен на Вольском кладбище Варшавы.

Не знаю, что там с его могилой, уцелела ли она? Ведь Варшаве довелось выстрадать немало... Меня попросили сказать о его внешности.

Пожалуйста. Это был человек с типичной наружностью чиновника, Петров выбривал лицо, носил маленькие круглые очки, а в старости, уже на пенсии, отпустил небрежную бороду.

Простите, я ведь сейчас думаю совсем о другом.

Его дед, Иван Алексеевич Соколов, родился в 1749 году, а внук его Петров умер в 1876 году — между этими датами, разделяющими жизнь сразу трех поколений, пролегла обширная эпоха, но мне хочется верить, что существуют незримые гены таланта, которые от предков передаются потомству, как передается нам физическая красота, идеалы патриотической чести и высочайшего гражданского благородства...

Когда Петрова не стало, мир, конечно, не вздрогнул. Но в культурном обществе России невольно ощутилась некая зловещая пустота. Его смерть трагически восприняли не только русские шахматисты. Это был «один из сильнейших шахматных матадоров», — писали в «Шахцейтунг» немцы. — Шахматный мир теряет в этом втором Филидоре одну из первых звезд века, действительно увенчанную славую голову в нашем мире шестидесяти четырех полей». Из Парижа тоже слышался скорбный голос французов: «Смерть Петрова повергает в траур весь наш шахматный мир...»

Надеюсь, я вовремя вспомнил об этом человеке?

Хотя должен сознаться, что сам я в шахматы не играю. Вернее, смолоту пробовал, у меня даже кое-что получалось, но вскоре я оставил это занятие. Оставил сознательно, когда вдруг почувствовал, что любой успех моего соперника вызывает во мне лютую ненависть к нему как к человеку.

А зависть и злоба в шахматном мире неуместны! Это благородная игра для благородных людей...

Но все-таки наши порой разъяренные чемпионы должны помнить, что они не застрахованы от появления «черта», который предстанет перед ними совсем неожиданно, как появился когда-то Соколову, и трагедийность будущих поединков остается пока непредсказуема.

Будем скромны. Будем усердны. Будем разумны. И, конечно, останемся благородны...



Анатолий ВЕРШИНСКИЙ

■  
Не беспамятный, не злой,  
не безголосый,  
что поведаю о батьковской земле?  
Огороды обращаются в покосы  
для оставшихся в родительском селе.  
Палисадники расплевывают зубы,  
чтоб удобнее свистелось ветерку.  
Рассыпаются соседственные срубы,  
двор отца уподобляя хуторку.

Приусадебное пастбище Беляны  
засевает предрассветная роса.  
И синеют придорожные поляны,  
спозаранок отражая небеса!  
Но хозяева домов и домочадцы  
устарели для прогулок по росе.  
Увезли именованные их и святыцы  
их наследники, уехавшие все.

И с вечернею зарею невеселой  
затухают поределые огни.  
Только месяц и красуется —  
над школой,  
для которой не хватает ребятни.  
Да одетые в июньские обновки  
по-за школою березы хороши...  
До автобусной неблизкой остановки  
я не встречу по дороге ни души.

ОЖОГ

1  
Кто же это конскою крапивой  
жгучее растение нарек?  
Видимо, скотинкою строптивой  
был у поселянина конек...

Власию-заступнику плачевней  
жребия не снилось отродясь:  
лошади повывались в деревне —  
конская крапива разрослась.

Как она залатывала скоро  
свежие прорехи пустырей! —  
с той же деловитостью,  
с которой  
гари забинтовывал кипрей.

2  
Спившегося конюха синюшной —  
ночь подстерегала школяров  
где-нибудь за рухнувшей конюшной  
или у покинутых дворов.

Внуки безлошадные — у дедов  
нрав перенимали сопляки:  
падая в бурьян с велосипедов,  
сдерживали слезы — по-мужски.

Полушкин, Прилепко, Нестеренко —  
спутники мальчишеской поры,  
с нашей хлопотливой пятистенкой  
рядышком не ваши ли дворы?

3  
Кажется — как в отрочестве,  
просто  
к давнему приятелю пройти...  
Выше человеческого роста —  
конская крапива на пути!

Скрала очертания и звуки  
шапка-невидимка пустыря.  
Без толку протягиваю руки,  
будто бы ищу поводыря.

Где мы, деревенские скитальцы,  
всадники железного коня?  
Без толку отдергиваю пальцы,  
будто заслоняюсь от огня...

■  
Прозрачен воздух октября.  
Рябит листва цветной бумагой.  
И сходит иней, тонкой влагой  
сухие стебли серебра.

Наверно, землю тешит зря  
погожих дней скупое благо,  
ведь лес — оборван, поле — наго.  
Велик ли прок — от пустыря?

Как знать. Аптечную ромашкой,  
тысячелистником и кашкой  
врачует он и в октябре.

Но что целебнее отваров —  
так это воздух рощ и яров,  
такой прозрачный на заре.

ЗЕМЛЯЧКИ

Как много вместилося в неделю  
и лет, и событий, и стран...  
И снова льянную куделю  
прядет подмосковный туман.  
Знакомый простор перед нами.  
Но каждый обыденный штрих  
мы видим другими глазами.  
Вернее, глазами других.  
Глазами девчонок-землячек,  
которых почел за ясырь  
жестоким и сильный захватчик, —  
окинем российскую ширь,  
пределы степной Украины,  
края белорусской земли:  
сквозь мертвые рвы и руины  
невольничьи шляхи легли.  
О, сколько веселых и юных  
у нас умыкнула война!  
Как лики на древних парсунах,  
их память народу нужна.  
Немногих сломила неволя.  
...В совместном труде

и борьбе  
привита славянская доля  
среди прочих к бельгийской судьбе.

Земле ясноглазого Тилля,  
дотеле неведомой им,  
они патриотов растили.  
Но песням учили — своим...  
Спасибо, чужая земляца,  
за то, что умела беречь  
их стать, их открытые лица,  
их вольную русскую речь.

ВОСКРЕСНАЯ ВЫСТАВКА

То не рябиновые грозди  
горят в заснеженной долине —  
то буквы рдеют на холстине,  
как будто в тело вбили гвозди.  
То «Завещание» Тараса  
пылает горестно и ярко  
в аллее харьковского парка,  
на рушнике белей левкаса.  
А рядом вышивки другие —  
цветы степные да лесные,  
как память крови, дорогие  
и Украине, и России.  
Того же рдяного оттенка  
рушник с парсуною Шевченка.  
Не полотенец — плащаница!  
И святотатство — прицениться...

■  
Стояла по России неоглядной  
погожая пора до Покрова.  
Лоскутными дорожками листва  
раскатывалась в рожице нарядной.  
И я смущен картиной безотрадной:  
пожухлый лист, полеглая трава...  
Оборваны и смяты кружева,  
как будто вор хозяйничал в парадной.  
И душу злит разбойничий набег,  
пока его следы не скроет снег.  
Теперь не завлекает позолотой  
недавняя лесная благодать.  
...Весне — дурманить.  
Лету — расслаблять.  
А осени — стреноживать работой.

# ЛЕДЯНОЙ

Владимир АНИСИМОВ,  
Леонид ПЕРЛОВ,

специальные  
корреспонденты  
«Смены»



Уголь повсюду. В трюме, на палубе, травах в рубке... Даже в лазарете черная пыль, хотя мы вроде бы тщательно задраили иллюминаторы нашего временного жилища.

— Выйдем в море — помоемся, — сказал штурман.

Почерневший за трое суток погрузки «Фастов» отходил поздним вечером. Альберт, наш фотокор, ушел отогревать аппаратуру в лоцманскую каюту, а мы упрямо стояли на правом крыле мостика, пытаясь «сфотографировать» в памяти Пирамиду. Снежные заряды вышибали слезы; хитрый здешний ветер проникал через все застежки полушубка, но когда еще придем сюда? Сквозь колючую снежную круговерть просматривались огни посалка Пирамида и усеченный конус горы, давшей название этому поселку. Ключок русской земли черт знает где за Полярным кругом... Нас уверяли, что климат здесь гораздо мягче, чем в Баренцбурге, — низина, прикрытая сопками, но, по правде говоря, мы этого не почувствовали.

«Фастов» отходил долго. Беспорывно менял курс, скорость, шел на «стопе», отработывал назад. Битый час разворачивались в отнюдь не узком Билле-фьорде. Маневры капитана Анатолия Сюриса станут нам, лю-

дям сугубо сухопутным, понятны позже, когда взглянем на рисующий немислимую кривую эхолот. Самолет показывал резкие перепады глубин под килем — от метра до сотни. Да, не черноморский порт... Рельеф дна представился нам подобием Большого Кавказского хребта, как он виден с самолета. Или сопки, окружающие фьорд. Не дай бог ошибиться на градус при таком фарватере. Лоцманов тут нет, все зависит от профессионализма капитана.

«Фастов» вез уголь Шпицбергена в Архангельск. Впереди у нас было три моря — Гренландское, Баренцево, Белое...

Нас спрашивают: так были вы в Норвегии или нет? Не смейтесь: ответить однозначно так и не можем.

Загранкомандировки оформляли. Характеристики представляли. Автобиографии писали. Анкеты — с указанием мест работы родственников — заполняли. Загранпаспорта получали. Наконец вылетали из международного аэропорта Шереметьево-2. А были... в советских поселках Баренцбург и Пирамида, что на архипелаге Шпицберген (норвежцы называют его иначе — Свальбард — «Холодный край»). Словом, если не считать короткого ожидания в норвеж-

ском аэропорту Лонгьир (это там же, на Шпицбергене), где мы пересаживались с Ту-154 на Ми-6, посетить «настоящую» Норвегию не удалось...

В этих рейсах нет праздных пассажиров. Летят рабочие, специалисты — на смену тем, кто отработал свои два года за Полярным кругом. В основном из Донецкой, Ворошиловградской областей. Многие ждали вылета месяцами, а то и годами: кому как повезло. Кому повезло крупно — летит с женой, семьей.

Повезло?.. Сейчас у новичков вид счастливых, вытянувших выигрышный билет. Но не хочется приукрашивать, не рекламный проспект делаем: будут и разочарованные, будут и обиженные. Каждый поселок на Шпицбергене — автономный микромир со многими коллизиями и проблемами, присущими нашему обществу. Плюс к тому — со своей спецификой: географической, климатической, социальной, психологической... Со своими парадоксами.

Но прежде — короткий исторический экскурс.

Обидно за соотечественников. Официально считается, что архипелаг открыт голландцем Баренцем в 1596 году. Но археологи, историки раскопали: за полтора века до того

здесь побывали русские поморы из рода Старостиных. Андрей Старостин зимовал в районе нынешнего Баренцбурга 32 раза, провел безвыездно 15 лет! А всего экспедиция Института археологии АН СССР обнаружила более ста русских поселений. И в современных норвежских названиях слышится отзвук нашей речи: Руссахампа, Руссейяне, Руссельва (русская бухточка, русские острова, русская река). Свидетельствует о давнем присутствии русских на этих берегах и немецкий дипломат XVI века Сигизмунд Герберштейн в своих «Записках о московитских делах», датские наместники.

Обидно, что у всех на слуху — хоть школьника спроси — сплошь иностранные имена полярников: Баренц, Скотт, Норденшельд, Амундсен. Из своих, пожалуй, только Шмидта да Русанова и знаем. В оправдание можно одно сказать: наши поморы-первооткрыватели не очень-то беспокоились об увековечении собственных имен. Ну, вырезал один из них на деревянном ковше такие слова: «Иван Петро Вапе Панова сорочено дело» — «Иван Петров справил поминки по Вапе Панову в сороковой день» — да разве ж думал Иван, что через четыре века сей ковшик в руки археолога попадет? Так и некоторые другие имена — чу-



Русские поморы были мастерами на все руки.

# АРХИПЕЛАГ

Фото Альберта ЛЕХМУСА



Баренцбург с птичьего полета.

дом сохранились. Иностранцы, кажется, больше позаботились о том, чтобы память о русских осталась, — тот же немец Герберштейн. А швед Нильс Норденшельд назвал мыс в Ис-фьорде именем Ивана Старостина, прожившего на Шпицбергене несколько десятков лет и похороненного тут же, среди вечных льдов...

Конечно, бывали на Шпицбергене — тогда он назывался Грумантом — мореплаватели и из других стран. Но только русские, кажется, зимовали, жили, обустроивались прочно. Об этом говорят и экспонаты музея в Баренцбурге: охотничьи ловушки, промысловые колья, гарпуны, домашняя утварь. Есть даже остатки токарного станка...

На современном теплоходе мы шли через три моря четверо суток. Сколько же требовалось поморам, чтобы пройти этот студёный, штормовой путь на хрупких деревянных кочках?

Не хотим никого обидеть, но сейчас любая экспедиция — это лучшее снаряжение, лучшие рации, продукты на парашютах, богатые спонсоры, реклама и т. д. Что заставляло Старостина строить крохотное суденышко и отправляться в неизвестность? Что их вообще привлекало на этих северных берегах? Что удер-

живало? Ответ вроде бы известен: били морского зверя, рыбачили, добывали пушнину. Как хотите, а не верим, что только практические интересы заставляли наших предков рисковать жизнью. В те времена зверя всякого, рыбы и на материке довольно водилось. Тогда что же? К сожалению, соотечественники не оставили нам дневников... Но если б вся их забота заключалась в бочках с китовым жиром, в песцовых шурах, им бы было наплевать на других людей. А поморы даже мертвые продолжали служить живым. Пятиметровые кресты на могилах ставились таким образом, что образовывали отворы с приметными вершинами сопки, показывали фарватер мореходам. А поперечины крестов ориентировались строго на север — юг.

И нам подумалось: убрать бы из Баренцбурга всю нашу «ненаглядную» агитацию, возле которой любят фотографироваться норвежцы — советская экзотика! — все эти монументальные лозунги, многометровые бодрые профили шахтеров. А поставить простой и мужественный памятник соотечественникам-первопроходцам. Правда, сейчас в Баренцбурге строится точная копия поморского жилища. Ну что ж, хоть это...

Шестьдесят лет назад мы купили

у Норвегии земельные участки на Шпицбергене и начали добывать уголь. Добываем его и поныне. Дорого? Если в Мурманск, Архангельск везти уголь из Донбасса, — еще дороже станет.

Два поселка — два рудника. Хотя почему они называются рудниками — непонятно. Не руду — уголь здесь добывают. Привычнее сказать — шахта. Но такова уж, видно, традиция.

Баренцбург прилепился на нешироком косогоре между Ис-фьордом и горой Улоф. Нет привычных глаз, характерных для севера балков и бочек: добротные двухэтажные дома, кирпичные пятиэтажки. Весь поселок — семь минут из конца в конец. Нас предупредили, что здесь принято здороваться, сколько б раз за день с человеком ни повстречался. Мы потом еще долго друг с другом здоровались — по инерции, — вызывая странные взгляды коллег в редакции.

В Баренцбург (равно как и в Пирамиду) можно прибыть без гроша в кармане, разутым и раздетым — если без семьи, конечно. Встретят, моментально определят в общежитие (может, на первых порах не лучшее по здешним меркам), выдадут теплую одежду, накормят и напоят. Здешняя столовая приводит

в шок. Мы попросили на память меню одного обычного дня, но не можем привести его полностью — слишком много места понадобится. Коротко: десяток видов салатов и винегретов; рыба под маринадом и жареная; масло сливочное и селедочное; сельдь, сало, ветчина, соусы, лук, чеснок... Это не считая первых и вторых блюд. Берешь тарелку, ложку и накладываешь себе чего и сколько хочешь — по принципу «шведского стола». О качестве приготовления скажем одно: как дома. И все бесплатно.

У нас сразу возникла чисто российская мысль насчет возможных «злоупотреблений» со стороны едоков. А ну как каждый станет ходить в столовую раз по десять (она, с перерывами, работает почти круглосуточно)? И хапать килограммами, ведь никакого контроля нет! Мы, признаваясь, в первый раз тоже пожадничали — столько вкусного на «базаре», как тут называют прилавок. Но после ужина нам стало неловко: на глазах у людей пришлось сбросить в специальные бачки столько остатков! Они не пропадут — пойдут в подсобное хозяйство, но все же... Стали впредь брать ровно столько, сколько можем осилить. А по калорийности здешняя пища такова, что лишней раз не придешь.

Несколько цифр приведем. На каждого человека приходится в месяц 9 килограммов мяса, два с лишним килограмма масла, 15 — овощей, 5 — рыбы, 23 — картошки, 3 литра натурального молока (не считая сухого и сгущенного)...

Да, многое на архипелаге непривычно для людей, с лихвой намаившихся в очередях, смирившихся с «мясными» котлетами материкового občепита, привыкших любой продукт добывать с боем.

Представляем, как вздохнут, прочитают это, жители Большой земли, особенно женщины. В утешение скажем: отсутствие проблем — тоже проблема. Уже на четвертый или пятый вечер один из нас начал слегка ворчать: вот, опять надо обуваться-одеваться, тащиться в столовую (аж метров двести!). Не лучше ли поужинать чайком с хлебом? Черт с тобой, сказали ему, сиди уж у телевизора, мы тебе в куче принесем. И так, оказывается, можно.

Ну, а если серьезно... Воспитательница детского сада Валентина Алексеевна Каменская говорила:

— Первое время я была в восторге: ничего к столу добывать не надо! А потом почувствовала — неуютно в доме. Что это за дом, где пирогами не пахнет? Знаете, женщина и на Шпицбергене женщина, она везде стремится вить гнездо.

Что ж, если хочешь — покупай продукты в буфете, питайся дома.

Долго еще можно воспевать комфортную жизнь островитян: хорошие поликлиники, просторные дома культуры, отличные спорткомплексы, бассейны с морской водой, сауны, прекрасные детские сады, удобные общежития со всей обстановкой. Поселки ревниво соревнуются — у кого лучше?

А экзотика какая! Детишки зимой набивают карманы хлебом — подкармливать забредавших в поселок оленей: проголодавшиеся звери становятся совсем ручными. Прилетают в гости птицы, белокрылые бургомистры — сдирать сетку с продуктов с окна или выхлебать борщ из оставленной на подоконнике кастрюли. А северное сияние, а фантастические закаты, перед которыми бессильна любая американская фотопленка?

О чем еще забыли? Ах да, заработки. Коэффициент два, через полгода начинает идти и полярная надбавка. (Учтите бесплатную кормежку!) У нас вопрос о заработках пока еще не считается неприличным, поэтому шахтеры сообщали, что увозят домой по 19—20 тысяч. Совсем неплохо за два года.

Но мы, кажется, договорились не писать рекламный проспект?

Стерильно чистый воздух делает расстояние обманчивыми. На буксире «Николай Гусев» мы шли к леднику Норденшельда. С берега казалось, что голубовато-зеленая стена сползающего в фьорд ледника — вот она, рукой подать. Но буксир наш шлепал около часа. Очень скоро пронизывающий ветер загнал всех в рубку. В тесноте — не в обиду — обменялись впечатлениями, восторгами. Долго молчавший и слушавший нас мужик неопределенных лет вдруг зло буркнул:

— Тюрма, она и есть тюрма! Хоть позолоти решетку. Люди продались в рабство за копейки! Сутками готовы работать.

— Игнатич, а тебе-то чем плохо? — засмеялся помощник капитана Лев Тычкин.

— Я шахтер, мне ничего не надо. Только год до пенсии доработать. А другим как? На собрание не идешь, в хоре не поешь — все тебе припомнится.

Игнатич — одно из редких исключений. Обычно, узнав, что мы журналисты и интересуемся местными проблемами, нас первым делом спрашивали:

— А когда ваш очерк будет напечатан?

— Не очень скоро. Журнал не гонят...

— Ну, тогда я все скажу!

Выслушав очередную исповедь, мы удивлялись:

— Но ведь вы же дома подписывали договор, а в нем обозначены все условия — что ж теперь обижаться?

— Бумагу подписать и на себе все испытать — разные вещи. Да и не все мы знали до приезда сюда...

По существу, Баренцбург и Пирамида — вахтовые поселки. По части организации труда, быта и отдыха — тут есть чему поучиться любому нашему молодому северному городу. Но вахта здесь длится не две-три недели — два года... Семейных немного: для всех жен рабочих мест не хватает. И молодые ребята нередко получают письма, телеграммы такого примерно содержания: «Бросай все, возвращайся. А не то развод!» Бегут сломя голову на переговорный пункт: позвонить, уговорить, успокоить. Бросить все? Тогда придется оплатить дорогу в оба конца (авиабилет Лонгйир — Москва — 289 руб.), вычиту при расчете всю полярку. Зачем тогда ездил? Не говоря уж о том, что перед родными и друзьями будет неудобно — пошел по шерсть, а вернулся стриженным.

Кстати, о больших деньгах. Едут сюда в основном зарабатывать — на машину, квартиру, мебель... Но наши ожидания всегда превышают реальность. Да и не у всех здесь такие заработки, как у шахтеров. Поэтому в разговорах с островитянами постоянно мелькало слово «подработка» — в переводе «совместительство». 4—5 часов после основной работы. Например, строительство поморского домика — подработка троих парней со стройучастка. Можно подработать в подсобном хозяйстве, Доме культуры, на соседней стройке.

Нет, жизнь и работа на Шпицбергене не так уж безмятежны. Комфорт не решает всех жизненных проблем. Люди на два долгих года отрываются от дома, семьи. И высокий заработок вряд ли гарантирует душевное спокойствие, а бесплатное вкусное питание не спасет от нервных срывов в период магнитных бурь и полярных ночей.

Спросят: а почему здесь нет ежегодного отпуска? Во-первых, все здесь работающее числится в командировке, а в командировках, как известно, отпусков не положено. Во-вторых, и это главное, экономически невыгодно «Арктику»... Но рабочие знают: норвежцы из соседних поселков улетают в отпуск каждое лето. С собой приглашают наших. На Багамские острова. Правда, живут они на Шпицбергене постоянно.

Люди ставят справедливые, на наш взгляд, вопросы: если нет места работы для жен, пусть они живут просто так, домохозяйками — многие мужья согласились бы оплачивать их проживание и питание, все равно всех денег не заработаешь. А если этого никак нельзя, почему бы не разрешить женам прилетать в отпуск на Шпицберген? Да с детьми? Нет пока ответа на эти вопросы...

Чтобы отвлечь людей от нехороших мыслей, не дать замкнуться в себе, введена полуоязательная художественно-самодельная и спортивная повинность. Новичков первым делом спрашивают: «В футбол играешь? На трубе играешь? Кого привезли — ничего не умеют!» Не умеешь — научат. Директор рудника Баренцбург Александр Петрович Семенов сам играет на гармошке и судит волейбольные состязания. Говорят, на планерках он строже спрашивает за неявки на репетицию и тренировки, чем за производственные упущения. Так или иначе, а каждое подразделение выставляет свои команды на все соревнования, артистов — на все концерты. И у многих в самом деле прорезаются скрытые доселе таланты...

Но о каком же рабстве говорил старый шахтер Игнатич? Чем недовольны люди и почему не любят называть свои имена?

Норвежцы запросто приезжают в наши поселки на своих, как тут говорят, скутерах (вроде «Бурана», но японского). Нашим сложно выйти даже за пределы поселка. У рабочих и паспор-

тов-то нет — они хранятся в консульстве!

Подходить к норвежцам и заговаривать с ними не рекомендуется. Конечно, контакты есть, но в основном на «официальном» уровне: встречи футбольных команд, выезды самодеятельных артистов. Но можно два года прожить в Баренцбурге и не побывать не только у норвежцев, но и в Пирамиде. Мы, наверное, вторгаемся в область дипломатическую, в которой не сильны, но и не сказать о ней не можем. Ощущение своей второсортности, ущербности по сравнению с иностранцами нам и на материке-то осточертело. Там, в маленьком замкнутом пространстве, оно еще более усугубляется. «Золоченая решетка» вокруг рудника — помните?

Мы уже говорили, что многие проблемы нашего общества есть и на Шпицбергене. Но общества примерно пятилетней давности... На Большой земле мы хоть немного, да научились гласности, критике. Здесь это пока не в моде. Почему? Ведь, как и на любом производстве, на руднике случаются конфликты, возникают проблемы отношений между рабочими и администрацией, нарушения социальной справедливости. Трудно предположить, что вдруг сложилось идеальное коммунистическое общество на отдельно взятом острове.

Собрали мы комсомольцев стройучастка. Предложили: давайте откровенно. Имена не спрашиваем.

Разговорились все же. Вот нечто вроде конспекта.

— Почему расценки и тарифы ниже, чем на материке?

— Почему отпуск двенадцать дней, а не пятнадцать?

— Почему шестидневка?

— Почему строителям отменили выплату за выслугу лет?

— Почему в столовой сделали отдельный зал для руководителей?

— Зачем приказом ввели КТУ, хотя он нам абсолютно не нужен?

— Почему начальство увозит откуда что-то дефицитное ящиками, а у рабочих проверяют, ограничивают вес?

— Хорошо, — говорим, — если все — правда, почему вы не скажете открыто, на собрании?

— Потому, — отвечает один за всех, — что меня можно запросто ущемить в чем угодно.

— В чем же?

— Например, не разрешат подработку. А без нее у меня заработок — 300 рублей. Не продлят командировку на третий год. Не выделят автомашину или какой другой дефицит.

О, это отдельная тема — дефицит и его влияние на отношения между людьми!

Напомню: многие приехали за машинами. Да и одеться во что-то импортное тоже не прочь. А того и другого выделяется мизерное количество. Распределяет дефицит местком.

— Коррида! Бой быков! — прокомментировал это мероприятие наш знакомый шофер Владимир Иванов — он к моменту выхода этого номера журнала уже дома. — Тут тебе все припомним: и что в футбол не играешь, и что в хоре не поешь. А вот он поет, значит, более достоин «Волги». Но если у меня голоса нет?

В многотиражке «Полярная кочегарка» врач советует, как избежать нервных и прочих болезней в экстремальных условиях архипелага: «... не допускать конфликтных ситуаций на производстве и в быту... поддерживать благоприятный микроклимат... взаимоуважение и культуру общения между людьми...»

Хорошо, конечно, когда все беспрепятственно вежливо здороваются. Но, поздоровавшись, затевать ссору из-за машины? Не хочется читать мораль: мол, не забывайте о достоинстве, плюньте на эту грудку железа с мотором, на эти тряпки. Человек, он и на Шпицбергене человек, со всеми своими слабостями. Может, вообще прекратить продажу здесь любого дефицита, раз уж на всех желающих не хватает? Понимаем, кто-то обидится на введение такой меры. Но сейчас-то обиженных

десятеро больше! Ведь в любом коллективе нам говорили — кто со смехом, кто с негодованием — о баталиях при распределении, сведении счетов. Нет, одной «моралью» моральный климат не улучшить...

Существование дефицита многократно усиливает зависимость рабочего. Все мы от кого-то зависим — от главного редактора, начальника цеха, директора. Но на материке мы можем по крайней мере если не прокатить его на выборах, то уйти сами — благо свободны в передвижениях и трудоустройстве. На острове никуда не денешься. Критиковать начальника, существующие порядки предпочитают в анонимной беседе с корреспондентом.

Не о том ли говорил бывалый шахтер Игнатич?

Возник у нас вопрос: как комсомол защищает интересы молодежи? Вот еще один парадокс Шпицбергена: комсомол тут нет. Есть «физкультурная организация» и «физлены». Норвежцы, наверное, давно потешаются над нашей конспирацией. Еще в 1986 году ЦК ВЛКСМ принял решение рассекретить наши заграничные комсомольские организации, но на Шпицбергене выполнить это решение не торопились — перестраховывались, что ли? (Может, после нашего отъезда что-то изменилось?) «Физлены», между прочим, платили взносы и после 28-летия, что тоже воспринималось как несправедливость и не прибавляло авторитета комсомолу. Лишь совсем недавно это правило отменено.

В прошлом году Центральный Комитет комсомола вывел ком... физ... — не знает, как и сказать! — организации Шпицбергена из подчинения Мурманскому обкому и направил туда комсorgh ЦК: Александра Запорожца — в Баренцбург и Сергея Защенкова — в Пирамиду. До приезда Запорожца секретарем «физорганизации» работал неплохой парень, но... занимался подработкой и тем самым ставил себя в двусмысленное, зависимое положение.

Им придется создавать организации фактически с нуля. Комсомольцев на Шпицбергене осталось несколько десятков — процентов десять от общего числа работающих (а неработающих здесь нет). Причем процесс «старения» коллектива продолжается — и это, пожалуй, проблема номер один для комсorgh. Она тянет за собой и все другое: сложнее зарабатывать авторитет, оказывать влияние на общую обстановку, браться за крупные дела. Комсомольско-молодежный коллектив организовать — и то почти непреодолимые сложности: не из кого. Дело в том, что раньше подбором кадров занимались уполномоченные объединения «Арктикуголь» на местах — в Донецке, Ворошиловграде, Кемерово. Не так давно уполномоченные переданы в подчинение местным угольным объединениям. А тем, конечно, все равно, какой процент молодежи на Шпицбергене — чужой территории. Полагаем, в данной ситуации не обойтись без активной помощи ЦК ВЛКСМ, Минуглепрома.

Свою работу комсorgh начали с конкретных дел: строят стадион, очищают территорию поселков в рамках программы «Экология», разработали программу сотрудничества с норвежской молодежью. Рук бы только побольше!

Предвидя многочисленные письма и звонки в редакцию от желающих поехать работать на архипелаг, даем адрес объединения «Арктикуголь»: Москва, Селезеневская ул., 13. Само же хотим предупредить — Шпицбергену требуются не просто работающие, умелые и физически здоровые люди.

— Здесь без юмора нельзя! — философски заметил моряк Лев Тычкин, и мы с ним полностью согласны. Требуется оптимисты, люди с открытым характером и чувством юмора, которое поможет в любых ситуациях.

...Огни Пирамиды ушли в ночь. И мы отправились в свой лазарет, поскольку пассажирских кат на сухогрузах не предусмотрено. Впереди лежал путь русских поморов через три моря.

этому я осторожно воспринимаю набирающую популярность идею о переводе ПТУ на хозрасчет, чтобы содержать училище за счет производственной деятельности самих учащихся. Это какую же производительность труда должны развить подростки! Это же дети, не надо забывать... Немало случаев, когда подросток, которому нет 16, бросает школу и идет на завод без профессии. В его-то возрасте! Он должен еще созреть как личность, должен учиться среди сверстников и, безусловно, с помощью педагогов. Ни при каких обстоятельствах нельзя нарушать социальную защищенность каждого подростка.

**М. Никитин.** Это одна из самых острых проблем — социальная защищенность как учеников, так и педагогов. Передовой мастер, преподаватель или даже администратор не защищен! Любая из них, оказавшись творчески мыслящей личностью, затормозившей привычную рутину в своем училище, всегда может быть благополучно съеден своим коллективом. Таких фактов много. Профсоюз, в котором мы все состоим, не призывает весь коллектив к забастовке, если, скажем, преподавателю английского языка будет снижена заработная плата. Что получается? Чтобы обеспечить сегодня оплату, преподаватель должен увеличить нагрузку. При этом идет сокращение штатов. Завтрашний работник ПТУ должен чувствовать заботу о себе, о своих правах уже сегодня! Проблем материального свойства множество. В нашем училище 18 кружков и спортивных секций. В военно-спортивном клубе 110 человек, в духовом оркестре — восемь. Типичный для нашего времени парадокс: руководителю первого мы не имеем права платить ни копейки, второго — платим прилично. Тупость ведомственных инструкций! Ну не хотят ребята всем скопом в художественную самодеятельность. Они хотят секцию скейтборда, а мы не можем. Они хотят секцию гимнастики ушу, а мы не можем. Они хотят секцию дельтапланеризма, подводного плавания — не можем! Надо, чтобы опыт преподавателей зачеркнул негодную старую инструкцию. Будущее образования я вижу в вариативности способов обучения, чтобы нам не спускали «пути и методы» сверху, а чтобы мы имели возможность обрести свои, собственные, подходящие нашему училищу. Мы должны выбрать сами, и тогда поддержка учащихся будет обеспечена.

**В. Разумный.** Да, мы задела болевую точку. Если мы признаем вслед за Карамзиным, что «народное образование есть сила государства», если мы хотим действительно разорваться в причинах нашего отставания от развитых капиталистических стран, то мы должны признать необходимость радикальных мер в этой сфере.

Недавно в издательстве «Прогресс» была опубликована книга Ч. Макмиллана, профессора Йоркского университета, «Японская промышленная система»...

**А. Новиков.** Опять-таки японская!

**В. Разумный.** Да, опять! Надо и нам уметь учиться! Анализируя впечатляющие успехи японской промышленности, автор на основе изучения огромного материала приходит к однозначному выводу — причина успеха японцев прежде всего в культуре, закладываемой еще в детском саду, а затем — в непрерывной системе образования. (Кстати, включающей в себя и клубную деятельность, организующую целесообразное использование досуга.)

На современном уровне финансирования школы, отражающемся и на оснащенности, и на подготовке преподавателей, и на условиях преподавания, мы будем отставать все больше. Без внимания к культуре не помогут никакие иностранные инвестиции, никакие новые формы организации общественного производства.

Разве допустимо, например, продолжать сокращение финансирования народного образования при одновременно

звучащих благих пожеланиях в его адрес? Разве допустимо, что только в РСФСР 13 тысяч школ не имеют учителей музыки и рисования? О каком развитии ребенка может идти речь, если, например, в Ташаузской области Туркмении из 517 школ 300 — глинобитные, а 115 из них — в аварийном состоянии? О каком «качественном» подъеме культуры подрастающего поколения вообще можно говорить, если в каждом втором районном центре Таджикистана до сих пор нет домов культуры, две трети населенных пунктов не имеют клубов и библиотек, на каждые сто малышей имеется только 17 мест в детских садах и большинство школ переходит на двухсменное обучение? Как можно поднять физическую культуру молодежи, если, например, в Минске летом настоящую физическую подготовку получают лишь 5 процентов школьников, если львиная доля средств идет на профессиональный спорт, на иллюзорный «национальный престиж», отнюдь не подкрепленный физической культурой миллионов?

# ОБЩЕСТВО БЕЗ МАСТЕРОВ?

**Корр.** Здесь почти все участники касались финансовой проблемы. А есть конкретные предложения по этому вопросу?

**В. Шапкин.** А как же! Профобру могли бы в равных долях выделяться средства из госбюджета, местного бюджета, централизованного фонда министерств и, наконец, доходов предприятий, которые заказывают себе в том или ином ПТУ кадры. Кстати, ПТУ будут тогда отдавать приоритет плановым заявкам от предприятий, а предприятия, вложившие деньги в кадры, будут обеспечивать им рабочие места, а это — тоже не простая проблема.

**В. Разумный.** У меня есть другое предложение.

Изыскать средства даже в нынешней напряженной финансовой ситуации и переключить их в сферу народного образования вполне возможно и более экономным способом. Скажем, за счет действительно радикального и научно обоснованного сокращения безмерно разросшегося управленческого аппарата.

Не менее существенна вторая грань этой животрепещущей проблемы — интенсификация системы образования.

Искони мы стремимся воспитывать личность на уровне абстрактных «пожеланий». Например: «Вообще средняя школа во всех своих работах должна иметь целью содействие формированию общего мировоззрения юношества, его физическому, нравственному и эстетическому развитию и укреплению в нем начал общественности и навыков к умственному и физическому труду и подготовку к прохождению курса наук на следующей ступени образования...» Это из объяснительной записки «О средней школе или высшем начальном училище», опубликованной в России в 1915 году! Чем отличаются нынешние? Зачарованные абстрактными заклинаниями о всесторонне развитой личности, мы практически не ставили задачу гуманизации образования, которая невозможна без его индивидуализации. Отсюда-то разделение слова и дела, призывы к «комплексному подходу» и забвение живой индивидуальности, своеобразности каждого учащегося. Короче, началось навязыва-

ние общественных требований каждому вступающему в жизнь молодому человеку. Против такой стандартизации людей предостерегал великий гуманист XX века Альберт Швейцер. Он пророчески писал: «Когда общество воздействует на индивида сильнее, чем индивид на общество, начинается деградация культуры, ибо в этом случае с необходимостью умалывается решающая величина — духовные и нравственные задатки человека. Происходит деморализация общества, и оно становится неспособным понимать и решать возникающие перед ним проблемы. В итоге рано или поздно наступает катастрофа».

**А. Колпаков.** Правильно! Учитель в ПТУ нередко только и заклинает про себя судьбу, чтобы один ученик другого не искалечил. Вот такие у нас индивиды! В ПТУ родители своих детей не хотят отдавать не потому, что они думают, что там плохо учат, а потому, что там, как правило, собираются такие деточки, что самим преподавателям страшно. И люди про это знают. Притом подготовка ребят на уровне пятого-ше-

стого класса, не выше. Учащиеся приходят в ПТУ уже практически сформировавшимися личностями. Попробуй переформи их! И чем они занимаются? На первом курсе один день практики, остальные — школа, на втором — два дня, на третьем — три, а все остальное — ненавистные занятия общеобразовательными предметами, на которых учащийся больше половины просто не понимает по причине плохого обучения в школе.

Где же выход? В компромиссе! Это, увы, знает любой учитель ПТУ. Оценка знаний учащегося все еще остается критерием качества преподавания. Отсюда ЛОЖЬ, БЕЗДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, а главное — БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ в системе профобра. Как бывает даже с хорошими учениками, попавшими в ПТУ? Мне вспоминаются первые занятия в училище в мою бытность преподавателем. Все ученики склонили головы над тетрадками и старательно писали, поглядывая на доску. Вроде все хорошо. Приглядевшись, я обнаружил, что они делали рисунки, а в перерыву лидер-переросток собирал их творения, и если рисунок плохой, то художника ждало наказание. Вот вам и неформальная группа. Из такого коллектива выделиться хорошему сложно. Лидерами часто являются ребята с условной судимостью. Можно много привести примеров правонарушений. Классным наставникам надоедает регулярно ходить в народные суды и беседовать с сотрудниками милиции. ПТУ в таком виде, как оно сейчас есть, — закономерное последствие эпохи застоя. Государство не нуждается в таком количестве высококвалифицированной рабочей силы, какое они берутся готовить, что нетрудно подтвердить цифрами. И получается, что наличие ПТУ выгодно «навыворот», система ПТУ как бы затусовывается безработицу: «пэтушнику» выгоднее платить стипендию, чем обеспечивать нормальную зарплату молодому рабочему, найдя ему место.

**Корр.** Здесь уже говорили, что недостатки в профобре, конечно, имеются существенные. Но трудно согласиться с мрачной картиной безнадежности, нарисованной Александром Петровичем Колпаковым. На

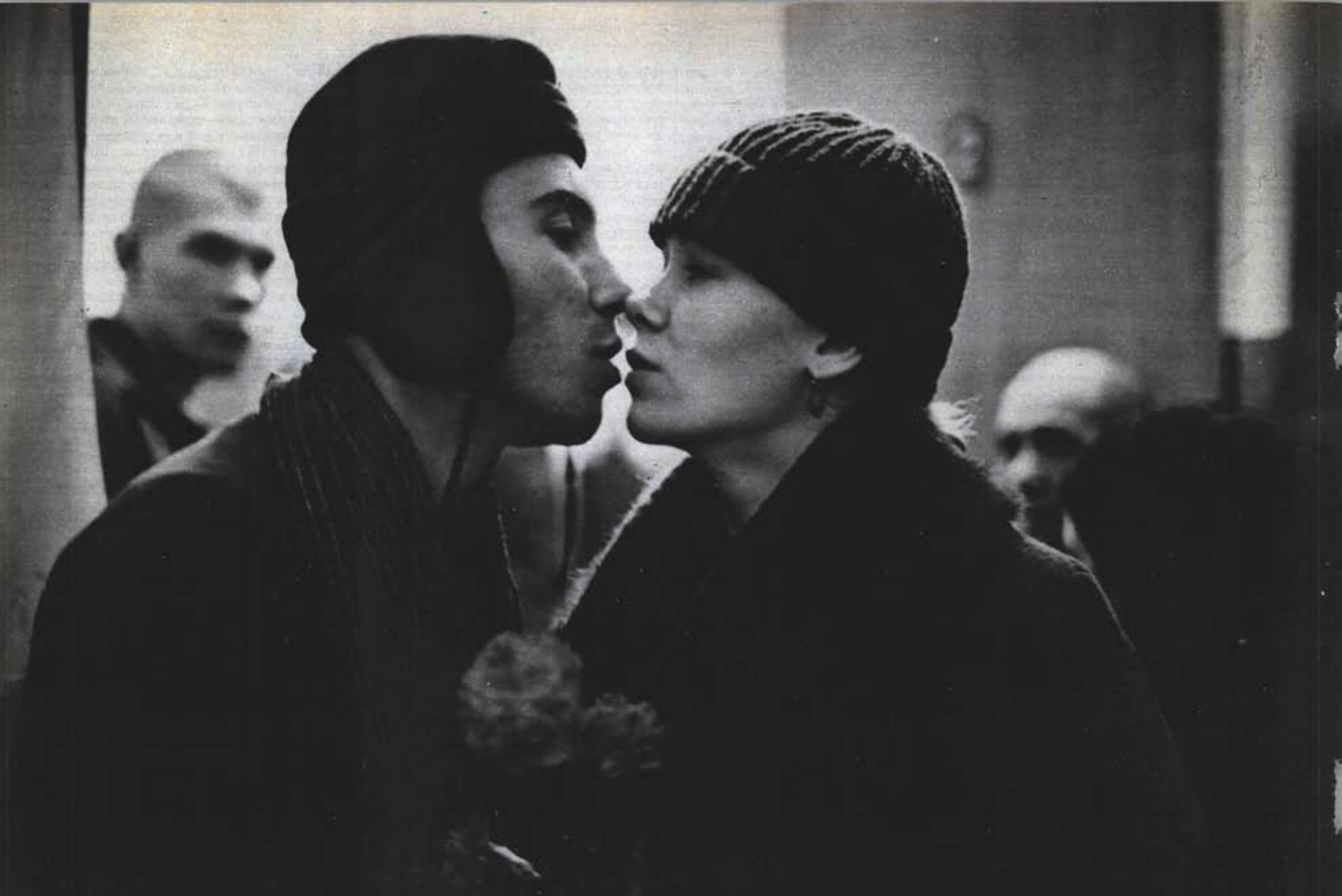
первом учредительном совещании клуба работников профтехобра — он назван «Импульс» и организован в прошлом году — собралось множество преподавателей и мастеров, директоров ПТУ — новаторов профтехшколы со всей страны. Слушая их, не можешь не видеть, что уровень культуры, образования преподающих, работающих в ПТУ поразительно вырос в последние годы. Укоренившийся стереотип мастера ПТУ, простоватого, полуграмотного кустаря-умельца, давно изжил себя. Это люди с высшим или хотя бы специальным средним образованием. Вот я там познакомился, например, с мастером Владимиром Ракитиным из уральского города Ревда. Он со своими ребятами самолет построил, и прилетел тот самолет в Москву! Это что — не уровень? Там был преподаватель истории ленинградского СПТУ-38 Михаил Адамский, сумевший сделать историю и обществоведение любимым предметом учеников... Там был преподаватель архангельского СПТУ Андрей Жданов, написавший интересную книжку по педагогике, уже принятую к изданию. Тот же Михаил Валентинович Никитин, что сегодня у нас за «круглым столом»... Думающие, увлеченные, эрудированные люди, педагоги нового типа. Не спорю, пока в ПТУ такие, как они, не составляют большинства. Но они становятся силой, убедительным контрастом, надеждой...

**Н. Рубанова.** Наш Центр провел исследования: а как молодежь использует свое свободное время? Цифры, которые заставляют задуматься... Лишь 44 процента опрошенных учащихся ПТУ сказали, что имеют реальные возможности для полного развития своих способностей. Только 53 процента имеют возможность получать интересующую их информацию. Это, так сказать, объективные трудности, не зависящие от молодых людей. Но еще более тревожны и огорчительны такие данные: около 16 процентов учащихся тратят свободное время на «ничегонеделание»; только три процента ходят в музеи и на выставки; всего пять процентов посещают театры...

Большой популярностью у учащихся ПТУ пользуются различные самодеятельные объединения и клубы по интересам. Они составляют абсолютное большинство «металлистов», «фанатов», «рокеров». В то же время «пэтушники» практически не участвуют в работе созидательных неформальных объединений, которые занимаются охраной природы, реконструкцией памятников истории и культуры, помощью старикам, инвалидам и детям... Словом, духовное развитие подростков требует самого серьезного внимания как преподавателей, так и комсомольских работников всех рангов.

**В. Конкин.** Еще раз хочу вернуться к нашей новой концепции образования, которую мы дорабатываем с учетом замечаний общественности. В ней упор сделан на гуманизацию и демократизацию образования. Вот почему на первый план выйдет и необходимость в новом типе педагога. Особое внимание отводится досуговой проблеме и неформальным объединениям молодежи внутри училищ и даже вне их, поскольку именно там нередко закладываются реальные понятия о нравственных ценностях, принципах и взглядах молодых ребят. Ведь каков человек, такова и его работа! И в этой сфере значение личности и педагога, и мастера, и комсомольского секретаря трудно переоценить.

**ОТ РЕДАКЦИИ.** Участники «круглого стола» подняли немало важных и острых проблем. Мы приглашаем читателей «Смены» продолжить разговор, высказать свое мнение: какими путями, по-вашему, должно идти совершенствование системы профтехобразования?



# СВАДЬБА

**Владимир ЧЕРКАСОВ**  
Фото Альберта ЛЕХМУСА

Шутливое «Горько!» здесь молодожены не кричали. Поцелуями не подсластишь, если за окнами клуба зоны белоснежный, как фата, пейзаж начинается контрольно-следовой полосой с линиями колючей проволоки заборов запретки.

Но женихам, скинувшим глухие робы с бирками — метками фамилий на груди, было воистину драгоценно обрывать любимых сияющими кольцами. Глаза молодых мужей также блестели, когда впервые за долгие месяцы, годы им пожал руку офицер с малиновыми петлицами на кителе — молодой замполит колонии, сам покрасневший от волнения.

По самым классическим канонам в этот час с новорожденной голубизны вдруг полилось солнце, до того погребенное под слякотными тучами. Оно торжествовало в комнате, где совершался обряд, и освещало черные фигуры осужденных, столпившихся перед клубным крыльцом.

Иные бережно держали в руках недоеденные за недавним обедом пайки хлеба, но вынесенные матерью одного из молодоженов куски торта никто не взял. Не угощения они жаждали, нет,

а крох праздника. За ними, постояльцами колонии усиленного режима, — трупы, инвалиды, поруганные девочки и девушки-подростки. Почти четверть зоны — умышленные убийцы, пятая часть — калечившие людей, еще одна пятая — насильники малолетних и несовершеннолетних; в основном за грабеж и разбой привезли сюда остальных. Большинство — молодежь. Многие не имели ни жен, ни верных подруг и, конечно же, невест, как те двое, простоволосо стоявшие под незримым венцом...

Перед свадьбой Ильгиз Ганиев две ночи не спал. Наверняка и сейчас, спустя четыре года, бессонница вытлывала ему сцены того казанского вечера: после выпивки он и двое дружков завели в подвал 13-летнюю девочку, избил ее и изнасиловали. Никто из парней виновным себя не признал. Суд счел наиболее правдоподобными показания потерпевшей на Ганиева и еще одного парня, отметив, что как раз они-то и заблуждались насчет возраста девочки.

Ильгиз, получивший 9 лет срока, и сегодня утверждает: не насиловал. Не сомневается в этом и его мать, и новобрачная Резеда, ухаживать за которой учащийся казанского СГПУ Ганиев начал за год до злополучного вечера.

— 17 лет ему тогда было. Он, как девчонка, — ни на шаг от меня. Без отца вырастила, — говорит со слезами мать Ильгиза.

...Кировчанин Сергей Кривцев стрелком-радистом танкового экипажа прикрывал трассу Термез — Кабул, по которой в день его печально-подконвойной свадьбы уходили домой колонны советских бойцов. Война, где по его танку целились «стингеры», кончилась для Сергея 22 июня 1985 года. В жизни без выстрелов он то трудился грузчиком, то бездельничал. «Пусть дураки работают».

Со Светланой Кривцев жил, не расписываясь. Их дочке было 7 месяцев, когда летом восемьдесят седьмого Сергей с приятелем в вечернем парке отняли у пацана магнитофон и кошелек с тридцатью копейками. К двум с половиной годам лишения свободы Кривцева приговорили условно. Отбывал наказание на стройке народного хозяйства в Кировской области. Но на проверки не являлся, пьянствовал, не ночевал в общежитии спецкомендатуры, за что прошлой весной и угодил в колонию.

— Мне трудно было оставлять дочку, чтобы навещать Сергея, — говорит Светлана, — он с «химии» и сбегал ко мне.

В случаях с Ильгизом и Сергеем они, близкие их, стоят за свою правду. Верно подметил замполит капитан внутренней службы Пушкирев:

— Каждый человек сам себе адвокат.

Пути в неволю можно объяснить по-разному, но в зоне человек виден, как

на просвет. Ганиев сразу вступил в самостоятельную организацию активистов. Не теряя времени, прошел десятый класс в здешней вечерке, курсы в колонистском ПТУ по специальностям швейника-моториста, токаря, контролера ОТК. Он был неплохим активистом, и отрицала — отрицательно настроенная часть осужденных — затеяла расправиться с ним. Поэтому администрации пришлось перевести его в другой отряд. Но и здесь Ганиев — член секции профилактики правонарушений. Взысканий нет, одни поощрения.

Кривцева «отрицала» не трогает. Он, действуя по ее принципам, признает лишь то, в чем уличили; а это набор нарушений, тянущихся еще с тюрьмы. Потому в колонии уже отсидел в штрафном изоляторе и лишился права закупки продуктов в магазине.

Во многом разнятся осужденные эти, но вот как женихи оба полноправны. Кривцеву, несмотря на неснятое последнее взыскание, так же, как и Ганиеву, дали поощрительное «медовое» трехсуточное свидание с новобрачной. (Свадьба такого уровня не очень типична для зоны. Обычно женихов с бирками на груди поочередно приводят к начальнику колонии, чтобы они ставили подписи на документе загса, и ведут с женами в комнаты свиданий, если заслужили.)

...За свадебными столами не пели — пили некрепко заваренный чай. В прошлом насильник Прозоров за электроор-



ганом, заикаясь, смущенно кривя лицо, переспрашивал офицеров:

— Я сыграю для души, ну а мне ничего, ничего не будет?

Притопнул, томительно, все пронзительнее повел:

*А я с политикой был не знаком  
И прожил жизнь я почти дураком.  
Мне не хватало немного ума,  
А виновата во всем лишь тюрьма...*

А седой библиотекарь Пунгин, когда-то убивший, взмахивал руками и шептал каждому:

— Здесь ребенок спит...

В закутке книжных стеллажей на сдвинутых стульях свернулась клубочком двухлетняя белокурая девочка, не ведаящая, что теперь может законно носить отцовскую фамилию — Кривцева.

Новобрачные — 22-летняя Резеда Ганиева и Светлана Кривцева, которой 21 год, со вкусом одеты, увлекаются рок-музыкой... Резеда после заводского училища работает контролером ОТК на компрессорном заводе, Светлана, окончившая кулинарное ПТУ, — помощник повара детского яслей в Кирове. Обе — выходцы из рабочих семей. Похожи они и в своем решении выйти замуж за осужденных. Полюбившие этих парней, когда тем и не снилась уголовщина, девушки считают их преступления случайностью.

Правы ли Резеда и Светлана, покажет жизнь. Но для того, чтобы в ней не ждали новые печальные сюрпризы, они в наших лучших национальных традициях, когда суженого не столько любят, сколько жалеют, пошли к венцу сквозь конвой. Отважиться девушкам на такое было непросто.

Не зная, как отнесутся к ее сумасшедшему, по обывательской мерке,

шагу дома, в далеком башкирском городке, Резеда скрыла его от родителей. Светлане пришлось выдержать не один горячий разговор с матерью, и раньше-то на дух не переносившей Сергея, когда он заявлялся к будущей теще навеселе, в порванной одежде. Вот из-за подобных стычек не расписывались; то он, то она в последний момент поворачивали от загса. Желая приструнить Сергея, Светлана однажды подала (и потом смущенно забрала) заявление на алименты. Столь небрежный, безответственный на вид Кривцев в суде сказал:

— Я от своей дочери никогда не отказывался.

Помнила всегда и Резеда своего Ильгиза не пьяным, бредущим с друзьями (один из которых уже отсидел) в тот подвал, а нежным, отзывчивым, любящим...

Сегодня нередко бывает — жалостливые и надрывные письма благодаря сводничеству доброжелательных подругек и молоденьких работниц почтовых отделений идут из зоны от незнакомцев девочкам. И они, вступая в переписку, заранее покоренные образами доморощенных суперменов, вдохновенно рисуют себе будущую семейную жизнь с «настоящим парнем». Невесты-«заочницы» не подозревают, что огнекрылость посланий порой объясняется обычным для зон умением «лапшу на уши вешать».

Наш случай — не из таких. Тут все глубже, серьезней и... драматичней.

Люди неволи и воли. Скидывая на наивность «заочниц», все же очевидно: немалая часть молодежи, привыкшая к лозунговому воспитанию, своеобразно «переоценила» наши нравственность и мораль. Бывший зэк в компаниях подворотен и дискотек фигура уважаемая,

он «держит масть» в столкновениях молодежных групп. Такую авторитетность парни не прочь «заработать». Из дружок того же Кривцева мало кто не «тянул срок». Лихие ребята идут в зону, как в школу мужества. Там живут круто, но как! На воле авторитетные кореша не забывают, «подогревают». Многие наркоманы «сели на иглу» именно в колонии, где зелья довольно. (В последнее время перебрался запрещенного в колонию идут сплошняком. Недавно на «исходных позициях» задержали двух парней и девушку. Отобрали у них три трехлитровые грелки с водкой, восемь ампул с наркотиками, два шприца, 150 пачек сигарет, 10 килограммов сахара, 400 граммов дрожжей и чертеж новейшей конструкции выкидного ножичного ножа.)

А то у мамаш перед свиданием с сыном обнаруживают наркотические таблетки, искусно зашитые в подкладке сумки с провизией. Пожилой отец (фронтовик в прошлом), вызванный для встречи в зоне с великовозрастным ребенком, удивленно воскликнул:

— Я-то думал, ты на голых досках спишь!

Чувство милосердия, возрождаемое сегодня в обществе, конечно, не означает духа всепрощения. Мы благословляем гвоздики на свадьбе в зоне, как символ налаживания надежных, здоровых социальных связей. Но не уйти от факта, что Кривцев, при современной гуманизации суда получивший небольшой срок, да еще условно, пойти по пути Ганиева при отбытии наказания не пожелал...

Первыми почуяли «оттепель» в зонах отъявленные нарушители режима. Они, длительно содержащиеся в помещении камерного типа (ПКТ) колонии, нынче

поливают охранников водой с зубным порошком. Во дворе зоны недавно офицеров забросали отнюдь не игровыми снежками. Бояться администрации, как прежде, основная масса зэков перестала. Скорее, привычно опасаются. Но боится «нормальный» зэк (тем более на усиленном режиме, где нет рецидивистов) самого себя — в смысле всплеск остатков совести. Эта здравая боязнь идет от инстинкта нравственного самосохранения — вот к ней-то необходимо достучиваться, ее педагогически голубить сотрудникам ИТК.

Вроде бы так и было задумано, когда переименовывали исправительно-трудовые лагеря в исправительно-трудовые колонии (ИТК), где количество осужденных в десятки раз упало (до тысячи и около этого). Другое дело, что на прежний, сталинский лад во многом и они выродились попросту в трудовые, то есть близкие к старинной каторге.

Что же предложило для перестройки ИТК? По теперешним меркам самое модное — эксперимент. К примеру, «Отряд — производственный объект», в нем участвует и колония Кировской области. Идея была в том, чтобы укрупнить отряды соответственно количеству работающих, а из бывших руководителей отрядов создать централизованное мощное ядро во главе цеха-отряда, дабы органично переплелись интересы производства и воспитания.

Сегодня эксперимент этот клянут и офицеры, и осужденные. Первым и поговорить толком с подопечным некогда, а зэкам к начальникам никак не достучаться — они уже не воспитатели, а замордованные его Величеством Планом хозяйственники. За последние три года (именно столько длится эксперимент) в колонии обострилась оперативная обстановка: дело дошло до убийств среди осужденных. Яснее ясного: эксперимент малоэффективен, потому что задумывали его в первую очередь с корыстью извлечь в зонах побольше промышленной продукции.

Да с какой стати зэки вдруг засучат рукава? Они сейчас информированы похлеще иного «вольняшки» хотя бы потому, что не теряют времени, отведенного на чтение прессы и просмотра ТВ, в магазинных очередях и усиленно размышляют. Девиз, слышанный мною от мужика, намыкавшегося по лагерям: «Чем хуже для начальников — тем лучше для зэков», — его нынешние собратья успешно претворяют в жизнь. В колонии в десять раз подскочило число отказчиков от работы. Осужденные прекрасно понимают, что хозрасчет накрепко связал их с интересами сотрудников ИТК и кричат:

— На ментов работать не будем!  
В самую точку. План за последнее время не выполняется, зарплата сотрудников систематически запаздывает. Времена круто меняются, выбирать трудолюбивых особенно не из кого. Если раньше в колониях был излишек рабсилы, то после широкой амнистии 1987 года и в связи с тем, что, например, в прошлом году наказание по суду на 32 процента снизилось, десятки колоний закрыты, а в действующих, как в этой, пустуют секции общежитий.

Как оценивают ситуацию офицеры из сторонников «железной руки»?

— Преступник должен чувствовать, что наказание есть наказание, — убежден подполковник внутренней службы Владимир Анатольевич Канаков. — А если так пойдет дальше, мы, в зонах, расплатимся кровью сотрудников. Необходимо употребить власть. Пусть максимальные сроки станут по 5—6 лет, но за этот период осужденного надо держать жестко.

— Как можно изменить ситуацию, — недоумевает майор внутренней службы Евгений Иванович Швецов, — если администрация колонии в дурацком положении? Старое законодательство не отменено, права вроде есть, а попробуй жестко примени. Администрация не хочет ответственности, на обострение мер в зоне не идет, потому что тут же

# В ЗОНЕ



может последовать окрик свыше... А страсти накаляются. За всю службу меня ни разу осужденные так не обзывали, как вот за эти месяцы... Большинство положительно настроенных осужденных амнистировано. Оставшийся актив слаб, в его руководстве много приспособленцев. Власть в зоне, сгруппировавшись, захватила «отрицала». Какой выход? Нужен закон, регламентирующий деятельность ИТУ, чтобы нам руки не отшибали. Хозяин зоны, так хозяин! Помните мое слово, если примут новую модель Основ уголовно-исполнительного законодательства, будем маяться.

(Странная беспомощность. Актив липовый? Но ведь заменить его такими, как Ганиев, право администрации. А с «отрицалой» бороться нужно до победы — и административно, и оперативно. Средств для этого достаточно. За напряженность такой работы сотрудникам и зарплата повыше, чем на гражданке.)

Ну, а большинство зэков жалуется на равнодушие администрации: рабочим литейки не выдается положенное усиленное питание, в санчасти не всегда допросишься таблеток, уколы порой делают «якорями» — погнутыми иглами. Летом 1987 года в ПКТ вспыхнули беспорядки, подавляли их солдаты с резиновыми палками.

...Замнач по режимной работе Евгений Иванович Швецов закончил свой монолог словами:

— На службу идешь, как на каторгу. Домой возвращаешься, как оплеванный. Ладно, я свое выслужил, а молодым как работать?

Но, по-моему, зря майор Швецов на новую модель Основ обижается — в ней, пронизанной перечнем прав начальников, ох, как маловато сказано о правах осужденных.

А спорных вопросов об их судьбах будет еще прибавляться, раз растет преступность — в 1988 году число умышленных убийств по стране увеличилось на 14 процентов, тяжких телесных повреждений — на 32, разбойных нападений и грабежей — на 43 и 44 процента по сравнению с 1987 годом.

Явственны ностальгические вздохи

по стали старого законодательства ИТУ. Потому что когда зэки боялись, работать администрации было легче, а теперь нужно шевелить не кулаками — теперь участливость требуется, внимание к душам подопечных. И не смотреть на осужденного, как на подчеловека. И отбросить наконец-то долбежку догмой: «воспитание через труд» — способствующую госбюджету, ведомственным прибылям, но не выпрямлению искореженных душ и судеб. (Представитель ГУИД МВД СССР в одной из передач ЦТ «Действующие лица» заявил без обиняков — колонии должны быть самокупаемыми лишь для того, чтобы покрывать расходы на зарплату сотрудникам и положенные нормы содержания осужденных. Не больше.)

Пора воспитывать не только продыmlенными литейками и лесоповалами, но и проникновенным словом, которое, как известно, было раньше дела. А если не хватает для того возможностей внутренней службы, нужно системе ИТУ открыто поворачиваться к народу лицом, занимать умное и совестливое из всего нашего общества. (Это, к слову, немаловажно и для самих сотрудников ИТУ. Ведь только в прошлом году из хищений, раскрытых в системе МВД СССР и оцененных в 5 миллионов рублей, на их долю падает три с половиной миллиона.)

При демократизации общественность многое может. Так почему, столь переживая за судьбы наших участников войны в Афганистане, решив простить даже добровольно сдавшихся в плен, сплывавая милосердие и средства для лечения раненых, ухода за калеками, мы забыли о наших гражданах с другой судьбой — инвалидах совести, духа, томящихся в зонах?

Сергей Кривцев под следствием о своей «афганской» биографии не упоминал; вряд ли стал бы и на суде говорить, если б адвокат сам не узнал. Когда я расспрашивал Кривцева о службе, он отвечал нехотя. Даже его приятель, снявший майку с живописно татуированной груди, не выдержал:

— Ты ж расскажи, как раненого вытаскивал.

Сергей понуро отмахнулся.

— А если б тебя «афганцы» навещали? — спросил я его.

— Конечно, хорошо бы было...

Ребята в пятнистых куртках, где же вы?

В общежитиях и санчасти колонии мы видели немало крестов под рубашками у молодых. Бывает, что носят их, как материнский талисман, иные — как вызов начальству. А молодой парень с православным крестом Сергей Ермаков подтвердил, что истинно верующий. И тут, в колонии, таких, как он, немало. Но вряд ли они осмелятся писать заявления начальству с требованием, скажем, вызвать священника для исповеди, причащения. Хотя, уверен, появление в зоне человека в рясе и духовные беседы с ним стали бы целительны не только для ребят с крестами под робой, а и для многих отчаявшихся, замкнувших души свои перед малиновыми петлицами.

Традиции церковных батюшек согреть добрым, чутким словом блудных сынов старозаветны, как и остроги на нашей земле.

Начальник политотдела УВД Кировского облисполкома подполковник внутренней службы Владимир Александрович Бортников считает:

— Лекции политграмоты могут расширить кругозор, но не откроют сердца. В ИТУ нужны психологи, уместны тут и священники. Не важно, что, положим, осужденный атеист, ему дорого выговориться, осознать путь, что привел к преступлению...

Настоятель Серафимовского кафедрального собора протоиерей Александр Могилев, секретарь Кировского Епархиального управления, сказал по этому поводу:

— В колониях, знаю, жаждают человеческого участия. Если бы священник имел возможность перешагнуть через колючий рубеж!.. Годы застоя отпечатались на понимании добра и отзывчивости, хотя церковь и хранила высокую духовность в своих стенах. Мы готовы пойти к оступившимся людям с открытой ладонью...

Что ж, рукопожатием не прочь обменяться и люди в погонах. Никто не по-

ложит сегодня в протянутые руки камень.

Неделю спустя после свадьбы в зоне мы пили чай в кировской коммуналке, где живет новая родня Сергея Кривцева — родители и две младшие сестры его жены. Теллота семейного очага во многом идет от добросердечия, хлебосольства хозяйки Надежды Алексеевны, коренной сибирячки. И в этот день здесь было уютно, по-домашнему покойно и надежно.

Я с горечью вспомнил доверительную фразу регистраторши из загса на свадьбе в колонии:

— Девяносто процентов таких браков распадается.

Неужели девяносто? Если даже на первый взгляд так, все же в нашем случае — не так. Не прочны в основном колониетские браки с «заочницами». Кому еще сидеть и сидеть, тоже обычно заключают их с кем ни попадя, зачастую уговаривая «пойти» в невесты женщин гораздо старше себя — с прицелом на длительные семейные свидания и посылки. Одна такая «молодая» предпенсионного возраста, взявшись готовить обед на кухне комнат для свиданий, в обморок упала от свалившихся на нее перегрузок.

...Ильгиза Ганиева через год с небольшим за примерное поведение могут условно-досрочно освободить с отработкой оставшегося по приговору срока на стройках народного хозяйства или в колонии-поселении. С ним будет и Резеда.

Кривцев должен выйти подчистую в начале следующего года. Сергея ждут в радушном доме на старой окраине Кирова. Мы тогда еще заглянем в тот дом, чтобы, возможно, опровергнуть мрачную статистику.

Что поделаешь, примеры наши — судьбы людей. Горькие судьбы. Размышляя, приходится как бы по живому резать. Но надо же всем понять и осмыслить, что к гуманному обществу, к правовому государству мы идем не ровной, одинаково вдохновенной шеренгой, а скорее, колонной, в хвосте которой есть заблудшие и обездоленные.



# стажеры наВОЙНЕ

Аркадий ПАЛЬМ

Почти в одно время в Севастополе, Керчи, Феодосии, в иных городах, где живут бывшие курсанты Тихоокеанского высшего военно-морского училища имени С. О. Макарова, произошло событие, о котором и по сей день идет на флоте недобрая молва. В середине 1981 года с досок почета и стендов, рассказывающих о боевых действиях моряков в минувшей войне, были изъяты фотографии адмиралов, капитанов всех рангов, окончивших это училище и принимавших участие в боях с империалистической Японией. Им, награжденным медалями «За победу над Японией», имеющим удостоверения, где с заглавной строки записано: «За участие в боевых действиях...», было объявлено, что отныне они прямого отношения к Победе не имеют. А тем, кто продолжал служить, в приказном порядке предлагалось сдать удостоверения участников Великой Отечественной войны.

«Ты не представляешь, что со мной творилось, — пишет мне Борис Дробаха. — Мы тогда стояли в Севастополе, готовились в очередной рейс в Атлантику, и на тебе — в канун Дня Победы с берега принесли эту жуткую новость. Мы только собрались в кают-компанию, и мне предстояло сказать экипажу несколько слов от имени воевавших и павших... Не смог. Заперся у себя в каюте, а в памяти август 1945-го... Я попал тогда в бригаду торпедных катеров. Вместе с другими высаживал десантников дважды Героя Советского Союза капитан-лейтенанта Леонова в порты Юки и Сейсин. Был дублером командира катера. Помню, как торпедировали на рейде вражеский транспорт.

Мой друг, Витя Кулаковский, служил на подводной лодке «Ленинец». Он погиб вместе с экипажем на минометном поле в районе пролива Лаперуза. Имя его (и еще четырех наших курсантов) высечено золотыми буквами на гранитном постаменте рядом с моим училищем. Так что, они тоже не причастны к Победе? Может, прикажете взять в руки зубило и срубить их имена? А как забыть курсанта Гладушевского! В бою при Хунхедао на мониторе «Свердлов» от прямого попадания снаряда вспыхнул пожар. Огонь подобрался к боезапасу. Гладушевский предотвратил беду. За свой подвиг он был награжден медалью Ушакова. Не один он, тридцать курсантов за те бои были удостоены медалей Ушакова, Нахимова, «За боевые заслуги», пятеро — посмертно орденами. И вдруг все это взяли под сомнение, словно мы примазались, как самозванцы, к чужой славе. Пойми, все дело ни в чем ином, только в чести...»

Как мог, я успокоил Бориса. В это время поэт Марк Кабаков, бывший подводник, опубликовал в «Советской Рос-

сии» статью «Курсанты атакуют», в которой на большом историческом материале рассказал о вкладе курсантов в Победу. Думалось, поможет. Ошиблись. Ответ тогдашнего первого заместителя начальника Главного управления кадров Министерства обороны СССР генерал-полковника В. Гончарова мне еще предстоит процитировать. И все же теплилась надежда на справедливость. Близился День Победы. Триста оставшихся на сегодняшний день в живых бывших курсантов ждали, что их в соответствии с Указом вызовут в военкоматы и вручат ордена Отечественной войны. Не дождался.

...Начало августа 1945 года. Общее построение на училищном плацу. Курсантам зачитан приказ: пополнить экипажи кораблей Тихоокеанского флота и Амурской флотилии, иначе говоря — в строй. До войны рукой подать. Корабельный Устав ВМФ СССР не оставляет никаких лазеек для разночтений. В нем говорится: «Курсанты во всех случаях корабельной жизни и службы приравниваются к соответствующей категории старшин и рядовых». С юридической точки зрения это положение, никем никогда не отмененное, чрезвычайно важно. Оно определяет статус курсантов как равноправных членов экипажей боевых кораблей. И они служили сигнальщиками, комендорами, рулевыми, минерами.

Ребята и раньше рвались на фронт. Тот же Дробаха бузил, плохо учился, лишь бы списали из училища и — на фронт. Им объясняли, почему они нужнее на Дальнем Востоке. А когда сыграли на мониторах, крейсерах, подводных лодках боевую тревогу, пришел их черед. Слава богу, что война с Японией оказалась короткой. Но именно это обстоятельство обернется против курсантов. Седых людей заставят возвращать в военкоматы удостоверения участников Великой Отечественной.

И подчищали канцеляристы их личные дела. Но одно — перемарать бумагу, совсем иное — душу. Нет, впрямую их никто «примазавшимся» не называл. Просто сочинили инструкцию, следя которой курсантов было приказано считать «прикомандированными» на боевые корабли. И это спустя 35 лет! Вроде и слово безобидное — «прикомандированный», да к нему подшиваются совсем иные бумаги и тоже задним числом. В частности, «прикомандированные» не считаются участниками войны, если они находились на фронте менее одного месяца. Вот она, заковыка! Война с Японией длилась 26 дней. Где же адмиралу Валентину Дмитриевичу Рычкову «добрать» еще четыре? Да и зачем, если он за те бои награжден медалью «За боевые заслуги»? Ну и что, все равно не положено! Примерно так отвечали боевому офицеру

из канцелярии Министерства обороны на его просьбы разобраться по существу. Правда, удостоверение все-таки выдали. Остальным — нет.

Вдумаемся. Юноши шли в бой, из которого могли не вернуться. Повезло, уцелели, стали боевыми офицерами и вот вынуждены просить родное Министерство не лишать их чести. У Даля: «Честь — внутреннее, нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть». И вдруг — «примазавшийся», а ведь у каждого семья, дети, внуки, сослуживцы, просто соседи по лестничной клетке. Как объяснить им всем случившееся? Ведь если можно втихую изъять фотографию с Доски почета и таким образом посеять подозрительность, то это означает, что справедливость в обиде.

Разжалование — не всегда сорванные перед строем погоны и штрафбат. Там хоть есть возможность кровью искупить свою вину. А тут и вины нет! Коль «прикомандированный», то не просто не имеешь права на удостоверение участника войны, ты официально отлучен от личной причастности к Победе. Красные следопыты восстанавливают имена погибших. Министерство обороны вычеркивает живых из истории Отечества. Если это не кощунство, то как назвать по-иному?

И вот здесь самое время для ответа первого заместителя начальника Главного управления кадров Министерства обороны СССР генерал-полковника В. Гончарова. Перечислив существующие постановления в отношении ветеранов и пункты, регламентирующие их права, генерал делает вывод: «постановка в настоящее время, через сорок лет после окончания войны, вопросов о дополнительном расширении контингента лиц, имеющих право на льготы, установленные для участников войны, и в частности о предоставлении указанных льгот бывшим курсантам только военно-морских учебных заведений, находившихся на кораблях меньше одного месяца, была бы, видимо, неправомерна».

Отчего же? Справедливость не имеет сроков давности. В 1988 году я получил письмо и от начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского флота генерала армии А. Лизичева. Боевой генерал, конечно же, знает, что война с Японией длилась 26 дней, и тем не менее пишет, что право на льготы имеют лишь те, кто «непрерывно находился в командировке не менее одного месяца в воинских частях, штабах и учреждениях действующей армии и практически выполнял штатные должности, а лица, награжденные за отличие в боевых действиях орденами СССР, либо получившие в боях за Родину ранение или конту-

зию, — независимо от продолжительности пребывания в действующей армии». И далее: «Проверкой по архивным документам Центрального военно-морского архива установлено, что курсанты Тихоокеанского высшего военно-морского училища в период пребывания в действующей армии и на флоте с целью приобретения боевого опыта (?! — А. П.) штатных должностей не исполняли (согласно Корабельному Уставу — исполняли! — А. П.). Они исполняли обязанности дублеров по плану проведения стажировки (? — А. П.), оставаясь в штате училища».

Вот так. Идет война, юноши принимают участие в боевых действиях, пули и осколки не спрашивают, кто они — матросы или стажеры; проходят годы, и вдруг выясняется, что ничего такого не было: «Оставались в штате училища». Как же можно одновременно находиться на палубе боевого корабля и в учебной аудитории? Что же, попробуем понять ход мыслей генералов. О чем их главная забота? Нравственный смысл происшедшего их, похоже, не волнует. Они пекуются совсем об ином: не «расширять контингент лиц, имеющих право на льготы». Экономят. Слов нет, занятие в высшей степени почтенное. Однако как бы не разориться, экономя на любви к Родине.

Чью биографию из трюхост бывших курсантов ни возьми, пролистай, и поймешь, что все они осознали себя сынами Отечества в те августовские дни 1945 года, когда с оружием в руках отстаивали завоевания Октября. Всем существом своим они связаны с той минутой, когда впервые по-взрослому ощутили, что синий гюйс за спиной не просто воротник: на нем умещается вся слава русского флота, та часть нашей с вами культуры, что составляет непреходящую ценность.

Неслышно стыкуются поколения. Негромко передаются от одного к другому духовные богатства, но именно эти чувства питают честь и достоинство личности. Привыкшие к валовым показателям, забывающие порой о том, что цель всех наших усилий — человек, мы и на минувшую войну все еще смотрим глазами бухгалтеров. Все стараемся подсчитать то, для чего никогда не будет изобретено весов. Как взвесить страдания матери Вити Кулаковского, ушедшего в смерть с детским именем?

Хотя я не прав, такие весы существуют — память. И пока жив будет хотя бы один курсант, он меряет этой мерой и чувства, и поступки. Зачем же отнимать у моряков право говорить о прошлом от имени Вити Кулаковского и от своего имени?

Между тем в справке-разъяснении, опубликованной в «Известиях» от 25 марта 1985 года, сказано: «Для военнослужащих и лиц военнонаемного состава, проходивших службу (работавших) в частях и учреждениях действующей армии на штатных должностях, продолжительность службы не установлена. Достаточно одного дня». Да и потом, к чему вся эта возня? Оказывается, ради льгот, чтобы не «расширять контингента».

Конечно, эти льготы представляют определенную ценность. И может быть, генералы из Министерства обороны имеют резон — не стоит расширять контингент лиц с правами на льготы. Только бывшие курсанты не о льготах! Они отказываются от них добровольно — верните на одну лишь малость — верните им гражданское право именоваться участниками Великой Отечественной. Юги с Соловецких островов в свое время такого права добились. Пора и курсантам Тихоокеанского высшего военно-морского училища имени С. О. Макарова возвращаться к себе домой, в Победу.

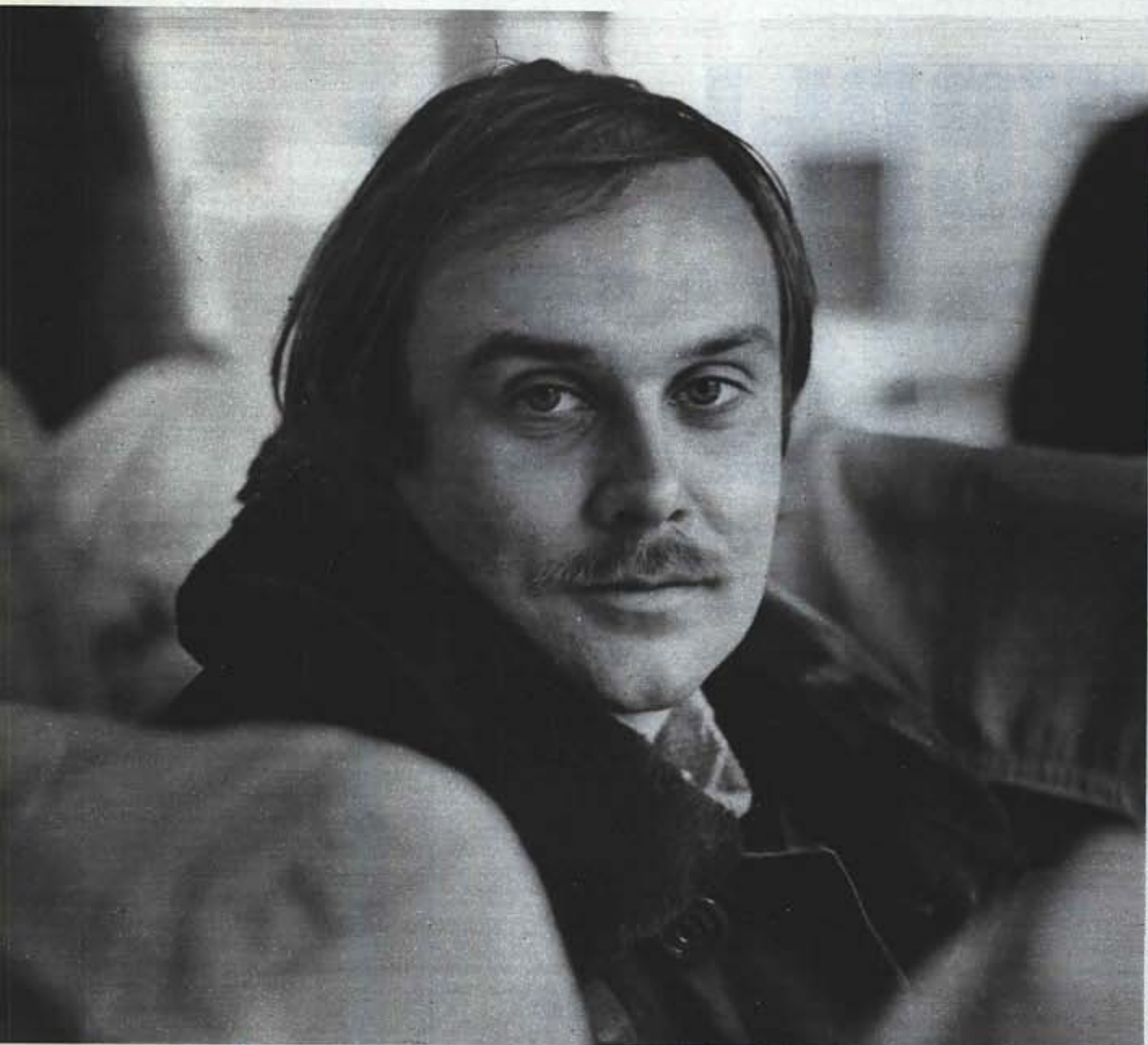


Фото Игоря ГНЕВАШЕВА

Режиссер Сергей Овчаров.

## Сергей БЫЧКОВ

**Ф**ольклор? А зачем об этом говорить? Это каждому ребенку понятно. А то, что слово нерусское, так почему нельзя им попользоваться? Мало ли иностранных слов давно уже получили права гражданства в русском языке! И все-таки давайте задумаемся, что мы привыкли вкладывать в это понятие? А то ведь «мудрое дело корыто: кто не знает, кораблем назовет». Одно из определений принадлежит академику Д. С. Лихачеву: «Самое массовое из искусств — фольклор словесный, музыкальный, материальный (изделия народного ремесла) — почти лишено того, что мы могли бы назвать безвкусицей, подделкой под искусство. Почему? Я думаю, именно потому, что народное искусство (фольклор) создается всеми, для всех и в рамках многовековых традиций. Во всем, что делал народ, — единое представление о красоте. Здесь нет различий. Единство представлений о красоте создавало единство стиля, и то и другое, как броней, защищало народное искусство от безвкусицы».

Согласитесь, довольно неожиданное объяснение. Большинство привыкло к народному искусству относиться снисходительно, да и надоели порядком все эти народные ансамбли песен и од-

нообразных плясок. А тут оказывается, что народное искусство свободно от безвкусицы. Вот и получается: «Не смотри на клочку, а смотри на птичку». И те, кому посчастливилось еще заставить народные гулянья, но не под духовой оркестр в парке, а под гармонию, вспомнят и вздохнут. А то и пригорюнятся: сколько души вкладывал в свою игру гармонист! А может, кто-то и запечатлел вымирающие обычаи, русские хороводы, неспешные гулянья, россыпь драгоценных пословиц? И что же, действительно запечатлел, да еще с каким озорством и талантом! Вот уж «пришло счастье, хоть в колокола звони!»

Он еще молод. Ему чуть за тридцать. Сергей Овчаров, снявший в 1983 году свой первый полнометражный художественный фильм «Небывальщина», затронул одну из самых больших проблем. Всегда казалось, что мы свято храним свои национальные традиции: неизменный компонент всех концертов по радио или телевидению — народные песни и пляски. А молодежь, за редчайшими исключениями, почему-то повально увлекается западной музыкой. А что, у нас на сцене не настоящие мастера? Но почему-то морщатся слушатели, хотя и голос, скажем, у Л. Зыкиной хорош, и слова В. Бокова самые что ни на есть народные.

Что же произошло, если наше родное, кровное, то, что питает искусство, кажется невыносимо фальшивым, приторным? Но оказывается, можно еще, кроме быстрой езды, беззаветно любить русскую гармонию, старинные распева, народные гулянья. Оказывается, наши русские обычаи продолжали жить все это лакированное время, но не на поверхности, а в глубинке. И молодой режиссер Овчаров сумел увидеть это забытое богатство и показать его.

Дебютировал он короткометражным фильмом «Нескладуха». Недавно телезрители получили возможность увидеть этот фильм, снятый по рассказу В. Шишкова «Винолазы». Уже в этой работе проявилось тяготение режиссера к русской шутке, скоморошине. Не буду пересказывать сюжет фильма — меня поразило, что на фестивале короткометражных фильмов в Париже он получил Гран-при. Награда эта свидетельствует, что всегдешнее умение русского человека посмеяться над собой, расцветить шуткой самое горестное событие понятно не только нам, но и зарубежному зрителю. Хотя многие отечественные ретрограды были шокированы подходом режиссера и усмотрели в его фильмах глумление над нашим прошлым.

Может быть, потому так трудно про-

Наталья Гундарева  
на съемках фильма «Оно».





бывался на экраны второй фильм Овчарова — «Небывальщина». Если «Нескладуха» — картина сюжетная, то в «Небывальщине» трудно вычленить сюжетную линию. Она почерпнута из русских сказок. Да и герои, конечно, взяты из сказки: Незнама (А. Кузнецов), этакий вариант Иванушки-дурачка, Бобыль (С. Бехтерев), вечный изобретатель, и, наконец, неунывающий, все умеющий Солдат (А. Булдаков). Режиссер сумел привлечь начинающих актеров, угадать их характерные черты и создать единый актерский ансамбль. Примечательно, что в массовых сценах заняты непрофессиональные актеры — жители Курганской области.

Овчаров показывает Незнама в различных ситуациях, но — весело и озорно. Жизненный путь Незнама так же извилист, как путь русской реки, но вспомним пословицу: «Только ворон прямо летает». И постепенно незадачливый и неумелый Незнама набирается ума в путешествиях. Но почему начались эти скитания незадачливого Незнама? Конечно, виной тому его жених — «женился, как на льду обломился». Наверное, это и есть завязка «Небывальщины». Хотя с тем же успехом завязкой можно назвать ряд других эпизодов — к примеру, уход мужиков на войну. Отдельные элементы фильма равноценны и в равной степени могли бы послужить завязкой или кульминацией. Какой бы эпизод мы ни взяли, в нем заложено столько смысла, энергии, что он сам по себе мог бы стать вполне самоценным зерном, из которого может произрасти новый фильм. Вот, к примеру, рынок. Сюда попадает Незнама, пытающийся продать корову. Рынок в фильме С. Овчарова не только изобилие «плодов земных» и средоточие всевозможных ремесел, но и средоточие людских страстей. Здесь сходятся все — и городской ловелас, и жулик, и Бобыль, решающий именно здесь продемонстрировать всему миру мощь человеческого разума. На рыночной площади он воздвигает грандиозное сооружение из... бочек, напоминающее ракету. Здесь же следит за порядком бравый урядник, словно сошедший со страниц Салтыкова-Щедрина. Естественно, что в его устах всего два слова: «Разорю!» и «Не потерплю!». Но именно он спасает незадачливого изобретателя от гнева разъяренной толпы.

Действие фильма разворачивается так же неспешно, как повествование русской сказки. Изгнанный из дома,

Незнама становится странником. Его встреча с бывалым Солдатом, каскад приключений, начиная со встречи с хранителем женской красоты до схватки с иноземным захватчиком, который обращается в бегство от мужиков, забрасывающих его шапками, — все это завораживает, увлекает и только потом, вновь и вновь всплывая в памяти, требует осмысления. Сюжетная линия как будто отсутствует. Она становится своеобразной головоломкой по принципу «в огороде бузина, а в Киеве дядька». Именно поэтому отдельные элементы фильма не разваливаются, они спаяны внутренними законами, они объединяются волей художника в величественную панораму, в которой мы узнаем не только наше прошлое и настоящее, но и будущее.

Откуда же это эпическое видение? В чем тайна фильма? Один из исследователей русской сказки, В. Я. Пропп, отмечал, сопоставляя миф и сказку: «Миф есть рассказ религиозного порядка, сказка — эстетического. Миф есть более раннее образование, сказка — более позднее. Таким образом, миф и сказка отличаются не столько сами по себе, сколько тем, как к ним относятся. Это значит, что фольклористика есть наука не столько о сюжетах, текстах, но и о роли этих сюжетов в общественной жизни народов». Основа фильма Овчарова сказочна, но в той же степени мифологична. Однако не стоит воспринимать термин «миф» уничижительно. Русский философ начала века С. Н. Булгаков писал: «Прежде всего следует отстранить распространенное понимание мифа, согласно которому он есть произведение фантазии и вымысла... Он есть событие, которое совершается на грани двух миров, в нем соприкоснувшихся...» Причем эти два мира, один — человеческого сознания, другой — таинственный, взаимопроникают друг в друга. А если заглянуть в Словарь мифов, то мы узнаем еще кое-что: «В первобытном обществе мифология представляет основной способ понимания мира».

Это соприкосновение, а порой перерастание мифа в сказку тонко чувствуется С. Овчаров. Он творит своеобразный миф, в котором отразилось его понимание народной судьбы. Думаю, он не обидится, если теперь, объяснив, что я вкладываю в понятие мифа, назову его мифотворцем. Пушкин, создав миф о женской судьбе, назвал его «Сказкой о рыбаке и рыбке». Лесков, сложивший

# ПОКУШЕНИЕ НА МИФ

миф о народном умельце, назвал его «Сказом». Миф — это еще и способ познания действительности. И не стоит относить его бытование только к первобытному обществу. Он сохраняет актуальность во все времена. Один из исследователей отмечает: «Миф, потерявший свою социальную значимость, становится сказкой». Значит, во многом от нашего отношения зависит, что перед нами — миф или сказка.

Незнам, проходящий огонь и воду, близок нам еще и потому, что едва ли не каждому приходится повторять этот жизненный путь. И нас встречают безводные пустыни и дремучие леса, добрые и злые люди. Но вот Незнам, набравший ума, возвращается домой. Семья растет, в доме достаток. В финале фильма, на гуляньях, он предстает перед нами в окружении множества румяных деток, да и его трудно узнать — это молодой, степенный мужик, глубоко уважающий себя. Но и в этот серьезный, счастливый финал врывается скоморошина: «Шей, вдова, широки рукава, было б во что класть небывалые слова!» Бобыль, безуспешно на протяжении всего фильма пытавшийся «освоить» небеса, вдруг на гуляньях, взмахивая руками, безо всяких приспособлений взлетает и летит, подобно птице. Отбросив степенность, пытается взлететь и Незнам, но падает в снег. Солдат, перековывающий стариков в молодых, откликается на призыв старого друга Незнама, ударяет молотом по наковальне — из-под нее выскакивает мальчуган и голышом убегает по снегу. Растерянно смотрит ему вслед Солдат, а где-то вдалеке, почти за кадром, взбивая воздух руками, летит Бобыль...

Неудивительно, что следующим фильмом Овчарова стал лесковский «Левша» (Ленфильм, 1986 г.). Большинство критиков сошлось во мнении, что этот фильм не удался режиссеру: «В отличие от Лескова Овчаров поостерегся дать жанровое определение своему произведению. Жанр сказки взорван изнутри, и из нутра ринулись затаенные в нем бесчисленные подробности и детали, а целое перестало существовать необратимо». Я не согласен с утверждением, что фильм «Левша» — неудача. Если в «Небывальщине» Овчаров самостоятельно творил миф о русском характере, то в «Левше» ему пришлось иметь дело с готовым и коварным мифом Лескова. Если учесть к тому же, что «Сказ о Левше» — это одно из самых популярных произведений русской классики, то задачи, стоявшие перед Овчаровым, были несоизмеримо труднее.

Если в «Небывальщине» режиссерскую фантазию ничто не сдерживало, то, снимая «Левшу», Овчаров был поставлен в жесткие рамки лесковского сюжета, малейшее отклонение, привнесение своего уже рассматривается как покушение на классику. Может быть, поэтому большинство экранизаций классических произведений воспринимается как неудача?

У кинематографа свои законы и задачи. И фильм никогда не сможет стать просто иллюстрацией прозы — для этого существует книжная графика. Овчаров и не ставил подобной задачи, но создать фильм, конгениальный лесковскому сказу, ему, быть может, не удалось. Критика отмечала и тиражирование приемов, найденных в «Небывальщине», и чрезмерную фантазию режиссера, не позволившую ему отказаться во имя целостности от деталей. Но мне фильм понравился, хотя гораздо меньше, чем «Небывальщина» или «Нескладуха». Мне импонирует дерзость Сергея Овчарова.

А на очереди еще одно «покушение» на классику. И опять сверхзадача — в этот раз Салтыков-Щедрин, «История одного города». Опять-таки миф, и опять о русской истории, о русском загадочном характере. Представляю, сколько всевозможных откликов вызовет этот фильм! Верю, что эта работа по плечу Овчарову: «Ремесло не коромысло — плеч не оттянет!»

**Владимир ХОХЛОВ**

**ВЕТРЫ ФЕВРАЛЯ**

Я помню ветры февраля —  
в разбитых окнах даль хрустела...  
Метель дорогу обняла  
и отдавать не захотела.

Чернели лица фонарей...  
О срубы ведра дребезжали...  
Мне город не открыл дверей!  
Меня в деревне — не узнали!

**ВСТРЕЧА**

Спит в стогах медовая солома.  
Лунный свет запутался во ржи.  
Что ты, мама,  
мы не бросим дома!  
Спрячь на черный день свои гроши!

Дай воды из нашего колодца,  
напои заблудших сыновей,  
из ковша рассвет нам улыбнется  
чистотой и юностью своей.

Что ты, мама,  
мы не бросим дома —  
горьким взглядом больше не брани,  
нам и жизнь, и смерть теперь знакомы.  
Шепчет мама:  
— Боже, сохрани!

**ЛЮДМИЛЕ**

Я найду Вас по улыбке,  
по глазам, где дремлет тайна,  
вечер встретит за калиткой  
не случайно.

Он укроет нас туманом,  
он от бед нас отогреет,  
порастет былье бурьяном...  
Вечерует.

**Игорь НЕПОМНЯЩИЙ**

До рассвета вдоль вагона шаркая  
И усталость отгоняя прочь,  
Муза зшелонной санитаркою  
За больными ходит день и ночь.  
И на рубеже огня и темени  
Замечает сквозь угар и чад:  
У разгримированного Времени  
На лице рубцы кровоточат.

Рисунки Юрия АФОНИНА

Вот он сидит в инвалидной коляске  
Около переходного моста —  
В свитере грубой промышленной  
вязки  
И с папиросой во впадине рта.  
Облако в небе стоит и не тает,  
Влажное солнце по листьям течет,  
Неторопливо сирень зацветает,  
Ставится время на переучет.  
Что ж он молчит и следит затаенно  
За бесконечной людскою волной,  
Призрак Орфея иль призрак Харона,  
Двух мирозданий безумный  
связной?..



**Ирина ШАЛАЕВА**

**ОТТЕПЕЛЬ**

Ах, эта оттепель среди зимы!  
Зимы оплошность  
иль весны поспешность?  
Иль чья-то нерастратченная  
нежность?  
Иль просто  
все на свете влюблены?  
Или Природы малая небрежность?

Зимы оплошность  
иль весны поспешность —  
Осевший, почерневший, рыхлый снег  
И в шубе нараспашку человек,  
Которому несвойственна  
небрежность?  
И молодой на дереве побег?  
Иль чья-то  
нерастратченная нежность  
Вдруг вырвалась на свет  
из душевной тьмы,

Растрогала снега до глубины,  
Нарушив ледяную безмятежность  
Спокойной и сияющей зимы.  
Иль просто все на свете влюблены —  
Друг в друга, в жизнь,  
в добро — и нет причины  
Для огорчений, зависти, кручины,  
На нет интриги и наветы сведены,  
Не хмурят лиц обиды и морщины?

Или Природы малая небрежность,  
Смутившая привычный этот мир?  
И незаконнорожденный подснежник  
В проталине так одинок и сир,  
Как маленький раскаявшийся  
грешник...  
Ах, эта оттепель среди зимы...

**ЭТЮД ОБ ОГНЕ**

Может, огонь птицам сродни?  
Слышишь — шумит,  
Как крыльями бьет:  
Взлет!  
Видишь — горит,  
Как крыльями машет:  
Пляшет!

Может, коню сродни огонь?  
Слышишь — фыркает, словно конь?  
Шумно вздыхает, ушами прядет  
Словно копытами оземь бьет:  
Ждет.  
Ржет.  
Жжет.

Огненной птицей огненный конь  
Хочет взлететь, жаждет погонь  
Он.

Как птице — пшена, хлеба — коню,  
Дров наломав, брошу огню:  
Спалю!

Спою:  
«Желтая птица, рыжий конь  
В клетке, в печи, в сердце  
Огонь».

**Елена ТОЛМАЧЕВА**

Коль зелень снега есть,  
то почему невидимая мною?  
А если нет,  
то почему так чувствую ее?

**ТО УТРО ЧЕРНОБЫЛЯ**

Я слышала фাগот,  
фাগот лили.  
До первых петухов  
еще был шелк.  
До первых петухов  
еще был свод.  
Я слышала фাগот реки,  
фাগот Десны.  
Как сквозь ночную темноту,  
тянулся чистый звук!

О Земля моя!  
Твой ястреб — наследник молний.  
В тебе — родник остроты,  
родник риска.  
Жатва порождает в тебе острие.  
Твои стаи — озноб,  
твои стаи — решето.  
О, как чисты твои кровли,  
кровли вишни.

Я шла по зеленеющему лесу,  
его переполняла жизнь.  
И только лестница вставала высоко.  
Я так хотела знать,  
что в ней за суть.  
Что там,  
за этой дрожью лестницы,  
за этой белизной?  
Мои руки не слушались меня.  
Ответа лес не знал.  
И только лестница вставала осиянно.

**Сулев КЮБАРСЕПП**

**ВСЕ ЧТО СЛУЧАЕТСЯ**

Все что случается  
случается совершенно внезапно  
внезапно деревья  
покрываются молодой листвой.

Прежде чем кануть  
мгновенье звучит еще в сердце  
в сознание  
в дыханье  
в душе его эхо дрожит  
о самом важном  
надо жить.

На краю света  
остановился поживший  
и все повидавший  
человек  
лицом ко всем  
свой век завершив.

**СВЕТ — ЭТО ВИДЯЩИХ УДЕЛ**

Свет это видящих удел  
а темнота гораздо больше  
иные поглядят на свет  
и ничего не видят больше.

Летели птицы надо мной  
темнела стая наваждением

стоял я в сумерках внизу  
в снегу колеблющейся тенью.

Мысль это мыслящих удел  
а пустота гораздо больше  
что мог подумать я тогда  
и кто об этом знает больше.

Запечатлелся на всю жизнь  
тот ясный облик дня бывшего  
на человеческий язык  
мне мир переводивший снова.

И сны и страхи и мечты  
слились с бессонными часами  
лишь в том мгновении есть жизнь  
когда мы стали мыслить сами.

### ИДЕТ РЕБЕНОК СЛОВНО ЮНЫЙ БОГ

Идет ребенок словно юный бог  
в лучах заката с головы до ног  
идет туда где на краю небес  
сейчас хоронят мира жар и блеск.

Спустилось солнце  
скоро догорит  
у света на краю малыш стоит  
не ведает  
хранимый от невзгод  
что за спиной рождается восход.

Перевел с эстонского  
Борис РЯБУХИН



### Александр СУВОРОВ

Мысль о тебе  
сгорает звездой  
случайной.  
Что это?  
Сон?  
Фантазия?  
Иль забытые?  
Или живая  
меня посетила  
тайна?

В пламени сердца  
растаяло  
имя ее...  
Но наполняется тайной  
парк опустевший,  
опавший.  
Запах горелой ливны —  
запах любви  
вчерашней.

### В РОЩЕ

Я не могу  
сюда не приходить,  
 послушать  
шум дождя  
и щебет птичий  
и самого себя  
опять  
частичкой  
природы этой мудрой  
ощутить.

### Наталья ВАРЕНИК

Вы видели, как жадно  
плиты лижет  
В ночи соцветье  
Вечного огня?  
И звезды над огнем  
крупней и ближе,  
Чем те, что перед домом  
у меня.  
Вдали прогрохотала электричка...  
А воздух так прозрачен  
и суров!  
Огонь и звезды... Длится  
перекличка  
Друг другом примагниченных  
миров.

Человек из металла  
Вышел на черную площадь.  
Стальную хрипящую лошадь  
Он ведет за собой.  
Город замер устало...  
Человек появился из мрака  
И прицелился знак Зодиака  
Над бритой его головой.  
Вот взревел его конь  
И пронесся по вымершим  
улицам,

И навздрик ссутулился,  
Пригибаясь в седле.  
Излучая огонь,  
Фары чьи-то разрезали лица.  
Падший ангел садится,  
Скользя на подбитом крыле.  
Тесно вдавлены в уши  
Наушников черные диски.  
Воплощение риска —  
Металлический голос и взгляд.  
Сigaretой потухшей  
Чертит свастику он на  
асфальте.

Как святой на распяте,  
День грядущий распят.  
Люди в теплых постелях,  
На уютной планете,  
Ваши взрослые дети,  
Где они? Вот беда...  
Души их опустели,  
Чувства неуязвимы.  
Мчатся мальчики мимо —  
В никуда, в никуда...

Не шутят такими вещами,  
Но каждой прожилкой в судьбе  
Я верю: меня завещали  
На этой планете тебе.  
Друзья, что надежными были,  
Немного наша родня,  
Те двое, что прежде любили —  
Тебе завещали меня.  
Твое не разгадано имя,  
Неведомы место и срок,  
Но все ж предрекаемо ими  
Скращение наших дорог.  
И крепко смыкались их плечи,  
Меня заслонив от беды  
Во имя единственной встречи,  
Покуда отсутствуешь ты.  
Бери же любовь!  
И печали  
В смятенной душе не таи...  
Меня, как огонь, передали  
В неловкие руки твои.

# ЛИЦО ВОЙНЫ

Окончание.  
Начало на 4-й стр.

«Человеком-протезом» в шутку называл себя моряк Алексей Чхвиздзе. Это они, морские пехотинцы, тогда, в 45-м, спасли от взрыва и разрушения Королевский дворец в Будапеште. Погибли почти все. Он — с выжженными глазами, оглохший, потерявший обе руки — выжил. И даже написал книгу.

Это портреты героев, да не у всех есть имена. А вот и впрямь «Неизвестный солдат». Лишенный рук и ног, памяти и дара речи, завернутый в конвертик, как дитя, и такой же беспомощный. Только глаза все видят. И весь он — как немой укор. Кому?

Нет, к такому пристальному вниманию к калекам мы не готовы, просто не приучены.

Из книги отзывов персональной выставки Г. Доброва: «Ничего подобного не видели до сих пор. От волнения даже плохо пишется. Спазмы сжимают горло, слезы подступают к глазам. Коллектив НИС «Мослифта».

«Потрясен той правдой, которую увидел. Я узнал о том, о чем не подозревал. Не дай бог претерпеть это еще раз даже врагу. Я плакал... Хрипков, врач-реаниматолог».

«Потрясение — нет другого слова. Рядом с нами все это было, а мы старались не видеть, старались загнать куда-то на задворки сознания. И вот теперь — как ожог совести... Как это нужно видеть молодым! Может быть, тогда рациональное в их душе уступит место состраданию и милосердию? Научный сотрудник ВОНЦ АМН СССР».

Очищение. Да, наше время проходит под знаком возвращения. Постепенно возвращаются понятия, искони нам присущие: милосердие и благотворительность. Добро рождается в страдании. Через страдание должна пройти душа, дабы очиститься... И милосердие родится лишь от чуткости сердечной. Есть ли она в нас?

Иногда слышишь: а нужно ли снова ворошить военное прошлое? Не лучше ли воспитывать детей на мирных идеалах? Да, конечно, лучше. Если быть уверенным, что мир на земле пребудет вечно, что страшные уроки прошлого уже не пригодятся никогда. А если все-таки у руководителей не хватит разума разрешить конфликт мирным путем, а народу не хватит голоса доказать бессмысленность кровопролития — кровь опять прольется (пример, увы, не такой уж абстрактный). И чтобы усоветить кого-то, нужно снова показывать людские увечья крупным планом? Да разве ж короткая память хоть кому-нибудь помогла стать лучше? Пусть хоть горький опыт станет уроком памяти, предостережением на будущее. Предупреждением, а не кликушеством безумного пророка — юродивого с невнятной речью — с одного из портретов Доброва...

Чингиз Айтматов, увидев портреты инвалидов, признался, что после не мог уснуть, заболел просто. Нечто подобное испытывает почти каждый. «Я видел это там, на Валааме, и был потрясен, — пишет А. Пьянов. — Но здесь — еще страшнее. Слава богу, что нашелся человек, рассказавший об этом. Не знаю, как у него хватило сил рисовать это, ибо и смотреть на это здесь — нету сил». Или М. М. Рохлина: «Выставка потрясает, переворачивает душу. Без слез смотреть невозможно... Я участница войны, оказывала первую помощь раненым, знаю чужую боль — но боль этих картин вошла в мое сердце. Сюда надо водить солдат перед присягой, школьников на уроки мужества...»

Но когда чуть утихнет боль и первый

шок пройдет, нет-нет да и возьмет сомнение: а нужно ли сегодня такое вот «документальное», скрупулезное искусство? Ладно передвижники, но в наши-то дни, когда фотография правит бал, когда и для авангардистов наконец-то приоткрылись двери выставочных залов — не нонсенс ли?

А с другой стороны, разве ж порой нас не тянет в Третьяковку? Разве не вздрагиваем мы, встретившись вдруг с глазами несчастного отца над телом убиенного им сына (и в первый момент забываем даже о тиране и жертве)? Так ли это безнадежно устарело и совсем не трогает? Да разве ж модернизм непременно отменяет реализм? Ведь ясно, что догматизм воинствующий якобы против лжеискусства имеет мало общего с истинным реализмом. И, право же, вышедшим из подполья художникам наивно бить себя в грудь, что только они истинные: «левые» в творчестве, правые — в споре. Да будут выслушаны и те, и эти.

Хотя о чем спорить, если берет, берет за живое?

Последняя картина Геннадия Доброва «Бред преследования» тоже напоминает. О том, как молох войны перемалывает не только кости, но и души. Немудреная одиссея бывшего уголовника, что стал пособником оккупантов, а после войны скрывался и бродяжил, остается за кадром. Взяли его, видно, случайно, как бомжа, и тут открылось его позорное прошлое. И сам факт разведения, столь обычный в больницы практике, здесь вдруг становится символом разоблачения. Да, он выжил тогда ценой предательства и тем обрек себя на долгие годы страха. Патологического, граничащего с манией. Предатель мерзок окружающим: милиционер брезгливо отряхивается, медсестра приемного покоя ужаснулась при виде повешенных — на старом снимке, выпавшем из лохмотьев. Даже хирурга поразил вид сплошных гнойных язв на давно не мытом теле...

Сюжет достоверен — в свое время довелось Геннадия Михайловичу поработать и постовым милиционером, и санитаром в больнице — всякого насмотрелся. Но не это главное, и не в этом даже дело. Художник незаметно переносит нас в мир иных категорий: долга и сострадания, ненависти и любви к ближнему, праведного гнева и кротости души. Да, здесь разговор уже о ДУШЕ. И «документальная» живопись сразу поднимается на уровень высших абстракций Добра и Зла: бог в душе и бог на бляхе немецкого солдатского ремня. Пробивается вдруг и начинает звучать мотив христианского милосердия — и мы словно узнаем евангельскую притчу о прокаженном...

Кто она, эта санитарка, омывающая ноги убиенцев своих близких? Наверняка из тех женщин, что вытаскивали на себе раненых с передовой; что отдали Родине все, что могли, до последнего: своих сыновей, мужей, братьев. А после войны работали в больницах и инвалидных домах. Для них, сестер милосердия, благотворительность — естественное состояние, свойство души. Вот и для нее сейчас нет вопроса, можно ли простить преступника? Разве она — судья ему, болезному и страждущему?

Это что же, всепрощение и забвение? Или же возвращение к истокам, к давним традициям: когда не только умели гордиться победами и почитали героев, как святых, но и зазорным считали топтать поверженного врага?

Всякий ли способен принять такую позицию, все ли согласятся с идеей художника? Да и каждый ли «прочтет» эту живопись именно так?

Искусство не может быть однозначным.

Людмила МОДИНА

# НА ЯЗЫКЕ ДОВЕРИЯ

говорит со зрителями Ереванский ТЮЗ

Сказка прославленного Карло Гоцци, представшая во всем великолепии режиссерской выдумки лауреата Государственной премии Армении Ерванда Казанчяна, завораживала броскостью метафор, притягивала таинственной интригой, заражала лукавым народным весельем персонажей-масок. И судя по тому, как замирали на спектакле московские школьники, языковой барьер не мешал. Ведь звучащие от сердца слова любви и ненависти, горя и радости придают всем языкам особую, понятную без перевода музыку.

Врезалось в память: «Кто говорит, что нет любви?..» Это из спектакля «Король-Олень».

Зал думал о любви мужчины к женщине. А я размышляла о всепоглощающей любви к театру. О любви нашей, зрительской, и об иной, что обращает ремесло в искусство.

В нынешнем году Ереванскому ТЮЗу исполнится шестьдесят лет. Возраст почтенный, но до сих пор театр ютится по чужим углам. У него нет помещения. Свою сцену, вовсе не приспособленную для постановки сложных современных спектаклей, отдал театру Ереванский Дворец пионеров. На ней художники и умудряются размещать свои удивительные сценографические композиции. Репетировать, по сути, нигде, семь крошечных гримерок для полусотни артистов... Годы ожидания, надежд. Двадцать лет правительство республики обещает выстроить для ереванской детворы новый театр...

Из года в год спешат в свои тесные гримерки заслуженные артисты республики К. Гюрджан, Ж. Нерсисян, Н. Чаликян, А. Симонян, З. Тер-Карпетян, лауреаты комсомольской премии республики З. Абрамян, Г. Мкртчян, П. Хачикян. Сегодня, когда актерский прагматизм, особен-



но в столичных городах, известны уже не только по культурным разговорам, столь стойкая жизненная позиция вызывает несомненное уважение.

...После спектакля мы говорили с усталыми, выложившимися до конца актерами, с директором Вартаком Оганяном, с главным режиссером Ервандом Казанчяном. Говорили о разном: о закончившемся спектакле и будущих премьерях, о событиях в Карабахе и армянской молодежи, о житейских неурядицах и международной политике.

Но какой бы темы мы ни коснулись, все сходилось к одному — к любви и ответственности человека искусства перед своим народом. А народ — это и те, семилетние, тринадцатилетние, двадцатилетние, что

приходят на спектакли ТЮЗа в Ереване и в маленьких армянских городках, куда везут они свое искусство. Театру назидательно указывают: беречься, мол, не за свой репертуар. Шекспир, Салтыков-Щедрин, Ширван-Заде... Да и тон диалога со зрителем жестковат. Легче надо, улыбливее — сказка, фантастика... Вот тюзовское направление.

Направлений хватает. Но может ли театр работать иначе, когда в зале сидят ребята, пережившие события в Степанакерте и Сумгаите. Их родители выходят на митинги, где слово правды — болевое, жесткое определяет сегодняшний день. По армянскому телевидению была передача о школе. Выступали учителя, ученики. И ребята говорили: «Мы хотим знать историю, как она есть, без при-

крас. Мы все поймем, если будем знать правду...»

До сказок ли здесь?

Театр не историк. Но он может иное — создать систему художественных образов, которые разбудят ум, воображение зрителя, заставят его пропустить через себя исторические события, судьбы людей и в конечном счете понять сегодняшнее время.

Салтыков-Щедрин, «История одного города»... Язычительная проза воспринимается в спектакле не только умом — сердцем. Хаукает за душу токсичное треньканье балалайки, тяжким грузом нависает над сценой и залом двуглавый орел, глаз целенеет от живых картин, где каждый актер — это и особая, запоминающаяся фигура, и бесцветная клетка движущейся человеческой протоплазмы.

Лет шесть назад, когда спектакль этот появился на армянской сцене, его сочли чуть ли не идеологической диверсией. Уж больно много современных ассоциаций, иллюзий... Уж слишком точен был для зрителей, привыкших к своеобразному эффемизму театрального языка, иронический прицел театра.

«Показывать детям такое?!» — возмущались стражи стерильного воспитания.

— И все же не отступили, показывали и показываем...

Ерванд Казанчян загорается мгновенно:

— Чтобы не жить в Глупове, надо знать, видеть, что это за жизнь. Привыкли к лозунгу: «Дети — наше будущее!». И уже не думаем о том, что они настоящее наше. Они открыты и добру, и злу. И правде, и лжи. Так вот, мы стараемся говорить с ними на языке доверия, правды. Только так мы можем быть спокойны за будущее.

И тут самое время опустить занавес. А вернее — поднять...

Фото Сергея ВЕТРОВА





## АНТУАН МЕЛУТИС

Ротационные машины крупной газеты.

В печатающемся номере, экземпляры которого, еще влажные, с удивительной быстротой укладываются в стопки, по всей ширине первой полосы жирный заголовок: «Кровавое ограбление на Рождество».

Ниже подзаголовков помещена большая фотография Баррана, сделанная в Алжире.

Фотографии, множась, накладываются одна на другую по мере того как в ритмичном, неотвратимом дыхании машин один на другой летят все новые и новые экземпляры.

По улице, вдоль ряда высоких новых зданий, едет полицейский автомобиль с двумя агентами. Сидящий рядом с водителем безликим голосом бубнит в микрофон радиации:

— ...Повторяю, Дино Барран... Возраст 32 года. Рост метр восемьдесят. Глаза голубые. Волосы темно-каштановые. Вооружен. Стрелять после первого предупреждения... Повторяю, стрелять после первого предупреждения... Конец связи.

На электрическом табло на крыше вокзала Сен-Лазар бегут слова: «...213 миллионов исчезло... кобура револьвера, из которого был убит охранник, найдена у Баррана...»

Внизу, на другой стороне площади, посреди полуденной толпы на тротуаре сгрудились любопытные, чтобы почитать новости. На всех обращенных вверх внимательных лицах этой плотной группы — солнцезащитные очки, как в разгар лета.

Только у одного глаза не спрятаны за темными стеклами: это Дино Барран.

Он поражен прочитанным. Он устал, грязен, небрит. Он чувствует себя изгоем, чужим остальному миру. Но самое сильное сейчас в нем чувство — это бешеная ярость.

Позже, в кабине телефона-автомата.

Барран набирает номер. Теперь на нем черные очки, как на всех.

Гудок, женский голос в трубке:

— СИНТЕКО. Я слушаю вас.

— Я хотел бы поговорить с Изабеллой Моро из фотографической службы.

— Минуточку, прошу вас.

Через стекла кабины Барран глядит на быстро текущую вверх и вниз по этой улице квартала Сен-Лазар равнодушную толпу.

— Как вы сказали: Изабелла Моро?

— Да.

— Сожалею. Такого имени нет в списке служащих.

— Простите?

— Я говорю, у нас нет такой служащей.

И трубку тотчас кладут. В ухо медику бьет только упрямый, надоедливый сигнал отбоя. Удивляется Барран недолго. Две-три секунды спустя ему становится совершенно очевидным, что Изабелла лгала от начала и до конца, настолько очевидным, что он издает нечто наподобие смеха.

Какое-то время он размышляет, глядя на толпу за стеклянной дверью кабины. Ни дать ни взять муравьи, торопливо снующие взад и вперед, — у каждого темные очки на носу и свои мыслишки в голове.

Барран открывает телефонный справочник. Его палец спускается по колонке фамилий и останавливается на фамилии Аустерлиц.

...Мужская ладонь, широкая и грубая, с размаху лупит по столу. Слышен голос, злой и насмешливый:

— Один!.. Один!.. Все одни!.. Я тоже один!..

Старший инспектор Мелутис стоит за своим столом в светлом, ультрасовременном и безликом кабинете. Огромное окно за его спиной обрамляет — правда, под несколько иным углом зрения — тот же квартал, что и окно квартиры Баррана: новые строения квартала «Дефанс» до самого Нейи.

Антуан Мелутис, несмотря на свой хорошо сшитый костюм, не совсем вписывается в обстановку. Это человек лет тридцати пяти — сорока с внешностью грузчика и довольно примитивным умом. Происхождение

он самого скромного. Учиться ему не довелось. И, несмотря на все его способности к ремеслу полицейского, он так и останется мелкой сошкой, рабочей скотинкой. У него нет ни жены, ни друзей. Он зол на весь свет. Он чаще кричит, чем говорит.

— Ну так вот!.. В этом подземелье вы были вдвоем! — кричит Мелутис.

— Я провожу уик-энды за городом, а не в подземельях, — отвечает Пропп.

Старший инспектор в ярости обходит стол. Легионер сидит или скорее полулежит на стуле с сигаретой в зубах, без наручников, сонный, полумертвый от усталости, но вид у него совершенно беззаботный. Двое полицейских в штатском, помощники Мелутиса, стоят в кабинете. Мелутис начинает разгибать пальцы:

— В Алжире вы были вместе!.. Репортированы вместе! В лагере Святой Марты вместе! И ты его не знаешь?

— Совпадения, — невозмутимо отвечает Пропп.

— За кого ты меня принимаешь?

— За фараона.

Мелутис жестом останавливает одного из своих подручных, Горика, который с угрожающим видом подскочил было к легионеру, и продолжает:

— Ладно. Ты не знаешь Баррана, а я фараон, у меня солома в голове, до меня не доходит. — Помолчав, он восклицает с наигранным энтузиазмом: — Но я могу поднатужиться! Объясни мне!

— Что объяснить? — устало роняет Пропп.

— Например, почему и сегодня утром вы оба в одно и то же время оказались в Орли... вместе!

— Совпадение.

— Я знаю одну штуку, которая сейчас совпадет с твоей рожей! — кричит Мелутис. — Глянь-ка!

Он подносит к глазам по-прежнему невозмутимого легионера свою здоровенную лопатообразную ладонь.

— Прекрасная линия жизни! — иронически замечает Пропп.

— У охранника она тоже была неплохая! — срывается на крик Мелутис. — Только вот коротковата оказалась!..

Ухватив Проппа за отвороты пиджака, он поднимает его на ноги. Пропп, сохраняя полное спокойствие, отвечает:

— Я никогда никого не убивал, разве что на войне. А на войне мне семь раз вручали награды восторженные слюнявые генералы. Мне обрыдло обниматься. Отцепись, фараон.

Мелутис грубо отталкивает его к своим людям:

— Забирайте его и начинайте все сначала. Когда он притомится, дайте мне знать.

Двое полицейских выводят Проппа из кабинета, Мелутис поворачивается к столу. Засунув большие пальцы за брючный ремень, он испускает яростный хриплый вздох. Иначе бы его разорвало.

Просторная лестничная площадка в респектабель-

ном доме крупных буржуа. Вторая половина того же дня.

Мадемуазель Аустерлиц в белой шубке торопливо взбегаем по лестнице, на ходу отыскивая в сумочке ключи. Она направляется к двери своей квартиры.

Едва она повернула в скважине ключ, как вынырнувшая из-за ее плеча рука зажимает ей рот, не давая кричать. Мужчина сгребает ее в охапку и бесцеремонно заталкивает внутрь. Он закрывает за собой дверь.

Это Барран — грязный, небритый, внушающий ужас.

— Не бойтесь! — говорит он.

Постанывая, девушка мотает головой под жесткой ладонью медика, и слезы навертываются на ее глаза.

— Успокойтесь!.. Я отпущу вас, как только вы успокоитесь... — увещевает ее Барран.

Мадемуазель Аустерлиц послушно замирает, но взгляд ее, устремленный на Баррана, по-прежнему полон ужаса. Медик осторожно отпускает ее. Девушка медленно пятится, не в состоянии вымолвить ни слова, и останавливается, лишь когда упирается спиной в другую закрытую дверь. Они находятся в просторной прихожей, стены которой увешаны зеркалами и картинами старых мастеров.

— Вы одна можете мне помочь... — говорит Барран. — Вот почему я здесь.

Девушка продолжает смотреть на него широко открытыми глазами перепуганного ребенка. Сдерживаемые рыдания мешают ей говорить: она просто указывает на вечерние газеты, упавшие на ковер. На первой странице красуется сделанная в Алжире фотография Баррана.

— Это вранье! Сплошное вранье! — восклицает медик.

При этом он делает шаг вперед, и девушка пытается отступить еще, но некуда.

— У меня только один шанс это доказать, и этот шанс — вы!.. — продолжает Барран.

В этот момент, тряхнув копной белокурых волос и зажав ладошками уши, мадемуазель Аустерлиц кричит что есть сил. Барран с размаху вlepляет ей щечину. Вмиг наступает тишина.

Девушка, внезапно успокоившись, переминается с ноги на ногу, во все глаза глядя на Баррана.

Он осматривается, потом спрашивает:

— Вы здесь одна?

Девушка молча кивает и начинает плакать тихонько, беззвучно, даже не пряча в ладонях лицо.

Грубая рука за волосы поднимает голову Проппа, который задремал, уткнувшись лбом в край стола.

Он сидит в большой комнате с ровными рядами металлических столов. Несколько полицейских пристально разглядывают его. Это бюро инспекторов Уголовной бригады Нейи. Через голые, без штор, окна видно, что снаружи наступила ночь, в которой тыся-

Себастьян ЖАПРИЗО

ПРОЩАЙ, ДРУГ

чья огней зажглись здания квартала «Дефанс». Спать Проппу не дает Мелутис. Он без пиджака и без галстука.

— ...Я не знаю этого Баррана,— монотонно твердит Пропп. — Я не был в подземелье. Я был за городом. Вы мне осточертели.

— Где за городом? — не отстаёт Мелутис.  
— В Нормандии, в отеле. Я лопал устриц, гусиную печенку, индейку! Сколько можно повторять?

— С кем ты был?.. С девицей?  
С закрытыми глазами легионер поднимает левую руку и растопыривает на ней два пальца, показывая: «С двумя»:

— С блондинкой и брюнеткой. Ни на секунду не сомкнул глаз...

Голова его клонится к столу, но Мелутис снова поднимает ее за волосы.

В другой руке старший инспектор держит пустую полотняную кобуру от револьвера Баррана. Он злобно сует ее легионеру под нос.

— Узнаешь это?

Легионер, с трудом разлепляя веки, смотрит на кобуру.

— А вы дадите мне послать, если я узнаю?

— Говори!

— Это кобура от револьвера, шериф. Спокойной ночи.

И голова легионера в третий раз опускается на стол. Все присутствующие, не двигаясь, глядят на него. Мелутис вздыхает, идет к окну, смотрит на рассыпанные в ночи огни.

— Разбудите его,— командует он.

Проппа тотчас возвращают в сидячее положение и ослепляют сильной настольной лампой. Кислым тоном Мелутис возобновляет допрос:

— Кто стрелял в охранника? Он или ты?

— Не знаю этого типа.

— Кто знал комбинацию сейфа? Он или ты?

Пропп трет глаза и берет из пепельницы зажженную сигарету одного из полицейских, Горика. Реакция Горика вмиг пресечена жестом Мелутиса, наблюдавшего за сценой по отражению в стекле.

— Послушай, фараон,— говорит после затыжки Пропп.— Это меня не касается, но этот Барран — он же медик, парень образованный...

Мелутис оборачивается, глядя на него, как ни странно, совсем не злыми глазами. Он слушает.

— ...Если это он обстрелял дельце,— продолжает Пропп,— то он бы его как следует подготовил. Тебе такое вряд ли было бы по зубам.

— Он его и подготовил.

По знаку старшего инспектора, который руководит своими людьми с выработанными годами властью, один из полицейских, Муратти, приносит черный чемодан Баррана и раскрывает его перед Мелутисом. Тот вынимает оттуда фотоаппаратуру Изабеллы и объявляет:

— Вот это приехало к нам по транспортеру!..

— А денежки? — вкрадчиво спрашивает Пропп.

— Их он, конечно, оставил при себе.

— Двести кусков — штука объемная.

— Значит, у него был сообщник, которому он их передал!

Легионер скреживает руки на груди и откидывается на спинку стула, снова готовый уснуть.

— Если в качестве сообщника вы нашли только меня, то вам самое время пошевельнуться,— саркастически замечает он.

Молчание. Полицейские не шелохнутся. И вдруг Пропп сам выпрямляется на стуле и переходит в наступление, окончательно проснувшись:

— Ты видел послужной список этого Баррана? Он великолепный стрелок! Это признано официально!

— Ну так что? — настораживается Мелутис.

— И такой стрелок будет всаживать в охранника четыре пули сорок пятого калибра? Да брось, одной и то было бы уже много!

— А ты, оказывается, кое-что знаешь! — присвистнув, говорит Мелутис.

Легионер, вдруг обернувшись на стуле, указывает на одного из присутствующих инспекторов — Горика.

— Я это прочел в газете, спроси у него!

В ответ на вопросительный взгляд Мелутиса Горик досадливо морщится, но утвердительно кивает. По-прежнему держа в руке кобуру Баррана, старший инспектор круто поворачивается, идет в свой кабинет и захлопывает за собой дверь.

В большой комнате с тяжелой обивкой на стенах и со старинной мебелью, на стуле, приставленном спинкой к створкам двери, чтобы не дать мадемуазель Аустерлиц возможность сбежать, сидит Барран. Перед ним — журнальный столик, уставленный кушаньями, которые девушка покорно приносит ему из буфетной: холодный цыпленок, ветчина, салат.

Барран ест и пьет, заканчивая свой рассказ.

— ...Я выходил со стороны гаража... И там, посреди подъема, меня едва не раздавила машина!..

— Машина той самой Изабеллы, та же, что была в Марселе? — спрашивает девушка.

— Я не заметил. Но не думаю. В Марселе была взятая наркотат... Горчицы.

У стоящей перед ним в скромном платье, платье девушки из богатого квартала, белокурой, кроткой,

захваченной рассказом мадемуазель Аустерлиц во взгляде появляется удивление.

— Вы же говорили, машина была белая.

— Я не о цвете машины,— вдруг раздражается Барран.— Я говорю: «Горчицы». Принесите мне горчицы!

Девушка устремляется в буфетную, на ходу дважды с опаской оглядываясь на Баррана. Оставшись один, медик повышает голос, чтобы она его услышала:

— Вы не верите ни одному моему слову?

Молчание. Потом из буфетной доносится голос девушки. Но это не ответ на его вопрос:

— Этот американец, которого арестовали,— он был с вами в подземелье?

После короткой заминки Барран отвечает:

— Нет. Я был один.

Девушка возвращается с горчицей. Но посреди комнаты останавливается, недоуменно нахмурившись:

— Но тогда кто же взял деньги?

— Тот, кто знал комбинацию сейфа. В пятницу вечером, когда я дал себя там запереть, сейф был уже пуст.

Он встает и идет за горчицей, которую мадемуазель Аустерлиц ему так и не донесла. На секунду останавливается перед ней — она с тревогой смотрит на него снизу вверх и изо всех сил старается понять:

— ...Меня засадили туда,— продолжает Барран,— чтобы создать видимость самого натурального ограбления, но истина куда проще... Достаточно было взять и уйти...

Говоря это, он берет баночку с горчицей из рук девушки и возвращается к столу.

— Но это невозможно! — восклицает девушка.— Когда же?

— В момент ухода, как только опустели коридоры. На свою беду появился охранник...

Девушка, похоже, до конца не убеждена. Она даже вдруг оживляется, повышает голос:

— Но убит-то он все-таки из вашего револьвера! Медик поднимает голову: девушка затронула его самое больное место. Он сухо отвечает:

— Его тоже достаточно было взять.

Другая комната квартиры мадемуазель Аустерлиц, чуть позже. Это гостиная с роскошной, но старомодной мебелью и коврами. Стоящие по углам комнаты штативы с курительными трубками, шахматный столик, ключики для гольфа в сумке, фотография в рамке свидетельствуют, что тут живет и мужчина.

Сидя на диване перед увеличительным зеркалом с подсветкой, Барран бредет электробритвой. Похожая то ли на монашку, то ли на сестру Армии спасения, девушка медленно расхаживает по комнате, искоса поглядывая на медика.

— Обычно вы живете с отцом? — спрашивает Барран.

— Да. Он уже два месяца лечится в Швейцарии. — Что с ним?

— Инфаркт.

— Который вы год учитесь?

— Третий... В общем, третий год на первом курсе.

— А имя у вас есть?

— Доминика. Но все зовут меня Ватерлоо.

— Почему? — поднимает на девушку глаза Барран.

— Потому что моя фамилия Аустерлиц!

— А-а,— понимающе кивает Барран. Поверх увеличивающего зеркала, которое деформирует его собственное лицо, он рассматривает девушку. Судя по ее виду, она оттаяла. У нее на лице свежая, чарующая улыбка.

— Это из-за экзаменов... Я, наверно, глупая...

И потом, я всегда паникую...

Улыбка сходит с ее лица.

Барран выключает электробритву и протягивает к девушке руку.

— Подите сюда, Ватерлоо.

С боязливым выражением лица, обрамленного длинными белокурыми прядями, она подходит и, держа руки вдоль бедер, останавливается перед ним. Он усаживает ее и мягко спрашивает:

— Вы, можете мне?

Ватерлоо молчит. Барран начинает объяснять:

— Имя Изабелла Моро, ее работа в СИНТЕКО, адрес, который она мне дала... Все было липой! Она предусмотрела все, чтобы я не смог напасть на ее след. Кроме одного! Она проходила медосмотр! У нее была форменная одежда компании и медицинская карточка, как у всех служащих!.. И у меня есть свидетель: вы!

Ватерлоо медленно качает головой. В ее глазах вновь появляется страх:

— Как я, по-вашему, вспомню эту женщину? Их прошли десятки!

— Ее карточка — вот что напомнит ее вам! Вы ставили ее в картотеку, значит, знаете, где ее найти? Так вот, она мне нужна!

Девушка вскакивает:

— Нет!.. Я не буду этого делать!.. Нет!..

Она вдруг поворачивается и бежит к двери гости-

ной. Но расстояние до двери слишком велико. Барран оказывается у нее раньше, преграждает Ватерлоо дорогу.

— Это вы убили его!.. Вы!.. Я уверена!..

Она выкрикивает это, сжимая маленькие кулачки и пятясь от медика, потом вдруг снова поворачивается и бежит к другой двери.

Барран, ринувшись за ней, броском регбиста сбивает ее на пол. Навалившись на задыхающуюся Ватерлоо, он удерживает ей запястья и ноги, вплотную приблизив свое лицо к лицу девушки. Она закрывает глаза, чтобы не видеть его.

— Завтра вы пойдете в СИНТЕКО,— говорит Барран.— Принесете мне ее карточку.

Лежа на полу, Ватерлоо с закрытыми глазами отрицательно мотает головой. Тогда Барран берет ее на руки, поднимает и уносит.

Она не отбивается. Уткнувшись лицом в плечо Баррану, который переступает порог комнаты и выходит в прихожую, она лишь тихонько скулит:

— Пустите меня!.. Прошу вас... Пустите!..

Барран толкает ногой приоткрытую дверь в одну из комнат, заглядывает туда, потом идет дальше по прихожей. Следующая комната, дверь в которую он тоже распахивает ногой, явно принадлежит мадемуазель Аустерлиц. В ней кровать с балдахином, игрушки, плюшевые звери: мирок девушки, едва вышедшей из детства.

Ватерлоо на руках у Баррана закрыла глаза и затихла. Барран относит ее на кровать с балдахином. По пути он отшвыривает ногой большого плюшевого мишку, и тот с жалобным воплем отлетает к шкафу.

Той же ночью, поздно.

В помещении Уголовной бригады Нейи за своим столом без пиджака сидит Мелутис. Он аккуратно раскладывает на столе пустые спичечные коробки всевозможных цветов, из разных стран. Спичечные коробки — его страсть.

Урюмый и задумчивый, он один в кабинете, освещенном единственной лампой, позади него за окном — море городских огней.

Когда открывается дверь, он даже не поворачивает головы. С робостью, догадываясь о плохом настроении патрона, у порога толкнутся два инспектора — Муратти и Годар. После долгих колебаний первый осмеливается нарушить молчание:

— Это я, шеф.

— Я знаю, что это ты,— не поднимая глаз, отвечает Мелутис.

— Я получил кое-какие сведения,— продолжает Муратти.— Во-первых, Барран был нанят для проведения медицинского осмотра по служебной записке. Она подписана генеральным директором. Прочтешь?

— Зачем? Она ведь фальшивая? — утвердительно спрашивает Мелутис, по-прежнему не поднимая глаз.

— Точно!.. — восхищенно восклицает Муратти.— Откуда вы знаете?

— Дальше! — бросает Мелутис.

Он продолжает заниматься своей коллекцией, вид у него начальственный, но заметно, что он нервничает.

— Исследована по всей длине вентиляционная труба. В ней следы только одного человека,— докладывает Муратти.

— Отпечатки пальцев в хранилище? — спрашивает Мелутис.

— Их там нет. Он все стер,— отвечает уже Годар.

Старший инспектор резко вскидывает голову, словно ужаленный.

— Они все стерли!.. — назидательно говорит Мелутис и сухо спрашивает: — Это все?

Оба его подчиненных утвердительно кивают. Мелутис делает пол-оборота на своем вертящемся кресле и погружается в созерцание городских огней за окном. Муратти и Годар неслышно выходят, закрывая за собой дверь кабинета. Мелутис остается один.

Пропп коротает ночь на скамье в коридоре. Его правое запястье приковано к ней наручниками. Рядом расположился инспектор.

Из кабинета выходит Мелутис в плаще и направляется к ним. Знаком отпустив подчиненного, усаживается напротив легионера. Когда они остаются вдвоем, Пропп медленно поднимает на старшего инспектора глаза, оглядывая его с ног до головы.

— Раненько встаешь, фараон.

— Да нет, поздно ложусь.

Разговаривают они негромко, как разговаривают в три часа ночи, когда все вокруг спит.

Старший инспектор достает из кармана связку ключей и отмыкает на легионере наручники:

— Пошла.

Массируя запястье, Пропп идет вслед за ним по коридору. От недосыпа и усталости он валится с ног, но сохраняет свою отчужденную улыбочку. Они входят в бюро инспекторов.

Большая комната безлюдна. Пишущие машинки накрыты чехлами, настольные лампы выключены.

Вытащив из кармана жетоны, старший инспектор подходит к автомату с кофе и опускает их в прорезь. Автомат отмеряет две порции. Потом Мелутис неторопливым шагом возвращается к Проппу и протягивает ему бумажный стаканчик, наполненный горячим кофе. Смотрит, как тот отпивает глоток.

<sup>1</sup>Битвы под Аустерлицем (2.12.1805) и при Ватерлоо (18.06.1815) ознаменовали собой соответственно расцвет и крушение империи Наполеона I. — Здесь и далее применяны переводческие.

— Скажу тебе кое-что, — говорит Мелутис, тыкая себя пальцем в грудь в области сердца. — Кое-что, идущее отсюда. Мне нравится, что ты не выдаешь друга... Это мне очень нравится.

— Он мне не друг, шериф. Я никогда его не видел. Легионер протягивает левую руку к груди инспектора, куда тот тыкал пальцем.

— А кстати, что у тебя тут? — спрашивает Пропп. Когда он прижимает ткань плаща к груди инспектора, под ней отчетливо вырисовывается пистолет, лежащий у инспектора во внутреннем кармане. Мелутис пожимает плечами и со стаканчиком в руке направляется к двери, ведущей в его кабинет. Включает настольную лампу. Пропп послушно следует за ним.

— Садись, — командует Мелутис. Обогнув стол, инспектор садится сам. Поставив стаканчик с кофе на стол, он достает из кармана пачку сигарет. Пропп молча берет из нее сигарету, ждет, что будет дальше.

— Люблю я это время... — вздыхая, говорит Мелутис. — Ты где родился?

— На дереве. Нисколько не рассердившись, Мелутис дает легионеру прикурить через стол, прикуривает сам.

— А я — в Авейроне... Я не знаю Америки, ты не знаешь Авейрона. С меланхолическим видом он выдыхает дым под колпак лампы, но этого явно недостаточно для того, чтобы согнать с лица легионера насмешливую улыбку.

— Говори, что имеешь сказать, фараон. Снова вздох: Мелутис вынимает из внутреннего кармана пистолет, открывает один из ящиков стола и швыряет его туда. Потом опять тычет себя в грудь пальцем:

— Кое-что, идущее отсюда! Правда!.. Мне больно думать, что ты кончишь каторгой. Пожизненной! Ни за что ни про что!

— Я сейчас разрыдаюсь. Откинувшись на спинку стула, легионер дует на кофе, чтобы его остудить. Инспектор внезапно встает и начинает мерить шагами кабинет, описывая вокруг легионера круги.

— Послушай меня, Франц. Известно, что сейф открыл Барран. Известно, что револьвер принадлежит ему. Тогда к чему отрицать?.. В твоём деле будет записано, что ты помогал следствию! Черным по белому, в моем изложении!.. А я, имея в виду, на хорошем счету, ко мне прислушиваются... Постой, еще того лучше — я поговорю с судьей! С твоими-то наградами ты запросто отделаешься принудительными работами!.. Даю руку на отсечение, ты получишь отсрочку приговора!

Пропп выслушивает эту тираду, не глядя на инспектора. Когда тот умолкает, он ставит стаканчик с кофе перед собой на стол:

— Сожалею, однорукий. Я не был в этом подземе. Но я скажу тебе кое-что, идущее отсюда (он тоже тычет себя пальцем, но не в грудь, а в лоб): если этот Барран там был, то сейф он не взламывал, он его открыл. Значит, у него была комбинация. От кого он ее получил?

Мелутис, глядя на него, усаживается за стол.

— У него было три дня и три ночи, чтобы перебрать все возможные комбинации, — говорит он.

— Займись чуток арифметикой. Ему понадобилось бы полгода! Мелутис, не сводя с Проппа глаз, задумывается. Похоже, он тоже понимает, что это невозможно. Пропп тем временем затевает что-то странное. Взяв стаканчик Мелутиса, он до верха доликает из него свой. Потом широко улыбается старшему инспектору:

— Гляди, фараон. Если я положу сюда пять больших монет и кофе не перельется через край, ты будешь искать того, кто дал твоему Баррану комбинацию?

Мелутис, не выказывая удивления, склоняется над столом, чтобы удостовериться, что стаканчик легионера наполнен до краев. Он поднимает на Проппа ничего не выражающий взгляд:

— А если ты проиграешь?

— Ответа нет. Инспектор выпрямляется, задумчиво глядя на легионера.

— Вот что: если ты проиграешь, то дай мне информацию... Правдивую! Ты скажешь мне, почему ты бросился бежать там, в Орли, когда никто не собирался тебя ловить.

— Проиграю? — насмешливо говорит Пропп. И протягивает руку над столом, ладонью вверх. Мелутис, порывшись в ящике стола, достает оттуда столбик пятифранковых монет, который отобрал у легионера, и кладет ему на ладонь. Пропп разворачивает фольгу, раскладывает монеты в ряд на столе у стакана. Без лишних слов, опустив голову, чтобы глаза были на уровне края стаканчика, он начинает свою игру.

Первая монета: уровень поднимается, кофе не выливается.

Вторая монета: кофе не выливается.

Третья: не выливается.

Оба склонились над столом, каждый со своей стороны, и неортографично смотрят на бумажный стаканчик. Купол черной жидкости, неправдоподобно выпуклый,

возвышается над его краями. В тишине правая рука легионера берет четвертую монету, опускает ее в кофе, не давая попасть туда воздуху. Из стаканчика не вытекает ни капли.

В этот момент в кабинет входит Муратти и другой дежурный инспектор. Уткнувшись подбородком в скрепленные на столе ладони, Мелутис делает им знак не шевелиться. Пропп лениво оборачивается.

— Последняя, фараон, — негромко говорит он. Затаив дыхание, он осторожно окунает монету в жидкость, чуть приподнимает ее и отпускает.

И кофе проливается. Двое мужчин, склоненные над столом, какое-то время остаются недвижимыми, задерживая дыхание, словно время для них остановилось.

Мелутис первым откидывается на спинку стула. Он сохраняет серьезность. Если он и доволен, то по нему этого не скажешь. Все, что он хочет теперь, — это получить свою информацию.

Пропп же изумленно, словно не веря своим глазам, смотрит на растекшуюся по столу черную жидкость. Мелутис требовательно спрашивает:

— Итак, если ты не знаешь Баррана, то почему же ты так резво удирал там, в Орли? Почему?.. Какую ты за собой чувствовал вину?

Чтобы заставить Проппа очнуться, инспектор тыльной стороной ладони смахивает стаканчик с кофе со стола на пол.

— Правду! — рявкает он. Двое его подчиненных безмолвно стоят позади легионера. Тот наконец вновь обретает непринужденность: проиграл так проиграл...

— В ночь с четверга на пятницу я гулял кое с кем в Нейи... Все кончилось скверно для тех типов...

Мелутис, бешено вращая глазами, с размаху опускает на стол кулак.

— Врешь! Пропп равнодушно пожимает плечами, словно говоря: «Хочешь верить, хочешь нет». Его стул, как и Мелутиса, вращающийся к душевному состоянию старшего инспектора, легионер, оттолкнувшись ногой, крутится вместе со стулом, давая понять, что не хочет больше его видеть.

Франц Пропп, крутнувшись на стуле, оказывается лицом к двери кабинета. Но теперь уже утро, лампы потушены. На пороге, приведенные инспектором, стоят толстяк с бородой и двое его компаньонов по вечеринке в Нейи.

По беспорядку в их одеждах и на лицах видно, что их вытащили из постелей.

Мелутис и Муратти тоже находятся в кабинете. Несколько секунд трое свидетелей молча, словно зачарованные, разглядывают Проппа. Легионер бреет электробритвой на батарееках, демонстрируя свою самую лучезарную улыбку.

— Это он, — говорит толстяк. Пропп неестественным, словно механическим голосом вешает:

— Папы нету!.. Папы нету!.. Делает на стуле еще пол-оборота и продолжает безмятежно бриться. Толстяк поворачивается и уходит. Двое остальных, прежде чем последовать за ним, ограничиваются утвердительным кивком в сторону Мелутиса.

Старший инспектор закрывает за ними дверь. Он снова наедине с Проппом. Задумчивый, он подходит к столу и обращается к легионеру с каким-то даже непрофессиональным интересом, как если бы ему никак не удавалось поверить чему-то или что-то понять.

— На поворотном круге гаража? — спрашивает Мелутис.

Он описывает пальцем окружность на поверхности стола. Пропп усиленно кивает.

— А ты останавливал, когда вздумается? Пропп снова кивает.

— А какая она была из себя, эта девчонка? — снова спрашивает Мелутис, не сводя с него глаз.

— Слишком хороша для тебя, фараон. Самое неожиданное, что Мелутис, и не подумав разозлиться, качает головой, словно соглашаясь.

Барран внезапно просыпается и рывком садится в кровати с балдахином мадемуазель Аустерлиц. Ватерлоо рядом с ним нет. На улице день.

Барран в голубой пижаме господина Аустерлица соскакивает на пол. Быстрыми шагами обходит квартиру в поисках девушки. Ее нигде нет.

Барран возвращается в гостиную. Как раз в это время открывается входная дверь. Появляется Ватерлоо, затянута в светлый плащ, свежая и причесанная. Она радостно улыбается и, закрыв за собой дверь, прислоняется к косяку. В руках у нее утренние газеты.

— Почему ты не возник раньше? — с нежностью спрашивает она.

— Раньше чего?

— Раньше всего этого... Ну, не знаю... три месяца, неделю назад!

Девушка подходит к Баррану и, привстав на цыпочки, целует его в губы. Барран, похоже, лишь наполовину успокоен ее возвращением.

Не говоря ни слова, он идет в глубь прихожей, распахивает дверь в ванную. Открывает краны. Ватерлоо идет следом за ним, на ходу снимая плащ. Под

ним — только черное шерстяное трико, как у гимнастки.

Она смотрит на Баррана, который разворачивает приготовленную для него рубашку. Она держится с ним ласково и еще слегка боязливо.

— Это папина рубашка. Ватерлоо направляется к велотренажеру, установленному в углу ванной комнаты. Положив руку на руль, она начинает медленно крутить педали. Барран садится на край ванны, чтобы проверить температуру воды.

— Какой у тебя отец?

— Замечательный. Почему ты спрашиваешь?

— Давно умерла твоя мать?

— Когда рожала меня.

— И он больше ни разу не был женат?

— Нет... Но зачем тебе это?

Она перестала крутить педали. Барран, пожав плечами, меняет тему:

— Что пишут газеты? Ноги девушки снова приходят в движение.

— Американец признался, что был с тобой в подземе, — как ни в чем не бывало говорит она.

Барран никак на это не реагирует. Даже не пожимает плечами. Он не верит этому, и все. Слово не слыша ничего такого, он продолжает наполнять ванну — горячая вода, холодная, — сам думая о другом. Потом безмятежным тоном говорит:

— Ночью мне снилась вода... Вода повсюду... — Помолчав, он добавляет: — Я знал типа, который в Индокитае просидел в воронке, полной воды, восемнадцать часов... Один... Вот это парень.

Примерно в это же время в бюро инспекторов в Нейи.

Настольная лампа, какой пользуются при допросах, направлена в лицо на задержанному, а полицейскому, сидящему за столом. Она то гаснет, то снова зажигается. Полицейский возится с проводом: где-то плохой контакт.

Сидящий напротив него в кресле Пропп, жуя бутерброд и заливая его пивом, читает газету. За другим столом инспектор Горик щеточкой чистит шрифт своей пишущей машинки.

— Все-таки это гнусно — печатать подобное вранье! — спокойно, даже рассудительно говорит Пропп. Он отшвыривает газету подальше от себя. Ему отвечает насмешливый голос Мелутиса:

— Это чтобы всполюшить твоего друга Баррана. Старший инспектор, стоящий в дверях бюро, только что пришел. Он снимает плащ. Видно, что он отдохнувший, уверенный в себе. Подходя к своему пленнику, он даже улыбается.

— Он мне не друг, — пожимая плечами, говорит Пропп. — Так что ему начхать.

Легионер смотрит Мелутису прямо в глаза. На его губах тоже играет улыбка.

— А если бы он был моим другом, представь себе!.. — продолжает Пропп. — Знаешь, что бы он подумал? Что я не дешетка! И тогда ему тоже было бы начхать!

Старший инспектор качает головой, словно признавая справедливость этого рассуждения. Но очередной удар за ним. Он достает из бокового кармана пиджака листок бумаги:

— Как видишь, я прислушался к твоему совету. И распорядился еще раз исследовать сейф. — Выдержав паузу, он продолжает: — Комбинацию ему никто не давал. Если специалист не ошибается, вы их испробовали три или четыре тысячи, прежде чем наткнулись на нужную. Верно?

Пропп не отвечает, взгляд его бесстрашен. Инспектор бросает ему листок, который держал в руках. На нем красными чернилами написаны семь цифр комбинации:

1 8 6 1 8 1 5

Некоторое время Пропп разглядывает бумагу, потом вдруг разражается смехом. Мелутис, до сих пор излучавший самодовольство, меняется в лице и подозрительно смотрит на легионера.

Пропп дважды перегибает листок, чтобы пояснить инспектору, что именно его забавляет. Он делает это таким образом, что сгибам комбинация оказывается разделенной на три части:

1 8 (6) 1 8 1 5

— Ты не силен в истории, шериф? Вроде бы смахивает на дату, а?

Мелутис берет листок, смотрит на него, смотрит на Проппа. Он отвечает, слегка пожав плечами, поскольку в любом случае для его расследования эта деталь не имеет никакого значения.

— Битва при Ватерлоо. Холодный ясный полдень в Орли.

За рулем стоящего на стоянке в аэропорту «ДС» стального цвета — Ватерлоо. На ней все тот же серый плащ.

Через лобовое стекло она смотрит, как к машине идет молодая женщина в леопардовой шубке. Она только что вышла из таможенного зала и несет в руке дорожный чемоданчик, — это Изабелла.

Ватерлоо наклоняется, чтобы открыть ей. Изабелла садится рядом с ней и захлопывает дверцу.

Сначала они молча смотрят друг на друга. Они давно знакомы, между ними спокойная привязанность, но сейчас в их взглядах читается нечто наподобие

тревожной печали из-за того, какой оборот приняли события.

— Деньги у отца? — тихо спрашивает Ватерлоо. Изабелла ограничивается утвердительным кивком. Рядом с Ватерлоо, которая намного ее моложе, она сейчас ничем не напоминает ту Изабеллу, которую знал Барран. — Это совсем другая женщина.

— Как он там? — спрашивает Ватерлоо. Изабелла показывает ей газету, которую держит в руке, — судя по всему, она не раз перечитывала ее в самолете:

— Что ты думаешь после всего этого делать? Ватерлоо опускает голову на плечо подруги. Она явно ищет у нее поддержки — поддержки матери или старшей сестры. Изабелла разговаривает с властью, выработанной долгой привычкой:

— Только не здесь, прошу тебя. Держись прямо. Девушка повинутся. Выпрямившись, она включает стартер и медленно катит к выезду со стоянки. По лобовому стеклу «ДС» сбегают потоки мыльной воды. Машина движется по рельсам автоматической мойки на станции обслуживания. Мойщики в желтых плащах суетятся вокруг кузова, обрабатывая его перед тем, как за него примутся большие электрические щетки.

На переднем сиденье машины, в которой подняты все стекла, по-прежнему сидят Изабелла и Ватерлоо. Сейчас они могут разговаривать в полной безопасности, изолированные от внешнего мира надежней, чем в аквариуме.

— Я не хотела убивать этого охранника... — всхлипывает Ватерлоо. — Но он увидел, как я выношу из хранилища деньги... Он закричал...

— Почему ты ничего не сказала мне в пятницу вечером?

— Чтобы расстроить отца? Еле сдерживая рыдания, Ватерлоо мотает головой. Изабелла успокаивающе кладет ей руку на плечо, несколько мгновений деловито размышляет. Сделанного не воротишь, теперь нужно исправлять ошибки Ватерлоо.

Струи белой пены омывают боковые стекла. — Ты, конечно, не знаешь, где сейчас Барран? — спрашивает Изабелла.

К ее изумлению, Ватерлоо утвердительно кивает: — У меня.

— У тебя? — Да, в отцовской квартире! У нас! Он требует, чтобы я принесла ему твою медицинскую карточку.

Снаружи по стеклам с гудением ходят большие черные щетки.

— Раз ему так нужна эта карточка, пускай придет и сам заберет ее. Отведи его сегодня вечером в подземелье, — говорит Изабелла. Поколебавшись, она решительно добавляет: — Где его револьвер?

Ватерлоо в ужасе мотает головой. Она не в силах издать ни звука.

— Где его револьвер? — сурово спрашивает Изабелла.

Девушка по-прежнему молчит, но взгляд ее невольно устремляется к отделению для перчаток. Изабелла прослеживает направление ее взгляда.

— А потом мы уедем к отцу?.. Заживем, как прежде? — с надеждой спрашивает Ватерлоо.

Изабелла достает из отделения для перчаток тяжелый «Смит-и-Вессон», бросает на него беглый взгляд и кладет в свой чемоданчик. А потом смотрит на Ватерлоо, разделяя с ней грусть и тоску, — они слышны в двух словах, произнесенных ею решительным голосом:

— Как прежде.

Всполохи фотовспышек. Газетчики, толкаясь, сопровождают группу полицейских, окруживших Проппа и Мелутиса в коридорах Уголовной бригады. Легионер и старший инспектор скованы друг с другом парой наручников.

Перебивая щелканье вспышек, отовсюду вразнобой несутся вопросы журналистов: «Кто стрелял в охранника?», «У них была комбинация сейфа?», «Правда ли, что в Алжире Барран выказывал симпатии к ФНО?», «Был ли он ультраправым фанатиком?»

Один журналист, побойчее, хватает старшего инспектора за плечо:

— Инспектор!.. В чемодане Баррана нашли только одну пару перчаток. Выходит, он был один?

В свете вспышек Мелутис резко вскидывает вверх правую руку, поднимая тем самым и прикованную к ней левую руку Проппа.

На вопрос журналиста нет лучшего ответа, чем эти две руки, скованные парой наручников. Вспышки возобновляются, и группа продолжает продвигаться в толчее.

Через несколько шагов — снова остановка. Окруженный своими людьми, которые прилагают невероятные усилия, чтобы освободить ему проход, Мелутис говорит одному из коллег:

— Я веду его на нижний этаж. Он замешан еще в одном деле. — Потом обращается к журналистам. — Прошу вас, господа... Вы все узнаете, прочитав свою обычную газету!

Из гама выделяется голос Проппа. Он в восторге от

происходящего и говорит громко, но отчетливо слышны только последние его фразы:

— Я не знаю Баррана... Но попросите его связаться со мной. Я никогда не расстаюсь с этим господином, старшим инспектором Мелутисом!

И он, в свою очередь, усмехаясь, поднимает левую руку, а с ней прикованную наручниками правую руку Мелутиса. Раздается пронзительный звонок.

Ватерлоо открывает входную дверь. На пороге стоит женщина лет сорока в шубке, со свернутой газетой под мышкой.

У Ватерлоо, одетой в юбку и свитер, на носу очки, в руках открытая толстая книга по медицине, во рту авторучка. Вынув ручку изо рта, девушка говорит:

— Простите меня, Жильберта, но у меня жутко серьезный экзамен. Сделайте уборку завтра.

— Могли бы и предупредить, — ворчит женщина. — Я очень сожалею, Жильберта.

Служанка удивлена тем, что ей даже не дают войти. Она бросает в квартиру поверх плеча Ватерлоо, которая преграждает ей дорогу, недоверчивый взгляд, потом говорит:

— Я принесла газету. Там пишут, что вы помогли убийце.

— Я? — побелев, растерянно спрашивает Ватерлоо. — Да, на медосмотре.

Ватерлоо, испытывая неловкость пополам с облегчением, качает головой и забирает у нее газету.

— Ну ладно, я пошла, — говорит служанка. Она уходит. Ватерлоо закрывает дверь. За ней, оказывается, стоит Барран, прислонившись к стене, — он в темных очках, в синем пальто господина Аустерлица. Девушка улыбается ему и снимает свои очки.

Тут снова раздается звонок в дверь. Ватерлоо, раздосадованная возвращением служанки, открывает дверь, опять скрывая за створкой Баррана.

Но на пороге не служанка. Это двое помощников Мелутиса — инспектора Муратти и Годар.

— Уголовная полиция, мадемуазель, — говорит Муратти.

Ватерлоо словно окаменела. — Это вы Доминика Аустерлиц, студентка медицины? — спрашивает Муратти.

Девушка неуверенно кивает. — У нас есть к вам несколько вопросов.

Девушке не остается ничего другого, кроме как отступить перед полицейскими, еще шире распахнув дверь, чтобы надежней скрыть Баррана.

Инспектор Годар оборачивается к двери, которую хозяйка почему-то не закрыла, и намеревается сделать это сам.

— Оставьте!.. — с храбростью отчаяния восклицает Ватерлоо. — Сейчас придет служанка!

Она говорит это чуть громче, чуть поспешней, чем следовало бы, и полицейские пристально смотрят на нее, потом на дверь. Еще они замечают, что Ватерлоо уронила на пол газету, которую держала в руках.

— Вы ассистировали доктору Муратти Баррану на протяжении трех дней... — начинает Муратти.

Дверь гостиной закрывается за двумя инспекторами и Ватерлоо, обрывая их разговор на полуслове.

В наступившей тишине Барран отталкивает от себя скрывающую его створку двери. Он неподвижен, напряжен, темные очки резко контрастируют с белым, как гипс, лицом. Взгляд Баррана падает на лежащую на полу газету.

Она сложена таким образом, что на первой странице видны конец жирного заголовка и большая фотография. Конец заголовка гласит:

#### ПЗВНИ МНЕ

На фотографии крупным планом — Пропп в вестибюле Уголовной бригады, поднявший руку, прикованную к руке Мелутиса.

Барран бесшумно обходит открытую створку двери и уходит прочь.

В бюро инспекторов Горик снимает трубку зазвонившего на столе телефона. Судя по его виду, он слышит нечто из ряда вон выходящее.

Он оборачивается к Мелутису, который стоит у окна в рубашке и галстук с ослабленным узлом. Пропп тоже тут. Повернувшись спиной, он созерцает через стекло высокие здания квартала «Дефанс», свободный люд в клетках домов снаружи.

— Шеф!.. Какой-то странный тип! Его переключили на нас с коммутиатора. — Горик подбородком указывает в сторону легионера. — Хочет говорить с ним.

Мелутис хватается за трубку: — Кто вы?

— А вы? — звучит в трубке голос Баррана. — Франц Пропп, — без колебаний отвечает Мелутис.

На другом конце провода Барран в темных очках на носу не слышит неподражаемого американского акцента легионера, но на принятие решения у него уходит меньше секунды.

— Здравствуй, мосье Пропп. Я огорчен тем, что приключилось с вами из-за меня. Мелутис отнимает трубку от уха, раздосадованный тем, что его ловушка не сработала. Зажав микрофон ладонью, он негромко спрашивает у Горика: — На коммутиаторе засекают вызов? Его помощник утвердительно кивает. К ним с широ-

кой улыбкой на лице подходит Пропп. Мелутис сует ему трубку, берет параллельный наушник.

— Это уже не он, это я, — говорит Пропп в трубку. — Кто это?

— Дино Барран. — Я не знаю тебя, мосье Барран, но я всем сердцем с тобой.

Говоря это, легионер белозубо улыбается старшему инспектору, который слушает с непроницаемым лицом. — Чем я могу быть тебе полезен? — продолжает Пропп.

— Какой он, этот Мелутис? — спрашивает Барран. — Бывают и хуже... Во всяком случае, сейчас он слушает тебя.

Действительно, старший инспектор не упускает ни слова из их разговора и не сводит с Проппа пристального, сверлящего взгляда.

На другом конце провода, у телефона-автомата, висящего на белой стене, Барран выдерживает паузу, потом говорит:

— Пусть приходит в кафе Бово, на площади Бретейя, в четыре часа. Один, разумеется... как ты считаешь, он согласится?

Склоненный над столом, где стоит телефон, Пропп вопрошает Мелутиса взглядом. Но лицо старшего инспектора не выражает ничего, кроме ухудшающегося настроения.

— Я попытаюсь его уговорить... — отвечает Пропп. — А теперь сматывайся: они тебя засекают.

— Я выкручусь, не переживай. — Я и не переживаю, — широко улыбается Пропп.

Площадь Бретейя, около четырех часов полудни. Инспектор Мелутис в плаще идет по тротуару, оставившись, чтобы ногой отбросить пустой спичечный коробок в дыру водостока, потом входит в кафе Бово. Прислоняется спиной к стойке, рядом с кассой, и говорит хозяйке:

— Стакан белого.

Ему наливают. Мелутис не смотрит вокруг, не ищет Баррана. Ждет. Хозяйка, гарсон, посетители за столиками устремляют на вошедшего взоры, безошибочно угадывая, что это полицейский.

Потом звонит телефон. Хозяйка снимает трубку и поворачивается к Мелутису, едва пригубившему вино:

— Инспектор Мелутис — это вы? Не отвечая, Мелутис берет трубку, которую она протягивает ему над стойкой:

— Ты где, док? — Неподалеку. Вы можете меня увидеть. Мелутис поворачивает голову. Через стеклянную витрину кафе он видит на пятке посреди площади кабинета телефона-автомата. И за стеклами этой кабины, на расстоянии каких-нибудь пятидесяти шагов, — Баррана в синем пальто господина Аустерлица, который, прижимая трубку к уху, тоже смотрит на него.

Двое мужчин встречаются впервые. Они разглядывают друг друга через пустое пространство. Шумы кафе, шум улицы для обоих внезапно утихли.

— Если вы двинетесь с места, больше меня не увидите, — предупреждает Барран.

— Я стою спокойно, давай говори. — Франца Проппа не было со мной в подземелье. — Ты только это имейшь мне сообщить?

Медик в кабине наблюдает одновременно и за Мелутисом, и за площадью.

— Не только... Револьвера у меня нет, охранника я не убивал, деньги не брал. Когда я открыл сейф, он был пуст.

Мелутис бросает свирепый взгляд на прислушивающуюся к разговору хозяйку. Та поспешно отворачивается. Он снова смотрит сквозь стекло на Баррана и говорит:

— Если все это правда, пошли со мной в бюро! — Я приду. Только дайте мне время до полуночи.

— И куда же ты пойдешь? — В кино.

Внешние шумы внезапно возобновляются. Как на площади Бретейя, так и в кафе — обычный зимний день.

Двое мужчин не спускают друг с друга глаз. Потом вновь воцаряется тишина.

— Согласен, Золушка, — говорит Мелутис. — До полуночи. Но предупреждаю: при малейшей попытке меня надуть я спущу с тебя шкуру.

— Оставайтесь, где вы есть, я пошел. Медик вешает трубку. Сквозь стекло смотрит на инспектора, который тоже кладет трубку и остается у стойки. Барран выходит на пяточок, пересекает площадь и широким шагом уходит прочь. Мелутис в кафе выдвигает из внутреннего кармана плаща антенну рации и говорит, не повышая голоса:

— Следуйте за ним, но не трогайте. На другой стороне площади на скамейке сидит Горик. Он тоже вытаскивает из-под пальто антенну и говорит, вставая:

— Есть, шеф.

На освещенных экранах в темном помещении — два огромных отпечатка пальцев, один рядом с другим.

Отпечаток слева очень четок. Правый же размазан, частично неразличим. Тем не менее в верхней части двух изображений наблюдается сходство. Раздается женский голос:

— Правый отпечаток найден на поверхности закусочного автомата в подzemелье. Но он не может служить доказательством — слишком размазан.

— Ничего, я свожу Проппа в СИНТЕКО и доставлю вам хороший, — усмехается Мелутис.

Зажигается свет. Это лаборатория криминалистической экспертизы. Женщина в сером халате оборачивается к стоящему позади нее Мелутису и устремляет на него взгляд, в котором читается больше, чем неодобрение: боязнь, смешанная с отвращением.

Старший инспектор улавливает это. На секунду он опускает глаза, потом, внезапно разъярившись, вскидывает голову:

— Я исполняю свой долг! Даже если Барран не убивал охранника, он все равно был там! И Пропп был

там вместе с ним! И знаете что? Они начнут снова! В один прекрасный день они начнут все снова!

Лаборантка отворачивается, не осмеливаясь перечесть старшему инспектору. Она выключает проектор. Успокаиваясь, Мелутис повторяет:

— Я исполняю свой долг.

Квартал «Дефанс» с безлюдными тротуарами под фонарями. Редкое движение, приглушенные шумы одиннадцати часов зимнего вечера. Холодно.

Тридцать этажей СИНТЕКО темны, молчаливы. На



пустынной улице позади здания из стекла и бетона гаснут фары «ДС» Ватерлоо.

Барран и девушка выходят из машины. Медик, взяв Ватерлоо под руку, увлекает ее к двери аварийного выхода, от которой у нее есть ключ. Они входят, просто прикрыв за собой дверь, и бесшумно спускаются по лестнице в подzemелье.

На полпути Барран останавливается возле слухового окна, выходящего в просторный гараж компании. С высоты виден охранник в стеклянной будке, читающий газету. Они продолжают спускаться.

Внизу они проходят через котельную под огромными красными и белыми трубами к большой сдвигающейся стальной двери.

С помощью того же ключа Ватерлоо отпирает узкую дверцу в этой двери, и они попадают в красный квартал подземного лабиринта с длинными притихшими коридорами, освещенными дежурными лампочками.

Изнутри сдвигающаяся дверь представляет собой огромное, от пола до потолка панно, рекламирующее марку губной помады. Это гигантская цветная фотография женского лица с приоткрытым, как для поцелуя, губами, так что любовники входят в лабиринт через рот и часть лица.

Чуть позже, в комнате, где Ватерлоо работала во время медосмотра, она шарит в ящиках, наугад вытаскивает папки, неуклюже притворяясь, будто ищет медицинскую карточку Изабеллы Моро. Руки ее дрожат.

В спешке она роняет какие-то бумаги, торопливо наклоняется, чтобы их поднять, никак не может захватить их на место. Она в таком смятении, что отказывается от своих попыток и сцепляет руки, чтобы унять в них дрожь.

Тут она переводит взгляд на Баррана, который стоит на пороге, недвижимый, держа руки в карманах пальто. Устремленный на нее взгляд медика суров, но спокоен. Таков же и его голос, зазвучавший наконец в тишине комнаты:

— Ты на славу потрудились, Ватерлоо. Но мы подходим к концу, давай.

Девушка, мертвенно бледная в своей белой шубке, пытается совладать с собой. Она снова склоняется над картотекой. Ее по-прежнему бьет дрожь.

— Ты так же нервничала, когда стреляла в охранника? — спокойно спрашивает Барран.

Ватерлоо, дернувшись, словно от удара током, оборачивается к Баррану. Не в силах вымолвить ни слова, она мотает головой, пытаясь отрицать. Внезапно силы покидают ее: схватившись руками за волосы, она с рыданиями прислоняется к стене.

Тут из коридора отчетливо доносятся совсем близкие шаги. Ватерлоо медленно поднимает залитое слезами лицо, в ее глазах — дикий ужас.

Кто-то останавливается позади Баррана. Вороненый ствол револьвера — его револьвера — упирается ему в спину. Он не оборачивается, даже не вынимает рук из карманов пальто:

— Для чего ты дала ей мой револьвер, Изабелла?

— Чтобы она оставила здесь улику против тебя. Не для того, чтобы она пустила его в ход.

Оба разговаривают естественным, чуть ли не приятельским тоном. Барран медленно оборачивается.

Изабелла, которая держит в правой руке тяжелый револьвер, одета в ту же леопардовую шубку, что была на ней во время их первой встречи в Марселе. Но сама она другая. Насколько та, прежняя, была встревожена, покорна, сентиментальна, настолько же эта тверда. Во взгляде ее — холодная решимость. Она произносит:

— Как бы то ни было, она поступила правильно.

Барран опускает глаза на нацеленный на него револьвер. Ему хорошо виден блестящий барабан с пулями-гильзами — пуля всего одна, готовая лечь в ствол при взводе курка. Тускло поблескивает латунный наконечник.

Медик поднимает взгляд на Изабеллу, которая держит его на мушке на расстоянии менее метра.

— У тебя только один патрон. Представь себе, что ты промахнешься!

Ответ следует незамедлительно, спокойный и уверенный:

— Представь себе, что я не промахнусь!

Повинуясь ее приказу — короткому рычку ствола вверх, — Барран медленно отступает к двери комнаты, служившей кабинетом для медосмотра. Наполовину открытая дверь образует со стеной прямой угол.

Барран, пятясь, заходит в кабинет, где потушены все лампы и где ничего не изменилось со времени его добровольного заточения в подzemелье.

Он и не подозревает, что приближается к другому нацеленному на него револьверу, который держит на сей раз уже мужская рука. Ствол его перемещается вслед за Барраном, пока он отступает в падающей из соседней комнаты полоске света.

— Остановись тут, — командует Изабелла. — Вот так.

Барран останавливается посреди кабинета лицом к молодой женщине. Внезапно он обнаруживает, никак, впрочем, не выдавая этого взглядом, что Мелутис и один из его инспекторов, Муратти, с пистолетами в руках прижались к стене со стороны распахнутой двери, скрывающей их от Изабеллы.



Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

## ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ 30-й шахматной олимпиады

### ПЕРВЫЙ ТУР

- В. Чепижный, 1988. Мат в 2 хода. 1.Lg8 (1 балл)
- В. Чепижный, 1988. Мат в 3 хода. 1.Ce2 a3 2.b4+ (2 балла)

### ВТОРОЙ ТУР

- Х. Беттман, 1915. Мат в 2 хода. 1.Cd6 (1 балл)
- К. Нильсен, 1935. Мат в 3 хода. 1.Kpe2 Kph4 2. Ld1, 1...Kph2 2. Ld5, 1...e3 2. Kpf3, 1...Kd6(d8) 2. Л:К (3 балла)

### ТРЕТИЙ ТУР

- К. Манн, 1907. Мат в 3 хода. 1.La4 Kpe5 2.Фс7+, 1...Kpf3 2. Фd2, 1...Kpg3 2. Kpg5 (2 балла)
- Г. Торен, 1929. Мат в 3 хода. 1.Lb4 Ch3 2. Ldb7, 1...Cf1 2. Lbb7, 1...Cf3 2. Lf4; 1. Le7? Cf3! 2. Le3 Cd1! (3 балла)

### ЧЕТВЕРТЫЙ ТУР

- З. Мах, 1911. Мат в 3 хода. 1.Kph5 Cg5(h6) 2. Kp:C, 1...Cd2 2.Фа1+, 1...Cf4 2.K:F4 (2 балла)
- М. Хавель, 1920. Мат в 3 хода. 1. Kph2 Kpc1 2.Kc3, 1...Kpe1 2.Ke3 (2 балла)

### ПЯТЫЙ ТУР

- Г. Ломмер, 1946. Мат в 3 хода. 1.h7 a3 2. h8L1, 1...Kpb2 2.h8Ф+ (1 балл)
- В. Гольцгаузен, 1912. Мат в 4 хода. 1.Lg7 Ch2 2.Lg2 Ce5 3.Lg4 (3 балла)

### ШЕСТОЙ ТУР

- Ф. Хавелка, 1905. Мат в 3 хода. 1.Фg3 Kpb1 2.Фe1, 1...Kp:d1 2.Фf2, 1...d2 2.Фd3 (2 балла)
- Ч. Кайнер, 1911. Мат в 4 хода (с белым королем на h3). 1.Kc4 Kpe1 2.Фd3 e2 3.Фf5, 1...Kpd1 2.Фd3+ Kpc1 3.Фe2, 1...Kpf1 2.Фe4 e2 3.Фg2+, 1...Kpf3 2.Фe7 Kpf4 3.Фe5+ (4 балла)

### СЕДЬМОЙ ТУР

- К. Збонек, 1916. Мат в 4 хода. 1.La7 Cd1 2.Lgb7 Cb3 3.Л:С, 1...Ce2 2.Lgc7 Cc4 3.Л:С, 1...C:e4 2.Lgd7 Cd5 3.Л:С, 1...Cg4 2.Lge7 Ce6 3.Л:С, 1...Ch5 2.Л:h7+ Kpg8 3.Л:С (3 балла)
- П. Бурке, 1967. Мат в 14 ходов. 1.Lf3 Kpg4 2.Lf8 Kpg5 3.Kpb4 Kpg6 4.Kpc5 Kpg7 5.Lf5! Kpg6 6.Ld5! Kpf7 7.Kpd6 Kpf6 8.Kpd7 Kpf7 9.Ld6 Kpf8 10. Kpe6 Kpg7 11.Kpe7 Kpg8 12.Kpf6 Kph8 13. Kpg6 (5 баллов)

Та остановилась на пороге. Ватерлоо молча как замороженная стоит позади нее.

— Когда ты понял, что Ватерлоо со мной? — спрашивает Изабелла.

— Когда она назвала мне свое прозвище. Это была комбинация сейфа. Разумеется, комбинацию дал вам ее отец?

— Это все?

— Нет. Я обыскал ее квартиру и обнаружил вот это. Барран делает легкое движение подбородком в сторону Изабеллы.

Полицейские у двери, затаив дыхание, слушают признание, к которому понуждает ее медик.

— Что «это»? — спрашивает Изабелла.

— Свой револьвер. В сумке для гольфа.

— И ты оставил его на месте?

— Я хотел досмотреть до конца.

Молчание. Молодая женщина поудобней устраивает в руке тяжелый «Смит-и-Вессон».

— Теперь ты видел слишком много. Мне очень жаль.

Медик, неотрывно глядящий на нее, чувствует, что она вот-вот выстрелит, и тянет время, как может, продолжая разговор:

— Тебе не было меня жалко, когда ты собиралась задавить меня в гараже?

К Изабелле подошла Ватерлоо с потеками от слез на щеках. Быть может, она хочет удержать палец, готовый взвести курок. Она торопливо отвечает вместо подруги:

— То была не она, а я.

— Я была уже в Швейцарии с деньгами, — поясняет Изабелла.

— У отца Ватерлоо? — спрашивает Барран.

— Тебя это не касается, — отрезает Изабелла.

— А ведь я тоже член семьи. Спроси у нее.

Легким кивком Барран указывает на Ватерлоо. На долю секунды Изабелла невольно сканирует глаза в сторону девушки. Этого Баррану достаточно, чтобы отпрянуть в сторону, уходя с линии стрельбы. Изабелла тотчас спускает курок. Пуля достается инспектору Муратти, который выскочил из-за двери. Он оседает на пол. Все происходит за миг, пока гремит выстрел, но этот миг растянут, как бывает в кошмарах.

Ватерлоо кидается назад, визжа от ужаса. Изабелла хватая ее за руку и выбегает с ней в коридор. В кабинете для медосмотра Барран устремляется к другой двери, тоже ведущей в коридор.

Мелутис, упав на колени подле лежащего инспектора, как полоумный кричит в рацию:

— Она стреляла в Муратти! Она стреляла в Муратти!

Барран выбегает в белый коридор, тоже крича что есть сил:

— Револьвер пуст!.. Револьвер пуст!..

Но его голос почти сразу же тонет в другом звуке. Убегая по направлению к красному кварталу, девушки пересекли световой пучок, падающий на один из фотоземлементов сигнализации, и тем самым включили во всем здании оглушительный звонок.

Внезапно загораются все светильники. С грохотом открываются двери выходов из подземелья. В коридоры устремляются вооруженные полицейские. Ватерлоо и Изабелла, свернув на одном из перекрестков лабиринта, бегут со всех ног. Растрепанные, перепуганные звоном тревоги и вспыхнувшим светом, они видят, как перед ними вырастает один из людей Мелутиса.

Изабелла все еще держит в правой руке револьвер Баррана. Совсем потеряв голову, она наставляет незаряженное оружие на полицейского, у которого в руках автомат. Тот отпрыгивает в сторону, к стене, и дает вдоль коридора длинную очередь.

На миг Изабелла и Ватерлоо застывают посреди дыма и осколков штукатурки. Потом обе обрушиваются оземь, изрешеченные пулями.

Звонок в здании умолк. Грохот сменяется полной тишиной.

В этой тишине Барран ногой отбрасывает в сторону револьвер, выроненный Изабеллой. Он стоя созерцает Изабеллу и Ватерлоо, лежащих по обе стороны коридора голова к голове. Их волосы на полу смешались.

Обе мертвы. Барран оборачивается. В нескольких шагах от него неподвижно и так же молчаливо стоит Мелутис в окружении своих людей.

Один из них, Горик, подходит к Баррану, берет его под руку и уводит по направлению к белому кварталу. Поравнявшись со старшим инспектором, медик останавливается и заговаривает с ним тоном ледяного презрения:

— Ты обещал мне — до полуночи. Знаешь, как называют того, кто не держит слова?.. Дешевка!..

Он снова пускается в путь в окружении полицейских.

Оскорбленный, Мелутис смотрит вначале на своих людей, оставшихся возле него, машинально приводит в порядок одежду, поправляет узел галстука. И вдруг, обезумев от бешенства, оборачивается вслед удаляющемуся Баррану и орет:

— Я тебе не добрая фея! И не бойскаут! Я плюю на тебя, слышишь! Плюю на тебя!..

Полчаса спустя, посреди небольшой группы поли-

цейских, Барран сидит в одном из кресел в белом коридоре, где накануне Рождества ждали своей очереди на медосмотр служащие.

Мелутис выходит из кабинета для медосмотра вместе с человеком лет пятидесяти, который пожимает ему руку. Их сопровождает администратор СИНТЕКО. Мелутис говорит пятидесятилетию:

— Завтра утром вы получите мой подробный рапорт.

Пока двое его спутников удаляются по коридору к лифтам, старший инспектор долгим взглядом смотрит на Баррана. Он еще не остыл.

— Иди-ка сюда, — говорит он.

Барран встает и идет за ним к хранилищу. По знаку Мелутиса один из полицейских отодвигает фотопанно «Все вместе» и опускает рубильник, разблокирующий бронированную дверь.

Внутри бетонной коробки, закинув ногу на ногу, обхватив сцепленными руками колено, опустив голову, совершенно неподвижный, на полу сидит Пропп. Мелутис резким кивком указывает на него Баррану:

— У вас есть что порассказать друг другу!

Пропп на мгновение поднимает глаза и снова принимает позу ожидания. Его лицо ничего не выражает.

— Кто это? — спрашивает Барран.

— Тот, с кем ты говорил по телефону, — с досадой отвечает Мелутис.

Барран равнодушно качает головой и спокойно выходит в коридор.

— Вставай, — командует Мелутис Проппу.

С кошачьей гибкостью, не касаясь пола руками, легионер поднимается на ноги. Насмешливо улыбаясь, он смотрит на старшего инспектора и обводит пальцем вокруг, указывая на стены бетонной коробки.

— Не трудись искать мои отпечатки пальцев: их тут нет.

— Уж не думаешь ли ты, что я способен на такое? — Вот именно, что думаю, — ухмыляется Пропп.

Мелутис делает своим людям знак войти в хранилище и пропускает их. Пока на Проппа надевают наручники, старший инспектор подходит к Баррану, который ждет, прислонясь спиной к стене коридора, и обращается к медику доверительным, чуть ли не дружеским тоном:

— Раз уж теперь это не имеет значения, доктор, вы вполне можете признаться мне, что были вместе с ним.

— Чтобы испортить ему биографию? — иронически спрашивает Барран.

Старший инспектор, не в силах сдержаться, повышает голос:

— Чтобы открылась правда!

Барран достает из кармана спичечный коробок и играет с ним, наслаждаясь ожиданием полицейского. Потом произносит:

— Правда в том, что я был один... Иначе я сказал бы вам, уж будьте уверены.

Мелутис недобро смотрит на него. В этот момент из хранилища в наручниках выходит легионер. Обернувшись, он выхватывает окурок изо рта сопровождающего его полицейского.

С этим потухшим окурком в зубах он идет по коридору своей легкой, пружинящей походкой, не глядя на Баррана с Мелутисом. Когда он проходит мимо Баррана, тот чиркает спичкой и, тоже не поднимая глаз, протягивает ему огонек.

Пропп останавливается у зажженной спички, склоняется к ней. В своих скованных руках он на короткий миг, нужный для того, чтобы прикурить сигарету, задерживает руку Баррана.

И все.

Он продолжает свой путь под конвоем полицейских.

С настороженностью охотника Мелутис поочередно смотрит на того, кто уходит, и на того, кто остается, пытаясь уловить хотя бы взгляд — просто взгляд, который укрепил бы его в уверенности относительно их сообщничества.

Но они не глядят друг на друга.

Пропп уходит по коридору, пересекает перекресток, останавливается у лифтов. Он сгорает от желания обернуться. У него такое же напряженное лицо, как и у медика, который тоже запрещает себе повернуться к легионеру голову и стоит у стены, глядя в пол и прислушиваясь к уходящим из его жизни шагам.

Барран слышит, как двери лифта закрываются, и он уходит наверх.

Тогда он вдруг обращает к Мелутису оскаленное, как у хищного зверя, лицо, выражающее и горечь, и надежду, и непокорство одновременно, и под изумленным взглядом ничего не понимающего старшего инспектора теперь, когда все завершилось, уже он издает клич Проппа:

— Йеа-а-а!

**И знаете что? Мелутис как в воду глядел. Спустя некоторое время они встретились и начали все снова. Только на этот раз сейф оказался полон, и у них получилось.**

Париж, июнь 1967 г.  
Перевод с французского  
Валерия ОРЛОВА.

**ВОСЬМОЙ ТУР**

- Ж. Леон-Мартин, 1930. Мат в 4 хода. 1.Сe8 Кf7 2.Сa4 Кg5 3.Сd1, 1...Кс6 2.Сg6 Ке5 3.Сe4 (3 балла)
- Ф. Прокоп, 1949. Выигрыш. 1.Сb1+ Крd2 2.Фg5+ Крe2 3.Фg2+! Крe3 4.Фg1+ Крd2 5.Фf2+ Крd1 6. Фс2+ Крe1 7.Фс1+ Крf2 8.Фg1+ Крe2 9.Сd3+ (5 баллов)

**ДЕВЯТЫЙ ТУР**

- В. Нейштадт, 1929. Выигрыш. 1.Сe6+ Крc7 2.Сс4! (2.Сf5? Крb6! 3.Крb8 Крb5) 2...Крc8 3.Сa6+ Крc7 4.Сd3 Крc8 5.Сf5+ Крc7 6.Сb1 Крc8 7.Сf5+ (3 балла)
- Ф. Прокоп, 1968. Ничья. 1.Кg7! g3! 2. Ке6 Крf3 3. Кd4+ Крf2! 4.Ке6!! g2 5. Кf4 (6 баллов)

**ДЕСЯТЫЙ ТУР**

- М. Хавель, 1917. Мат в 4 хода. 1.Крc3 Кр:d5 2. Кf7 Крc5 3.Фа6, 1... Крf4 2.Крd3 Крf3 3.Фg1 (3 балла)
- Ф. Прокоп, 1943. Выигрыш. 1.Крb4 Крb2 2.с5 Крc2 3.Крc4! с6 4.Крd4 Крb3! 5.Крe5 Крc4 6.Крf6 Крd5 7.Крf7!! (7.Крg7? Крe6) 7...Крe5 8.Крe7 Крd5 9.Крf6 Кр:c5 10.Крg7 (5 баллов)

**ОДИННАДЦАТЫЙ ТУР**

- Е. Цеплер, 1932. Мат в 5 ходов. 1.Крg8 Се6+ 2.Крf8 Сс8 3.Ке5 Се6 4.Крe7 (4 балла)
- А. Мандлер, 1915. Мат в 5 ходов. 1.Кс1! Крf6 2.Лb5+ Крe6 3.Кb3 Крd6 4.Се5+, 2...Крg6 3.Кd3 Крh7 4.Лh5+(5 баллов)

**ДВЕНАДЦАТЫЙ ТУР**

- А. Максимовских, 1984. Ничья. Авторское решение: 1.Крc5 d3 2.e6 Крg8 3.Крd6 d2 4.Крe7 Кf4 5.f7+ Крh7 6.f8Ф Кg6+ 7.Крf7 К:f8 8.e7 d1Ф 9.efК+ Крh8 10. Кg6+. Не решается после: 1...Кf4! 2.Кр:d4 Крg8 3.Крe4 Ке6 4.Крf5 Крf7 5.Крg4 Крg6 6.Крh4 Кс5! 7.Крg4 Кd7 8.Крf4 (8.f7 Кf8) 8...h5 9.Крe4 Крg5, и черные выигрывают (5 баллов)
- В. Долгов, 1984. Ничья. 1.Ка5 h1Ф 2.Лd8+ Кра7 3.Кс6+ Крb7 4.Лb8+ Кра6 5.Ла8+ Крb5 6.Ла5+ Крb6 7.Се3+ Крb7 8.Ла7+ Крc8 9.Ла8+ Крd7 10.Лd8+ Крc7 11.Сf4+ Крb7 12.Лb8+ Кра6 13.Ла8+, с вечным шахом (5 баллов)

**ТРИНАДЦАТЫЙ ТУР**

- Г. Граземан, 1952. Мат в 5 ходов. 1.Крc2! Сg6+ 2.d3 С:d3+ 3.Крc1 Сb5 4.Ф:С (3 балла)
- В. Якимчик, 1966. Ничья. 1.Кf1 Крe5! 2.К:e3 Лh2+ 3.Крe1 Лh1+ 4.Кf1 Кh2 5.Крf2 Л:f1+ 6.Крg2 Лf3 7.Сс1! Лf1 8.Са3! (4 балла)
- А. Шерон, 1964. Выигрыш. 1. Кf4 d4 2.Сf6! e2 3.Кd3! (3.К:e2?d3 4.Кс3+Крc2) 3...Крc2 4.Кe1+ Крd2 5. Сh4 d3 6.Крg6 Крe3 7.Сd8! Крd2 8.Са5+ Крe3 9. Крf5 d2 10. Сb6 (4 балла)

**ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ТУР**

- Е. Закон, 1959. Ничья. 1. Кf3+Крh1 2.Кg1! с1Ф 3.Кe2 Фf1+4.Кgf4! Позиционная ничья! (3 балла)
- Б. Стипа, 1940. Мат в 5 ходов. 1.Крe5! Крg4 2.Сd7+Крf3 3.Крd4 Крf4 4.Сh4 Крf3 5.Лf2x, 1...с2 2. Сс6+Крg4 3.Крf6 Крf4 4.Сf2 Крg4 5.Лh4x, дуаль: 2.Се8 Крc3 3.Сd2+ Крf3 4.Сh5+Крg3 5.Сf4x (4 балла)
- Л. Фальк, 1986. Ничья. 1.Крd6 Лg7 2.Л:g7! Ке8+ 3. Крe5 К:g7 4. Крf4 Крh7 5.Крg5! Крg8 6.h4 Крf7 7.h5 Крe6 8.h6 Ке8 9.h7 Кd6 10. h8K! (4 балла)

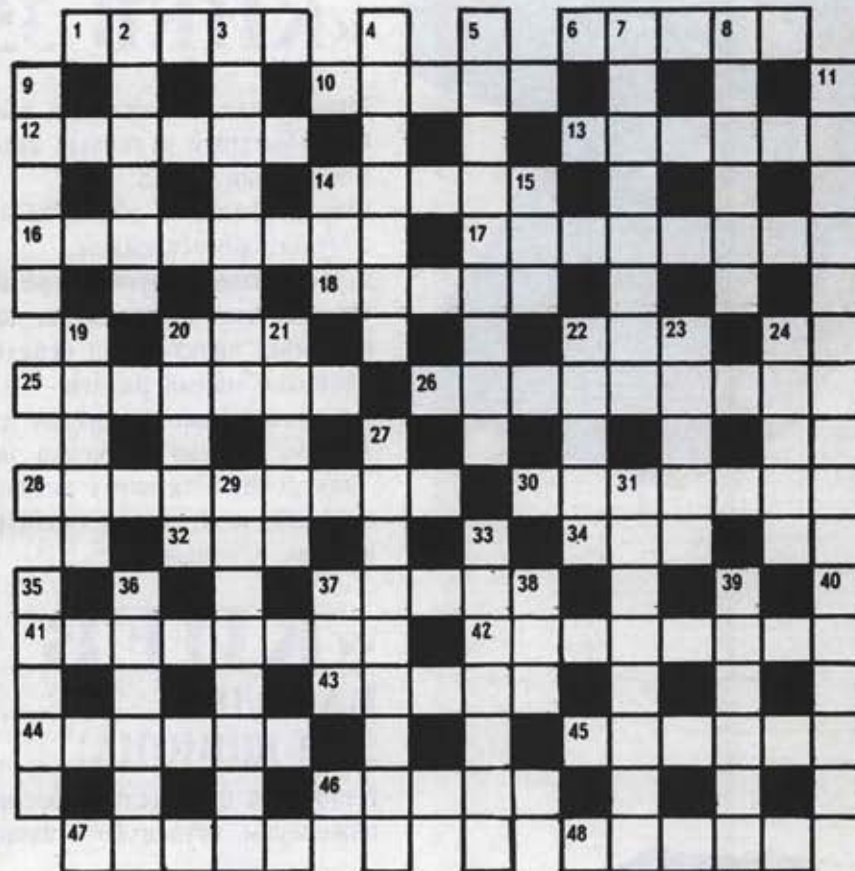
**КРОССВОРД**

Составил Д. Скобельцын. Рязань

**ПО ГОРИЗОНТАЛИ:**

- Нравственная вершина. 6. Место действия в одном из «страшных» рассказов А. Чехова. 10. Пятая болотная жительница, которую часто можно увидеть на азиатском дикум буйволе или носороге. 12. Яд, которым Сальери отравил Моцарта. 13. Один из народов, чьи умельцы вышивают панно «сузани». 14. Народ в Древнем Риме, помимо патрициев и рабов. 16. Духовная близость. Оставаясь верным ей, нельзя в ней принимать одно и отвергать другое. 17. Верная спутница настоящей любви. 18. Город в Чувашии. 20. Брат Боряя. 22. Самый верх горы. 25. Знаменитый русский филолог. 26. Лесная ягода, чьи зерна, подобно гранатовым, измельчают и подают как приправу ко вторым блюдам. 28. Французский писатель, сказавший,

что действие, не опирающееся на знания,— это преступление. 30. Художник Поль Синьяк по спортивному увлечению. 32. Одно из русских названий дна, испода. 34. ...нова — прогрессивное направление в итальянской и французской музыке XIV века. 37. Великий грек, на язык произведений которого при зачете в Московском университете будущего философа А. Лосева заставили переводить отрывок из Софокла. 41. Единственный зверь, у которого в шейном отделе шесть позвонков. 42. Голландский живописец, повлиявший на импрессионистов. 43. Дерево, в Гималаях растущее даже на высоте 3500 метров, а в Европе погибающее часто при слабых морозах. 44. Монах. 45. ...докучливы (поговорка). 46. Обычный певчий в ватиканском хоре. 47. Очень быстрая смена кадров (суть). 48. Лесной лекарь и к тому же музыкант.



**ПО ВЕРТИКАЛИ:**

- Француз, первый в России академик астрономии. 3. Советская поэтесса, считавшая, что в истории все бывает вовремя. «Пушкин был бы немислим в 40-х годах, его бы все забыли, это было бы ужасно». 4. Музыкальный жанр, первоначально — плясовая песнь. 5. Советский поэт, чьим творениям близка живопись П. Филонова. 7. Наиболее передовая страна во время крещения Киевской Руси. 8. Активный безбожник. 9. Болотная трава, о которую легко порезаться. 11. Одна из трех каравелл Колумба. 14. Спор по-старорусски. 15. Сотая часть иены. 19. Сильная выюга. 20. Автор романа «Мельница на

Флоссе». 21. Сторона грани в многограннике. 22. Ласковое название девушки, ребенка. 23. Город, где археолог Артур Эванс откопал дворец Миноса — прообраз всех будущих лабиринтов. 24. Два квартета вместе. 27. Движение, под влиянием которого Аполлон Григорьев написал цикл «Гимны». 29. Французский архитектор-классицист. 31. Наиболее частый жанр крупных произведений Шекспира. 33. Пианист, друг Б. Пастернака. 35. На...! (военная команда). 36. Русская народная игра. 37. Пробег на короткую дистанцию в конном спорте. 38. Город в Испании. 39. Несколько гласных подряд в предложении или фразе. 40. Советский химик-органик, один из ученых, разработавших кумольный метод получения ацетона и фенола.

**ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 6**

**По горизонтали:**

- Варенье. 7. Бортник. 11. Жакеция. 12. Таволга. 13. Заларка. 14. Кинтарь. 18. «Мазепла». 20. Кириши. 21. Пневматолит. 22. Нура. 25. Тема. 27. Лозунг. 29. Сирена. 30. ...царь... 31. Герат. 32. Нуга. 33. Боты. 34. Снег. 35. Шале. 36. Штраф. 38. Елец. 39. Джотто. 40. Нептун. 41. Бодо. 44. Скол. 47. Гидропоника. 49. Хартия. 50. Астров. 51. ...пантера. 55. «Дачники». 56. Водовод. 57. Лебедев. 58. Ре-клама. 59. Абляция.

**По вертикали:**

- Витамин. 2. Ревизор. 3. Нэлепп. 4. Ежак. 5. Юкон. 6. Ярка. 7. Бязь. 8. Реприз. 9. Наргиле. 10. Клавиша. 15. Ирвинг. 16. Трап. 17. Риолит. 19. Анизотропия. 20. Кибернетика. 23. Утамаро. 24. Альбеда. 25. Тангенс. 26. Магнето. 28. Гетто. 29. Сазан. 36. Шторка. 37. Фехнер. 41. Бахадур. 42. Дурачок. 43. Опыт. 45. «Кировец». 46. Ливадия. 47. Гижига. 48. Асидол. 51. Пила. 52. Небо. 53. Езда. 54. Ава.



Пролетарии всех стран соединяйтесь!

**СМЕНА '89**

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

**№ 9 (1487) МАЙ**

Главный редактор Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

- Сергей БАБКИН (заместитель главного редактора)
- Борис ДАЮШЕВСКИЙ (заместитель главного редактора)
- Александр КУЛЕШОВ
- Андрей КУЧЕРОВ
- Альберт ЛИХАНОВ
- Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
- Сергей ПОПОВ (ответственный секретарь)
- Юрий РАГОЗИН
- Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
- Евгений РЯБЧИКОВ
- Вадим САЮШЕВ
- Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
- Владислав СЕРИКОВ
- Виталий ФЕДОРОВ (главный художник)

Художник Александр КЛИЩЕНКО  
Технический редактор Елена НАЗАРОВА

Сдано в набор 20.03.89. Подписано к печати 31.03.89. А 00267. Формат 70 × 108. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Усл. кр.-отт. 19,60. Уч.-изд. л. 10,26. Тираж 2 500 000 экз. Заказ № 393. Цена 35 коп.



101457, ГСП, Москва. Бумажный проезд, 14



212-15-07 — для справок. Отделы: 212-21-59 — рабочей молодежи и науки. 212-21-38 — коммунистического воспитания. 212-23-79 — фотоочерка. 251-32-84 — военно-спортивный. 251-32-84 — международной жизни. 251-04-10 — литературы и искусства. 212-11-27 — писем и массовой работы

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

КИЕВСКОЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ  
ОБЪЕДИНЕНИЕ  
«ЗАВОД АРСЕНАЛ»



## ВНИМАНИЮ АГЕНТОВ СЕКРЕТНЫХ СПЕЦСЛУЖБ!

ВАШ АРСЕНАЛ НЕ ПОЛОН,  
ЕСЛИ В НЕМ НЕТ  
ФОТОКАМЕРЫ «КИЕВ 35АМ»,  
НЕЗАМЕНИМОЙ ДЛЯ ОПЕРАТИВНОЙ  
РАБОТЫ.

## «КИЕВ 35АМ» — ЭТО

Мгновенная готовность к съемке;  
Сверхбыстрый курковый взвод;  
Бесшумный спуск;  
Широкоугольный объектив «Корсар»  
с мультипросветлением  
и увеличенной глубиной резкости;  
Черный цвет фотокамеры позволяет снимать,  
оставаясь практически невидимым;  
Рекордно малый размер — в сложенном виде  
умещается даже в кармане джинсов;  
Автоматическая установка экспозиции;  
Электронный затвор с диапазоном выдержек  
от 1/500 до 4 секунд гарантирует съемку при любом освещении —  
и днем, и ночью!

## «КИЕВ 35АМ» — НАХОДКА ДЛЯ ШПИОНА!

Недорогая цена делает фотокамеру доступной даже домохозяйкам,  
инженерам, студентам и начинающим контрразведчикам.



# ДОТАР